

ХАКАН НАРОДА РОС

С.Н. Беззаконов¹, М.И. Жих²

¹Независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: bezzakonov@mail.ru

²Российско-немецкий исторический семинар

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

<http://orcid.org/0000-0003-2212-6416>

SPIN-код: 6149-397

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается проблема локализации и этнокультурной атрибуции известного по источникам IX в. Русского каганата. Критически рассмотрев основные существующие в науке гипотезы, авторы на основе анализа широкого круга письменных и археологических источников приводят новые аргументы в пользу теории локализации Русского каганата в верховьях Северского Донца и Дона и его тождественности салтово-маяцкой археологической культуре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аланы, русы, восточные источники, славяне, археология, этнография, Византия, салтово-маяцкая культура, Русский каганат, историография.

KHAGAN OF THE ROS PEOPLE

Sergey Bezzakonov¹, Maksim Zhikh²

¹Independent researcher (Rostov-on-Don, Russia)

e-mail: bezzakonov@mail.ru

²The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT

The article considers the problem of localization and ethno-cultural attribution of the Russian Khaganate known from the sources of the 9th century. After critical examination of the main scientific hypotheses and analysis of a wide range of written and archaeological sources, the authors provide new arguments in favor of the theory of localization of the Rus' Khaganate in the upper reaches of the Seversky Donets and Don and its sameness to the Saltovo-Mayaki archaeological culture.

KEYWORDS: Alans, Rus, Eastern sources, Slavs, archaeology, ethnography, Byzantium, Saltovo-Mayaki culture, Rus' Khaganate, historiography.

Рождение «Русской земли»¹ автор Повести временных лет (далее – ПВЛ) датирует 6360 (852) г., началом правления византийского императора Михаила III, при котором Русь совершила свой первый зафиксированный византийскими хрониками поход на Константинополь: «В год 6360 (852), индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведехомъ, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в летописаньи гречь-

стемь. Темже отселе почнем и числа положимъ» (ПСРЛ. I: 17-18). Дата начала правления Михаила III в ПВЛ указана не верно: Михаил начал править совместно со своей матерью в 842 г. в младенческом возрасте, а единолично – с 856 г. Далее, в рассказе о призвании Рюрика и варягов, летописец уже с этим событием, по его датировке, состоявшемся в 862 г., связывает начало Русского государства, написав: «И от техъ варягъ прозвася Руская земля» (ПСРЛ. I: 20). Дата возникновения земли Русской «омолаживается» еще на десять лет.

Однако Русь, как некое государственное или предгосударственное образование византийцам, франкам и арабам была известна, как минимум, за 23 года до описываемых в ПВЛ событий и это принципиальный, если

1 Данная статья представляет собой продолжение исследования проблемы происхождения Руси, проводимого авторами. Здесь представлена новая аргументация в пользу гипотезы аланского происхождения Руси, по возможности не повторяющая того, что ранее уже было нами сказано (Жих 2009: 147-157; 2018: 176-245; 2020: 210-245; Беззаконов 2014; 2021: 60-82).

не сказать ключевой, для реконструкции древнейшей русской истории факт.

Франкские «Бертинские анналы» IX в. под 839 г. сообщают о прибытии к Людовика I Благочестивому (778-840) посольства византийского императора Феофила (829-842): «Прибыли также греческие послы, отправленные императором Феофилом, а именно: Феодосия, халкедонский митрополит – епископ, и Феофан, спафарий, везя императору послание с достойными дарами. Император с почетом принял послов 18 мая в Ингельгейме. Их посольство вело переговоры о подтверждении договора и мира, а также вечной дружбы и любви между обоими императорами и их подданными; также сообщалось о милости и ликовании во господе вследствие побед, которые он [Феофил] одержал, воюя против чужих народов; за них он призвал императора и его подданных по-дружески воздать благодарность Подателю всех побед. Он также послал с ними неких [людей], которые говорили, что они, то есть их народ, называются рос (Rhos – калька с греческого Ῥῶς, которое, очевидно, читалось в византийских сопроводительных документах – С.Б., М.Ж.), что их король (rex), называющийся хакан (chacanus)², послал их к нему [Феофилу], как они заявляли, дружбы ради. Он [Феофил] просил в упомянутом письме, чтобы они, по милости императора, получили возможность и средства безопасно возвратиться через его империю, потому что путь, по которому прибыли в Константинополь, они проделали среди варварских племен, ужаснейших, отличавшихся безмерной дикостью, и он [Феофил], не желал, чтобы они возвращались тем же путем, подвергаясь опасности. Расследуя более тщательно причину их прибытия, император узнал, что они из народа свеонов (Sueoni), и решив, что они являются в той стране и в нашей скорее разведчиками, чем просителями дружбы, он счел нужным задержать их у себя до тех пор, пока не сможет истинно узнать, пришли ли они честно туда или нет. Он не замедлил поставить в известность об этом Феофила через упомянутых послов и в письме, и что их [росов] он охотно из любви к нему принял, а также, если окажется, что они заслуживают доверия, им будет предоставлена возможность вернуться безопасно на родину; они будут отправлены, причем им будет оказано содействие; в противном случае они будут направлены к лицу его вместе с нашими посланцами, чтобы он по собственному решению поступил с ними так, как подобает поступить с подобными людьми» (Свердлов 2017: 13-15).

На сегодняшний день известие Бертинских анналов считается самым ранним из дошедших до нашего времени достоверным упоминанием о народе рос/рус, запотоколизированным очевидцем событий, датировка которого не вызывает сомнений. Но ценны известия Бертинских анналов не только этим: в сообщении Пруденция³ причудливым образом переплелись настолько

разные, а подчас и взаимоисключающие понятия и термины, что споры вокруг известия анналов среди историков не прекращаются.

Вопросы вызывает свидетельство анналиста о том, что правитель пришедших в Ингельгейм росов самими росами именовался хаканом (chacanus), в то время как в ходе инициированного императором франков дознания выяснилось, что люди называвшие себя «народом рос», в действительности оказались «из народа свеонов (Sueoni)».

Титул «хакан» имеет исключительно степное, кочевническое происхождение и у обитавших в Скандинавии свеонов-шведов не зафиксирован, как, впрочем, не зафиксирован в Скандинавии и сам народ «рос».

Пытаясь как-то объяснить имеющиеся в тексте анналов противоречия, исследователи высказывают не менее противоречивые гипотезы, в основном, исходя из своего личного отношения к норманнской теории. Так, например, в некоторых работах титул «chacanus» объявляется скандинавским именем Håkon / Хакон (Garipzanov 2006: 7-11), неверно понятым анналистом. Данная гипотеза не объясняет свидетельства других источников IX в., также титуловавших правителя русов хаканом (восходящие к т.н. «Анонимной записке» сочинения арабских и персидских авторов; послание Людовика II), а также применение титула «каган» к некоторым русским князьям XI-XII вв. в ряде древнерусских источников⁴.

Признание существования Русского каганата порождает массу новых, подчас неудобных вопросов, а главное – несет угрозу норманнской теории и реконструкциям исторического процесса, основанным на свидетельствах ПВЛ. Очевидна дискретность между начальными этапами формирования того Древнерусского государства, о котором мы знаем из летописей, и предшествующим ему Русским каганатом. Его существование плохо вписывается в существующие представления о ходе древнерусского политогенеза. По этой причине ряд ученых относится к сообщениям источников о русах во главе с хаканом по принципу «если источники противоречат теории – тем хуже для источников», отрицая их значимость и стараясь тем или иным образом дискредитировать (см. например: Петрухин 2001: 127-142; 2014: 118-124; Толочко 2015: 112-135).

В.Я. Петрухин настаивает, что Русский каганат – это «историографический фантом». По его мнению, даже если правитель русов носил титул «хакан», это не может служить доказательством существования у них каганата, ибо ни один из известных исследователям источников политику русов каганатом не называет. Однако источникам не известен ни Хазарский каганат,

4 «Похвала кагану нашему Владимиру, от негоже крещени быхом»; «Похвалим же и мы... великаго кагана наша земли, Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава»; «Сий славный от славных рожься... каган наш Владимир» («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, сер. XI в.); «Было же сие въ лето 6559 (1051), во время княжения благовернаго Кагана Ярослава, сына Владимирова» («Исповедание веры» митрополита Илариона, сер. XI в.); «Спаси Господи кагана нашего...» (граффити на стене собора св. Софии в Киеве, 1070-е гг.); «Рекъ Боянь и Ходына Святъславля пестворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти» («Слово о полку Игореве», кон. XII в.).

2 Франки вообще нередко принимали титул «каган» за имя. Так, в «Хронике Фредегара» читаем об аварях: «regem eorum gagano» – «король их (по имени) хаган» (Fred. IV. 48).

3 Галиндо (Пруденций) Труасский (умер 6 апреля 861 г.) – капеллан короля франков Людовика I Благочестивого (778-840), при котором произошли описываемые события. Автор второй части (835-861 гг.) Бертинских анналов.

ни Аварский каганат и т.д., в них есть только упоминания о кагане хазар, кагане авар и т.д. «Каганат» – сугубо кабинетный термин современной науки, неизвестный источникам. И если на основании упоминаний в источниках о каганах авар и хазар ученые условно именуют возглавляемые ими политии каганатами, то на основе упоминаний в источниках о кагане русов можно с аналогичным основанием употреблять в науке термин Русский каганат.

Разве найдены могилы хазарских каганов или надписи, подтверждающие сообщения из так называемой еврейско-хазарской переписки и других посвященных хазарам текстов? Археологи по сей день не могут прийти к единому мнению, какие погребения следует относить к собственно хазарским. Значит ли это, что Хазарского каганата, да и самих хазар тоже не существовало?

Периодически высказывается также гипотеза, что русы, которыми правит хакан – это некие вассалы Хазарии, соответственно каган, о котором идет речь в источниках – это хазарский каган, которому подвластны русы (например: Васильевский 1915: СХVII; Юшков 1940: 41-43; Толочко 2015: 133-135; Петрухин 2019: 60-71). Но данная гипотеза прямо противоречит источникам: в «Анонимной записке» назван как каган хазар («верховный же государь у них (у хазар) – хазар-хакан»: Ибн Русте 1869: 16), так и каган русов. В послании Людовика II упомянуты как каган хазар, так и каган «северных людей». Из этого однозначно следует, что перед нами две разные политии, возглавляемые каганами. Реальных источников оснований отказывать в существовании Русскому каганату нет.

Согласно так называемой «Анонимной записке», описанию степного пояса Евразии (токузгузы, огузы, киргизы, карлуки, кимаки, печенеги, хазары, буртасы, болгары, мадьяры, славяне, русы, Сарир, аланы), которое, судя по локализации в нем кочевых народов, должно датироваться первой половиной – серединой IX в. и которое с теми или иными отличиями передается рядом арабо-персидских авторов, русы живут между славянами с одной стороны, Сарир и аланами – с другой, и правит ими каган (об «Анонимной записке» см.: Göckenjan, Zimonyi 2001; Калинина 2003: 204-216; Галкина 2010: 54-98).

Ибн-Русте (конец IX – первая половина X в.): у русов «царь, именуемый хакан-рус» (Заходер 1967: 78). Гардизи (XI в.): у русов «есть царь, которого называют хакан-рус» (Заходер 1967: 78). «Худуд-ал-Алам» (982 г.): русы «называют государя рус-хакан» (Заходер 1967: 79).

«Бертинские анналы» и данные восходящих к «Анонимной записке» восточных источников о существовании русов, которыми правит хакан, независимо подтверждают друг друга. Совпадает и хронология соответствующих известий: «Анонимная записка» – первая половина IX в., Бертинские анналы – 839 г.

Попробуем отыскать место локализации Русского каганата, опираясь на материалы археологии и другие источники.

Титул «хакан/каган» возник у народа жужаней, в IV-VI вв. н.э. кочевавшего в степях северного Китая, от них он перешел к тюркам и другим народам евразийского

степного пояса, означая «верховного правителя, которому подчинялись другие властители. Поэтому хаканами, например, называли китайских императоров» (Новосельцев 2000: 369). То есть, титул «хакан» означал наличие если не государства, то определенных государственных или предгосударственных структур и иерархии: «Ал-Бируни толкует титул хакан как малик (царь) тюрков, хазар и тогуз-гузов. Более детальную классификацию дает ал-Хваризми, который сравнивает титулы хакан и хан. Это тем более любопытно, так как порой полагают, что оба титула – синонимы и хан произошел от хакан. Между тем ал-Хваризми объясняет хан как ар-ра'ис (глава, вождь), а хакан – ра'ис ар-ру'аса (вождь вождей, главный вождь). Дополнительно он переводит хакан как малик турк ал-азам (великий царь тюрков) или «хан хан» (хан ханов). Следовательно, во времена ал-Хваризми и ранее оба титула не совпадали, и хакан был выше хана, соотносясь с последним как великий князь на Руси с обычным князем. В общем получается, что хакан – титул верховного правителя, под началом которого находились другие властители, ниже его по рангу. Это подтверждается, пожалуй, и единственным (кроме хазар и русов) для Восточной Европы употреблением в XI в. этого титула у ал-Балазури: он один раз именуется хаканом одного из правителей Дагестана, так называемого сахиб ас-сарир. В данном случае этот властелин фигурирует в качестве хакана гор (подразумевается его высший суверенитет в горном Кавказе)» (Новосельцев 2000: 369).

С учетом приведенных А.П. Новосельцевым источников становится очевидно, что к середине IX в., когда во франкской хронике фиксируется известие о народе рос с хаканом во главе, «этот титул – во всяком случае в пределах Восточной Европы – означал верховного сюзерена, претендующего на господство в регионе» (Новосельцев 2000: 376).

Тем сомнительней в таком случае предположение сторонников норманской теории о том, что титул «хакан» у хазар был заимствован предводителями скандинавских дружин, обосновавшихся на северо-западе будущей Руси. Есть ли серьезные основания утверждать, что в 30-е гг. IX в. норманны были реальной силой претендовавшей на то самое «господство в регионе»? По имеющимся на данный момент археологическим данным нет оснований считать скандинавов «значительной частью элиты» большинства восточноевропейских раннегородских центров IX в. (Щавелев, Фетисов 2017: 309). Не обладали они в это время и «монополией на дальнюю торговлю» в Восточной Европе (Щавелев, Фетисов 2017: 309). Археология не подтверждает и появления в это время в Восточной Европе «глобальных политических под руководством скандинавской элиты» (Щавелев, Фетисов 2017: 315), равно как и глобальные военные походы «скандинавской руси» на огромные расстояния. О каком господстве в регионе тогда можно говорить?

Рассмотрим основные версии локализации каганата русов, высказанные в историографии.

Версии помещающие Русский каганат во Фрисландию на остров Валхерен (Александров 1997: 222-224),

в шведскую Бирку (Франклин, Шепард 2009: 57), датское Хедебю и т.п. совершенно несостоятельны и не имеют поддержки даже со стороны большинства сторонников норманнской теории. К 839 г. франки достаточно хорошо знали данов и свеонов, в том числе и под именем «норманны», однако русами они их никогда не называли. Как не называли русами или росами себя и сами жители этих регионов, а титул хакан у правителей Фрисландии, Бирки или Хедебю источниками не зафиксирован.

Более серьёзные гипотезы локализации Русского каганата в Приладожье с центром в Ладоге (см. например: Мачинский 2009: 492-501; Франклин, Шепард 2009: 60-61; Кирпичников 2010) и в Приильменье с центром в Юриковом городище (см. например: Бартольд 1940: 19-22; Франклин, Шепард 2009: 61-65, 67-75).

Поселение в низовьях Волхова согласно дендрохронологии возникло ок. 753 г. Основали его выходцы из Скандинавии, вероятней всего, с острова Готланд. Вместе с тем, раскопки последних лет показали, что до появления скандинавской колонии территория будущей Ладоги уже была обитаема. Обнаружены следы распашки, датируемые V-VII и VI-VIII вв., керамика, сделанная в Верхнем Поднепровье в третьей четверти I тыс. н.э., а также украшения характерные для Центральной Европы того же времени (Кирпичников, Курбатов 2014: 129-136). Все это позволило исследователям высказать предположение о более раннем приходе сюда славян, чем считалось раньше.

Что представляла собой Ладога в интересующий нас период? От ответа на него во многом зависит, могла ли Ладога быть столицей Русского каганата. Вопреки декларациям некоторых авторов, видящих в Ладоге крупный центр «экономических и культурных контактов между Северной Европой, Арабским халифатом и Византией», в гавани которого «теснились морские суда, пришедшие с запада, и речные ладьи, приплывшие с юга», а правители «опираясь на свой флот, могли контролировать северные ветви великого Волжского, а затем и Днепровского военно-торговых путей» (Мачинский, Губчевская 2007), в реальности Ладога представляла собой небольшой поселок, торжище-порт, возможно, неоднократно менявший своих хозяев. Площадь Ладожского поселения в VIII-IX вв. не превышала 5 га, а суммарные размеры поселения X в. составляли не более 6-8 га (Кузьмин 2008: 69-94).

В начале своего существования это была усадьба из трех-пяти домов каркасно-столбовой конструкции, численность населения Ладоги в середине IX, то есть к приходу Юрика, не превышала пары сотен человек (Кузьмин 2008: 69-94).

Наиболее подробный обобщающий обзор хронологии Ладожского поселения представлен в работах археолога С.Л. Кузьмина. Занимаясь вопросами стратегической истории поселения, исследователь пришел к выводу, что за первые сто лет существования Ладога пережила как минимум «три кризисных момента, приводивших к полной или частичной смене населения поселка (760-е, около 840, около 865)». По возможности кратко обозначим эти моменты, поскольку без их учета понять,

что представляла собой Ладога в 839 г., то есть в период существования «каганата росов», будет трудно. И так, по Кузьмину, поселение возникает около 753 г. как скандинавская колония, в числе жителей которой «могло оказаться и, вероятно, было какое-то число аборигенов или выходцев из более южных районов Восточной Европы, но их роль явно не доминирующая». Размеры поселения невелики: «в I-III ярусах открыто от 3 до 5 относительно синхронных жилых построек» каркасно-столбовой конструкции с очагом в центре. Население поселка, как полагает археолог «во второй половине VIII – начале IX в. вряд ли превышало несколько десятков человек и максимально может быть оценено в сотню жителей. Рассматривать его в это время как крупный центр нет никаких оснований». Скорее можно говорить о том, что Ладога 750-760-х гг. – это «поселение одной общины», «отдельная усадьба», но никак не «зародыш города».

«По всей вероятности, – далее пишет С.Л. Кузьмин, – не позднее рубежа 760-770-х гг. скандинавская колония прекратила существование в связи с продвижением в Нижнее Поволжье носителей культурных традиций лесной зоны Восточной Европы... Истоки этой традиции могут уходить на юг, в лесостепную зону Восточной Европы. В таком случае, есть все основания связывать группу нового населения Нижнего Поволжья с продвигавшимся в VII-VIII вв. на север историческим славянством».

Возможно, гибель норманнской колонии в Ладоге связана со славянами, обитавшими на Любшанском городище. Но как бы там, ни было, только после захвата Ладоги славянами, по мнению Кузьмина «происходит становление путей из стран Балтики на Арабский Восток». В пользу чего свидетельствует появление на поселении стеклотканной мастерской, работавшей на привозном восточном сырье, арабского серебра и других товаров, производившихся в Восточной Европе и странах Балтии, включая Скандинавию. Однако, пишет Кузьмин, «поселение продолжает сохранять незначительные размеры, не выходя за пределы части площадки Земляного городища». Только в 810-830-х гг. «застраивается вся исследованная часть площадки Земляного городища. Создается впечатление, что застройка обретает если не регулярный, то, по крайней мере, упорядоченный характер». И как, следствие, отмечается «определенный демографический подъем». Но даже в этот период, по мнению археолога, население Ладоги ограничивалось «несколькими десятками или одной-двумя сотнями постоянных жителей» (Кузьмин 2008: 69-94; Кузьмин, Волковицкий 2003: 45-57).

Этот период в истории Ладоги синхронен времени существования Русского каганата, известного из письменных источников. Государства за один день не создаются, и если «каганат росов» действительно существовал, то возникнуть он мог не позже первой трети, а то и начала IX в. Понимая это, сторонники ладожской локализации Русского каганата пытаются к 830-м гг. и приурочить сложение в Приильменье этносоциума Русь (Мачинский 2009: 492-501). Однако С.Л. Кузьмин скептически относится к стремлению своих коллег

объявить Ладогу столицей Русского каганата и Северной Руси. По его мнению «версия о Ладоге как столице особой Ладожской земли, предшествующей Новгородской, не выдерживает критики. Значение Ладоги этого времени явно иное. Она становится портом-торжищем “при море”. Вряд ли это, продуваемое военными ветрами место, доступное для набегов крупных отрядов викингов, могло эффективно контролировать движение по Волхову. Представляется, что эта функция осуществлялась крупными поселениями Новые Дубовики и Михайловский погост, блокировавшими Гостиньпольские пороги»; «Особых оснований для интерпретации культурной общности, сложившейся в Поволховье к первой трети IX в. (IV ярус), как “руси”, полиэтничной по характеру, но с лидирующей ролью скандинавов нет. Тем более, вряд ли стоит характеризовать это общество как “раннегосударственный организм”. Оно вполне соответствует варварским объединениям, возникавшим в эпохи миграций. С таким же успехом можно видеть за ним один из этапов консолидации населения Северо-Запада, в частности, этно-политического объединения словен» (Кузьмин 2008: 69-94; Кузьмин, Волковицкий 2003: 45-57).

Гипотеза С.Л. Кузьмина о «кризисных моментах» в истории Ладоги, повлекших за собой смену её населения принимают не все археологи: оппоненты учёного приходят к выводу о непрерывности жизни на поселении (Новое в археологии 2018: 59-64). Пожары же, фиксируемые археологией, объясняются ими естественными причинами. Но безотносительно к данной дискуссии новые данные не отменяют наиболее принципиальные для нашей темы выводы Кузьмина: в период существования Русского каганата Ладога не претендовала на столичный статус и вряд ли обладала военной и политической силой достаточной для того, чтобы претендовать на статус центра некой политики или конфедерации равной по влиянию Хазарскому каганату (Носов 2012: 107; 2017: 21).

Важно и то, что поселение в Ладоге на протяжении всего рассматриваемого времени не имело укреплений (Лебедев 2005: 450), а рядом с неукрепленной Ладогой существовала славянская крепость Любша, где укрепления были возведены еще в конце VII – начале VIII в. (о Любшанском городище см.: Рябинин, Дубашинский 2002: 196-203; Рябинин 2003: 16-19). Очевидно, что укрепленное поселение политически господствовало над неукрепленным. Это дает нам ключ к пониманию того, что представляло собой с историко-социологической точки зрения раннее поселение в Ладоге: оно могло быть полиэтничным международным торговым эмпорием, находившимся под политическим контролем словен и их крепости Любши. Торговое поселение в Ладоге не имело и в силу самой своей социальной природы не могло иметь значения политико-организационного центра, не могло быть «столицей» севера Восточной Европы.

Самое раннее достоверное упоминание о Ладоге в сагах связано с разгромом поселения в 997 г. норвежским ярлом Эйриком. Следующее известие о Ладоге в сагах связано с именем Олафа Трюггвассона, волей

судьбы оказавшегося в Ладоге ок. 1000 г. (Рыдзевская 1945: 51-65). Соответственно, гипотеза о существовании в IX в. некоей значимой политики с центром в Ладоге не находит опоры и в скандинавских сагах – Ладоги IX в. они просто не знают.

Таким образом, вопреки желанию ряда историков и археологов объявить Ладогу первой столицей Руси и центром Русского каганата, объективных оснований для этого нет. Трудно представить себе каганат, в столице которого в интересующий нас период проживало от нескольких десятков до пары сотен человек. Не спасает ситуацию и попытка передвинуть время жизни каганата во вторую четверть IX в. на основании того, что ок. 840 г. Ладогу захватила новая группа скандинавов, занявшая в ней, согласно С.Л. Кузьмину, главенствующее положение (Кузьмин 2008: 90). После пожара учиненного пришельцами, со временем Ладога несколько расширила свою территорию, но возникает вопрос, что заставило захватчиков в рекордно короткие сроки усвоить финно-славянское наименование шведов *ruotsi* в качестве самоназвания и под этим именем отправить посольство в Константинополь, а, главное, зачем? Почему гипотетический предводитель скандинавов сразу после захвата города принял титул «кагана», то есть «степного императора»? Где Ладога и где каганы...

Не в пользу локализации Русского каганата в Ладоге говорит и почти полное отсутствие на поселении предметов произведенных в Византии, включая деньги. Уже одно это вступает в противоречие с сообщением Бертинских анналов и свидетельством Ибн Хордадбега в сороковых гг. IX в. писавшего о том, что русы торгуют с греками и арабами мехами и мечами: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей (джинс) славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки чёрных лисиц и мечи из самых отдалённых [окраин страны] славян к Румийскому морю. Владелец (сахиб) ар-Рума взимает с них десятину (‘ушр)» (Ибн Хордадбех 1986: 124).

Другая популярная гипотеза связывает центр известного по письменным источникам Русского каганата с Рюриковым городищем. Причина этому, прежде всего, ярко выраженная «скандинавская вуаль», обнаруженная археологами на поселении. Совпадают и некоторые детали, о которых говорится в сочинениях арабских и персидских авторов, повествующих об «острове русов» управляемом хаканом. Попробуем разобраться, насколько данная версия локализации Русского каганата аргументирована.

По словам Е.Н. Носова «сейчас существование Рюрика городища в середине IX в. не вызывает сомнений. Эта дата подтверждается двумя кладками дирхемов (конца 850-х гг. и конца 860-х гг.), отдельными восточными и византийскими монетами, бусами, импортами из Скандинавии и Хазарии и радиоуглеродными датами. С мыса городищенского холма получены спилы для дендрохронологии. Древнейшие бревна, использованные для строительства, были срублены в 889, 896, 897, 900 гг., что указывает на существование застройки в низкой части поселения в последнее десятилетие IX в.» (Носов 2017: 24).

Собственно, из этого следует по хронологическим причинам невозможность размещения столицы Русского каганата на Рюриковом городище. Согласно новейшим археологическим данным, приводимым И.И. Еремеевым, «в ходе раскопок был найден выходящий к Волхову северный фас укреплений второй половины IX в... Найденные в забутовке дирхем и гребень скандинавского типа не оставляют сомнений в принадлежности укреплений к ранней эпохе викингов. Главным итогом раскопок стало обнаружение под этими дерево-земляными укреплениями следов более ранних фортификационных сооружений, предположительно датирующихся VIII – первой половиной IX в., и связанных с небольшим славянским городком холмового типа... Эти фортификационные сооружения и постройка пришли в запустение и были распаханы в VIII – первой половине IX в.» (Еремеев 2019: 89).

Итак, в период, когда письменные источники фиксируют существование Русского каганата, на Городище находился лишь «небольшой славянский городок холмового типа» (или даже вовсе это был период запустения данного поселения), едва ли могущий претендовать на статус центра подобной политики.

Критические соображения относительно «статусности» Рюрикова городища даже во времена Рюрика высказала М.В. Елифёрова: «для эпохи летописного Рюрика ни одного сколько-нибудь весомого признака наличия княжеской резиденции раскопки не выявляют» (Елифёрова 2017: 88). Сопоставляя «дворы конунгов» Скандинавии с Рюриковым городищем, исследовательница также обратила внимание на то, что «ничего похожего на пиршественный зал конунга на Городище до сих пор не обнаружено» (Елифёрова 2017: 89), как и на то, что возле Рюрикова городища до сих пор не найдено следов княжеского некрополя, на основании которого можно было бы сделать выводы об этническом составе элиты. По мнению Елифёровой «находки Городища вызывают больше вопросов, чем ответов, и они должны подвергнуться всестороннему критическому рассмотрению в свете письменных источников и западноевропейских параллелей. Вместо того, чтобы использовать эти находки как подпорки, любой ценой подставляемые под летописную версию истории Руси, пора провести честное сопоставление археологических данных с летописными, привлекая скандинавский материал на системном уровне» (Елифёрова 2017: 90).

Но если вопросы вызывают находки, скажем так, летописного или Рюрикова периода, то что тогда говорить о времени существования Русского каганата датируемого первой половиной – серединой IX в.?

Теперь переместимся юго-восточнее, в Верхнее Поволжье, к Сарскому городищу, куда Русский каганат помещали П.П. Смирнов, О. Прицак и некоторые другие авторы (Смирнов 1928; Франклин, Шепард 2009: 65-67).

В первой половине IX в. Сарское городище – относительно небольшой, площадью ок. 3 га (Леонтьев 2012: 166) мерянский поселок, основные функции которого: военная и торговая, на что указывает наличие фортификационных сооружений, обновляемых на протяжении достаточно длительного времени, а также находки

предметов вооружения, арабских дирхемов, слитков меди и олова, украшений, других импортных изделий, поступавших из Европы и стран Востока. Вместе с тем с учетом того, что «подобной концентрации импорта нет ни на одном из исследованных памятников окружающей финской территории», исследователи отмечают, что «культура жителей городища сохраняла традиционный мерянский облик», кроме того, несмотря на постоянный рост территории, «Сарское городище не стало самым большим поселением своего региона» (Леонтьев 2012: 162-177).

В контексте гипотезы норманнского происхождения руси, спорно и присутствие на Сарском городище выходцев из Скандинавии, даже с учетом находок вещей и оружия имеющего скандинавское происхождение. Курганных захоронений со скандинавским погребальным обрядом возле городища не обнаружено. Исследователи достаточно осторожно пишут: «факты если не подтверждают возможность появления варягов (вполне в духе сообщения о выплате варяжской дани), то, во всяком случае, указывают на связи мери с Новгородской землёй и появившимися там варягами не менее чем за два поколения до возникновения Древнерусского государства» (Леонтьев 2012: 170); «Роговые гребни, происходящие из культурного слоя Сарского городища, позволяют предполагать если не присутствие во второй половине VIII – IX вв. скандинавов среди населения Сарского, то, по крайней мере, вовлеченность этого населения в международную торговлю с участием скандинавов» (Каинов 2011: 150).

Не спасает ситуацию и найденный недалеко от городища «сезонный лагерь “гостей”» (Леонтьев 2012: 166) с нетипичными для мери постройками и очагами, что как бы намекает на скандинавский след: проблема в том, что данная стоянка или временное селище археологами датируется началом X в., то есть временем, когда Русский каганат, как предполагает большинство исследователей, уже перестал существовать. Словом, при всей значимости памятника, объявить столицей Русского каганата Сарское городище оснований нет ни в материалах археологии, ни в письменных свидетельствах.

Если помещать Русский каганат в районе Ладоги/Рюрикова городища/Верхнего Поволжья, то почему северное государственное образование известно своей активностью исключительно на юге? Почему сумевшее организовать нападение на Константинополь могущественное «ладожское государство» каким-то образом ускользнуло от внимания источников, которые описывают ситуацию вокруг Балтики в IX в.? «Поход, стартовавший на Балтике и в непрерывном марше достигший Константинополя – дело почти немыслимой логистической сложности» (Толочко 2015: 121). Нет никаких материальных свидетельств существования каганата в Ладоге, на Рюриковом городище или в их округе.

Любой титул принадлежит определённому региону. Соответственно, только на юге Восточной Европы возможно помещать политику, правитель которой именуется себя «каганом», титулом, считавшимся наивысшим у народов евразийских степей, ибо только здесь были

понятны его смысл и значение. Локализации Русско-го каганата где-то на севере (на о. Рюген, в Ладого, на Городище, в Верхнем Поволжье и т.д.), безосновательны – титул «кагана» просто не мог там появиться, так как не имел в этом регионе никакого смысла, будучи чем-то вроде «герцога» в Китае.

Согласно выводам Н.А. Макарова людские и экономические возможности северо-запада «были недостаточны для установления контроля над территориями, простиравшимися от Балтики до границы степи... Приильменье, в силу своего географического положения, не могло быть непосредственным плацдармом для походов к Босфору и военных действий в Причерноморье» (Макаров 2012: 456). Отсутствие же «археологических следов скандинавов или славянизированного скандинавского населения первой половины IX в., которые могли бы быть связаны с русью, в Среднем Поднепровье, не может быть решающим аргументом против южной локализации “русского каганата”» (Макаров 2012: 456).

Действительно, в историографии весьма популярной гипотезой локализации Русского каганата является его размещение на Среднем Днепре с центром в Киеве и понимание как непосредственного социально-политического предшественника Киевской Руси (см. например: Гедеонов 2004: 337-349; Пархоменко 1924: 54-56; Мавродин 1945: 200-204; Сахаров 1980: 36-47; Шаскольский 1981: 43-54; Рыбаков 1982: 284-316; Толочко 1987: 14-36; 2013: 46-59; Новосельцев 2000: 378-379; Свердлов 2003: 92-99; Горский 2004: 54-58; Фроянов 2015: 97-98).

Эта гипотеза может объяснить принятие правителем русов титула каган (соперничество с соседней Хазарией), лучше соответствует локализации русов с хаханом во главе в восточных источниках, не противоречит возможности их контактов с Византией. Но и она сталкивается с плохо разрешимыми трудностями.

Как и в случае со всеми рассмотренными выше претендентами, Киев первой трети – середины IX в., судя по археологическим данным, так же сложно представить столицей какого-либо значительного политического объединения. Более того, спорно и само существование здесь города или протогорода в начале IX в.

Не отрицая факт, что славянские поселения на киевских горах существовали как минимум с VI в., археологи признают, что даже в конце VIII в. по уровню социально-экономического развития они не дотягивали до уровня синхронного им Пастырского городища и не могли претендовать на роль какого-либо значительного центра. Раскопки показали полное отсутствие в слоях этого периода предметов вооружения, ремесленных комплексов, укреплений, что достаточно выразительно «свидетельствует о рядовом характере поселения» (Комар 2012: 315). Говорить о наличии на Старокиевской горе даже во второй половине IX в. больших поселений «также не приходится» (Комар 2012: 315). По сути, Киев IX в. – типичное славянское «гнездо поселений», не могущее претендовать на статус не только столицы Русского каганата, но и какого-либо значимого политического центра вообще. Культурный слой киевских поселений по прежнему беден, помимо леп-

ной керамики и прочей домашней утвари в нем также не обнаружено характерных предметов «престижной культуры IX в. – украшений, оружия, монет, импортов» (Комар 2012: 315). В то время как согласно «Анонимной записке» русы ведут активную торговлю, по археологическим данным «в IX в. на территории Среднего Поднепровья наблюдается почти абсолютный экономический вакуум» (Щавелев, Фетисов 2014: 25). Застройка Подола начинается лишь в конце IX в. и именно с этого времени, Киев попадает «в типологию “торгово-ремесленных поселений”, ориентированных на Днепр как торговую артерию» (Щавелев, Фетисов 2014: 26).

В Киеве середины IX в. нет и сколь-нибудь заметных следов присутствия скандинавов. Вопреки свидетельствам летописцев, «поселивших» здесь сначала Аскольда и Дира, а затем и Вещего Олега, материалы Подола конца IX – середины X в. «в настоящее время не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или “северного” происхождения» (Комар 2012: 315). Не лучше ситуация и на Замковой горе, где ряд исследователей помещают княжеский град. Как указывает А.В. Комар «поселение на Замковой горе второй пол. IX – первой пол. X в. по культуре откровенно славянское, ничем не напоминающее культуру Ладоги или Рюриковского городища, что никак не вяжется с ожидаемым “русско-скандинавским” обликом дружины киевского князя» (Комар 2005: 132). Самые ранние следы норманнского присутствия в Киеве, по данным некрополей, приходятся только на середину и вторую половину X в. Следовательно, если русы и сидели в то время в Киеве, то эти русы явно были не скандинавами. Но в любом случае, археологические данные не позволяют говорить о том, что в 30-60-х гг. IX в. на берегах Днепра существовало государство со столицей в Киеве, способное, да и нуждавшееся в дипломатических сношениях с Византией.

Подводя неутешительные итоги поисков археологического соответствия Русскому каганату письменных источников на восточнославянской территории Н.А. Макаров отмечает: «Отсутствие в источниках однозначных географических ориентиров для локализации политического объединения руси, возглавлявшегося каганом, оставляет исследователям широкий простор для дискуссий о его местоположении и пространственном охвате... Главным камнем преткновения при сопоставлении его с археологическими памятниками оказывается отсутствие в археологических древностях первой половины IX в. видимых следов централизованной военно-политической системы, способной создавать реальную военную угрозу византийским владениям. Малозаметны и археологические свидетельства скандинавского присутствия на Русской равнине в этот период... Ни на Севере, ни на Юге мы не видим археологических памятников этого времени, которые могли бы выступать как места сосредоточения значительной военной силы, как административные центры, располагавшие ресурсами для организации грандиозных походов на Византию. Скромные размеры поселений, бедный набор оружия, отсутствие погребений военизированной знати заставляют усомниться в том, что “нашествие руси”

на византийские владения в 860 г., очевидцем которого был патриарх Фотий, действительно являло собой военную акцию, угрожавшую существованию Царьграда. Точно так же, как и в том, что послы народа «рос», появившиеся у императора Феофила и отправленные им далее к Людовику Благочестивому, выступали как представители государственного образования со сложившимися властными институтами и административным аппаратом» (Макаров 2012: 456).

Сам Н.А. Макаров полагает, что если каганат и существовал, то был весьма эфемерной, до конца не сложившейся структурой, с немногочисленным населением, администрация которого вела, если так можно выразится, кочевой образ жизни, перемещаясь из одного поселения в другое. Едва ли такой подход может служить решению проблемы, поскольку остаётся загадкой как эта эфемерная структура сумела добиться высокого статуса на международной арене (признание Византией титула «каган» за её правителем) или организовать поход на Константинополь.

Поскольку и «киевский» и «северный» варианты локализации Русского каганата не находят подтверждения, ряд ученых начал поиски третьего пути в решении данного вопроса.

В.В. Седов локализовал Русский каганат на юго-востоке Европы: обратив внимание на обоснованную А.Н. Поляком «волго-донскую» локализацию русов в ряде восточных источников (Поляк 2001: 87-91), которые были соседями хазар, болгар, печенегов и гузов, учёный выдвинул гипотезу, согласно которой его археологическим отражением является славянская волынцевская культура VIII – начала IX в. (Седов 1998: 3-14; 1999: 55-82).

Во многом на позицию исследователя повлияло долгое время бытовавшее среди исследователей мнение, что именно против славян волынцевской, роменской и боршевской культур в 30-40-х гг. IX в. на северо-западном пограничье Хазарского каганата с помощью византийских мастеров была построена серия каменных крепостей (Седов 1998: 6; 1999: 70-73).

Идеи известного историка и археолога не встретили должной поддержки в историографии, поскольку его гипотеза также имеет существенные проблемы.

Временные рамки существования волынцевской культуры достаточно узки: VIII – первая четверть IX вв. Поселения, как правило, не укреплены и обычно не превышают размеров в 1-2 га, в то время как «Анонимная записка» говорит о городах у русов. Исключение составляет лишь Битицкое городище («столица» Волынцевской культуры, по некоторым оценкам), возведенное на берегу реки Псел, на месте более древнего городища существовавшего здесь со скифских времен. На сегодняшний день это единственное известное археологам поселение «волынцевцов», имеющее относительно мощные искусственные оборонительные сооружения. И именно это привело к расхождению во взглядах исследователей относительно его назначения и принадлежности: для одних городище – центр местной племенной знати, для других – ставка хазарского наместника (тудуна) собиравшего дань с подчиненных хазарам славян. Дело в том, что помимо славянских полуземлянок

на территории Битицкого городища обнаружены юртообразные жилища, типичные для алан и булгар салтово-маяцкой археологической культуры (далее – СМК), что позволило высказать предположение о наличии здесь хазарского гарнизона (Зорин 2002).

Раскопки на Битицком городище показали, что если не все, то многие волынцевские дружинники, жившие там, имели кольчуги и окованные железом щиты. В качестве основного наступательного оружия ими использовались сабли салтовского типа, палаши, кистени, булавы, боевые топоры, копья и дротики. Также есть основания полагать, что какую-то часть северянских воинов, как и в войске алан, составляла легкая конница (Зорин 2002). Однако, столь высокая милитаризованность северян, вопреки точке зрения В.В. Седова, не указывает на их военное противостояние с Хазарским каганатом. Напротив, в последнее время всё чаще археологи, занимающиеся СМК, говорят о том, что крепости в Подонцове и Подонье возводились не против славян, а наоборот, против угрозы с востока и юго-востока. Также исследователи полагают, что вплоть до конца IX в. вся Северская земля, земля вятичей и донских славян находились под значительным влиянием СМК (Щеглова 1987: 77-85; Григорьев 2012: 94-127; Щавелев 2014: 323-329).

К этому можно добавить, что согласно «Анонимной записке» русы хоронили своих умерших по обряду ингумации, в то время как у «волынцевцев» имело место трупосожжение. Таким образом, говорить о существовании Русского каганата в землях левобережных и донских славян не приходится.

В последнее время некоторые историки и археологи пытаются объяснить гибель волынцевской культуры и ее «столицы» в Битице активностью гипотетических «русов-скандинавов», которые, по версии этих исследователей, совершали опустошительные набеги на земли славян и доставляли проблемы хазарам (Комар 2005: 136; Воронятов 2012: 221-245). Против этих русов, считают сторонники данного предположения, хазары построили Саркел и крепости в Подонье и Подонцове. В работах А.В. Григорьева и А.С. Щавелева показано, что данная точка зрения абсолютно неприемлема и археологически несостоятельна, ввиду отсутствия сколько-нибудь заметных следов присутствия скандинавов и выходцев из северо-западного региона на территориях близких к Хазарии (Григорьев 2012: 94-127; Щавелев 2014: 323-329; Щавелев, Фетисов 2017: 309-317).

Последним претендентом на право именоваться Русским каганатом или, так сказать, «Русью до Руси» является салтово-маяцкая археологическая культура в междуречье Северского Донца и Дона.

Первым высказал гипотезу о локализации Русского каганата в Подонье Г.В. Вернадский. В изданной в 1943 г. работе «Древняя Русь» историк предположил, что русы – это смешавшееся со славянами-антами аланское племя, осевшее в верховьях Северского Донца и Дона, ранее известное античным авторам под именами роксаланов, аорсов, росомонов, хрос и т.д., а восточным писателям под именем рухс-ас («светлые или блистающие асы», то есть правящие асы) (Вернадский 1996: 268). Под за-

щитой хазар, писал Вернадский, донские русы «жили в мире и довольствии около столетия» (Вернадский 1996: 269), пока их столицу, Верхний Салтов, не захватили в VIII в. пришедшие из Ладоги скандинавы, установившие контроль над районами Подонья и Приазовья. От аланов (рухс-асов) скандинавы переняли этноним, так в регионе Подонья и Приазовья образовалось независимое алано-скандинавское государство – Русский каганат письменных источников, существовавший примерно около столетия в 730-830-е гг. (Вернадский 1996: 281-282).

Поддержки среди историков идеи Г.В. Вернадского в то время не получили, слишком кардинально они отличались от построений как «норманистов», так и «антинорманистов». Изучение СМК ни в малейшей степени не подтвердило гипотезу о захвате норманнами её городищ и крепостей с проживавшим в них весьма милитаризованным населением.

Иначе к вопросу о тождестве Русского каганата и СМК в конце 60-х гг. подошёл украинский археолог Д.Т. Березовец. Опираясь на сопоставление археологических материалов и данных о русах в арабо-персидских текстах он пришел к выводу, что «русы арабских и персидских авторов жили между Доном и Северским Донцом и на побережье Азовского моря. Археологические памятники этих регионов исключительно салтовские, которые свидетельствуют, что в VIII-X вв. здесь жило многочисленное население, которое и оставило эту культуру. Из этого может быть сделан лишь один вывод, что именно это население и имели в виду мусульманские авторы, когда писали о русах. Носители салтовской культуры и есть русы восточных авторов» (Березовец 1970: 59-74). Работы Д.Т. Березовца посвященные Русскому каганату вышли уже после смерти учёного, поэтому не смотря на его высокий авторитет, широкого обсуждения среди историков и археологов они не получили.

Выводы Д.Т. Березовца нашли поддержку и развитие в работах Д.Л. Талиса (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99), А.Г. Николаенко (Николаенко 1991), О.Н. Трубочева (Трубочев 2005: 148), А.Г. Кузьмина (Кузьмин 2003: 243-267), Е.С. Галкиной (Галкина 2002; 2012), Я.Л. Радомского (Радомский 2004), М.И. Жиха (Жих 2009: 147-157; 2018: 176-245; 2020: 210-245), С.Н. Беззаконова (Беззаконов 2014; 2021: 60-82), А.А. Карпенко (Карпенко 2016: 89-94; 185-192).

Развивая концепцию Д.Т. Березовца о салтовских аланах как о русах с хаканом во главе письменных источников, Е.С. Галкина сформулировала в своих работах вывод о том, что в VIII-IX вв. в ареале салтовской культуры в её «узком» значении существовало независимое и соперничавшее с Хазарией мощное государство аланов – Русский каганат, включавшее в свой состав и ряд зависимых славянских областей, отмеченных распространением волынцевских памятников, на которые распространился хороним Русская земля (Галкина 2002; 2012).

Вопреки предположениям авторов, относящих салтовскую культуру к Хазарскому каганату, о территории занимаемой СМК нет бесспорных сведений ни в вос-

точных ни в византийских источниках, ни в сочинениях самих хазар, судя по «еврейско-хазарской переписке» не включавших земли Подонья и Подонцовья в состав своей страны.

С.А. Плетнёва очень точно по этому поводу заметила: «Что касается лесостепного (аланского) варианта СМК Подонья, то о нём не сохранилось никаких сведений в литературе того времени. Богатый, развитый и воинственный народ как будто совершенно не участвовал в общеевропейской жизни. Это наводит на мысль, что имя аланов скрыто в источниках под каким-то другим общим названием» (Плетнёва 1967: 186).

Незнание населения СМК восточными авторами выглядит совершенно нереальным, поскольку оно имело разнообразные связи со странами Востока, причём не только торговые. На ряде поселений СМК имеются мусульманские кладбища, на которых хоронили не только местное население, обращенное в ислам, но и выходцев из Азии там обитавших. В пользу этого говорят находки костей домашнего верблюда на ряде городищ. Также на некоторых городищах СМК Подонцовья обнаружены печи-тандыры, характерные для стран Востока. К числу восточных влияний относят и находки водосборных ям напоминающих санитарные сооружения «тош-на», «тошнау» широко распространенные на Востоке, а также находки некоторых видов керамики. Все это говорит и о наличии на поселениях «людей, бывших выходцами из мира ислама» и о «контактах населения этого региона со странами Средней Азии» (Кравченко 2005: 168-170).

Попытки определить имя носителей СМК в восточных источниках предпринимались неоднократно. С.А. Плетнёва полагала, что население салтовской культуры современникам было известно под именем хазар (Плетнёва 1967: 186).

Однако следов проживания хазар на территории лесостепного варианта салтовской культуры не обнаружено, что выглядит весьма странным в рамках традиционного представления о вхождении данного региона в состав Хазарии, и ставит под сомнение бытующее по сей день представление о вхождении Подонья и Подонцовья в состав Хазарского каганата. По словам В.С. Аксёнова «отсутствие хазарских памятников в районе такого крупного административного центра, как Верхний Салтов, и на пути к нему выглядит на первый взгляд довольно странным» (Аксёнов 2005а: 227). Еще более критично по поводу проживания хазар на территории лесостепного варианта СМК высказывается Г.Е. Афанасьев: «Нет никаких оснований говорить о постоянном проживании хазарских этнических групп в зонах ответственности первой-третьей фортификационных агломераций, хотя в некоторых публикациях можно встретить высказанные без ответственной аргументации утверждения о каких-то хазарских ханских ставках, хазарских гарнизонах или хазарских торговых факториях, якобы, размещавшихся на славянском пограничье в зоне лесостепного варианта СМК» (Афанасьев 2016: 57).

С учётом этих фактов были предложены другие гипотезы этнокультурной атрибуции «салтовцев»: аланы салтовской культуры – это буртасы восточных источников (Афанасьев 1987: 142-167), ясы-асы русских летописей

сей (Артамонов 1962: 359) или булгары (Тортика 2006). Среди этих гипотез степень своей обоснованности выделяется версия Д.Т. Березовца считавшего «салтовцев» русами восточных источников.

Свеоны Бертинских анналов служили русскому кагану, на что прямо указывают Пруденций. И.Г. Коновалова констатирует: «Использование послов – иноземцев в дипломатических миссиях было весьма распространенным явлением в средние века, в связи с чем шведское происхождение послов народа “рос” само по себе не может служить доказательством того, что они представляли какого-нибудь правителя из Скандинавии» (Коновалова 2001а: 114). Ничего невероятного в этом нет, если вспомнить, что даже в XV в. на Руси «в качестве послов поначалу направлялись преимущественно иностранцы, состоявшие на московской службе, но уже при Василии III их заменили русские» (Похлебкин 1992).

Также не следует забывать и о том, что в качестве послов в средневековье могли использоваться купцы. В этом случае свеоны, если они были купцами, подвизавшимися на ниве торговли между Востоком и Балтийскими странами, могли сами не вести переговоры, а только передать послание византийскому императору от кагана росов, если иных возможностей для дипломатических сношений с греками у него на тот момент не имелось. Также настоящие послы русского кагана могли воспользоваться караваном скандинавских купцов для того что бы попасть в Византию, а сами свеоны, в свою очередь, по договоренности с росами, прикрыться «диппаспортом», выдавая себя за послов, чтобы беспрепятственно и с относительным комфортом в обозе греков добраться до Ингельгейма, а затем вернуться на родину.

М.Б. Свердлов делает важное пояснение к переводу интересующего нас фрагмента Бертинских анналов: «Перевод может быть другой. От глагола *dicebant* зависит оборот *accusatives cum infinitive: se... vocari*. В средние века *se* ставилось вместо *eum* или *eos*; *vocari* – от глагола *voco infinitivus prass. passivi*. Следовательно: “Он также послал с ними неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, называют рос”. Отсюда смысл известия другой: пришедших в Ингельгейм шведов другие народы называли росами, хотя они сами себя называли *sueoni* – шведы... Вероятно, в данном случае смысл фразы заключается в том, что другие люди называют этот народ рос и послы – сами себя... Из сообщений Пруденция и ал-Йа'куби видно, что в IX в. скандинавов называли росами (русами) другие народы. Отсюда следует важный вывод, согласно которому о норманском государстве или о господстве норманнов в государственном образовании росов (русов) 830-х годов говорить не приходится» (Свердлов 2017: 15-16).

То есть из источника никоим образом не следует тождество росов с хаканом во главе и «свеонов» (*Sueoni*). Франки никакой связи между народом «рос» и «свеонами» не видели. Свеоны только в силу неких причин представляли политику росов в качестве по-

слов, но сами росы – не свеоны, вот какой вывод можно сделать из сообщения Бертинских анналов⁵.

Заметных следов скандинавского присутствия на территории СМК или в ареале её влияния нет (Щавелев, Фетисов 2017: 309-317). Вместе с тем, контакты между скандинавами и населением СМК были. Самые ранние клады арабских дирхемов обнаружены на о. Готланд и датируются первой третью IX в. Среди обнаруженных монет встречаются и так называемые «хазарские подражания», что подтверждает Донской путь поступления дирхемов. О том, что в погребениях Бирки обнаружены остатки «восточных» кафтанов будет сказано ниже. Но кафтаны далеко не единственная находка указывающая на контакты скандинавов со Степью. В погребениях Бирки встречаются и другие предметы, включая оружие, имеющие отношение к СМК и степным культурам в целом. Более того, ряд захоронений позволяют археологам утверждать, что погребенные в них воины имели «степной облик», были русами (Петрухин 2019: 92), выходцами с территории Восточной Европы и носителями «степного» влияния (Hedenstierna-Jonson 2006).

В.Я. Петрухин полагает, что «для восприятия степных импульсов скандинавам необязательно было проникать глубоко в степь: “контактная зона” степного и восточнославянского миров сформировалась в Среднем Поднепровье до проникновения норманнов вглубь Восточной Европы в ареале волынцевской культуры» (Петрухин 2019: 94). Вполне возможно, что салтовцы и скандинавы действительно вступили в контакт где-то в землях славян, в той же Ладоге, например, где предметы салтовского происхождения фиксируются в слое датированном 810-830-ми гг.

Могли ли в таком случае какие-то шведы-свеоны поступить на службу к русскому кагану? А почему нет? Служили же русы кагану хазар, как об этом пишет ал-Масуди. Мог ли русский каган использовать этих шведов в качестве послов? Мог, почему нет? Мы ведь не знаем, вели они переговоры с византийскими императорами или только привезли от него послание. Кроме того, среди шведов могли быть и русы, которые вернулись домой, а не отправились вместе со свеонами к франкам. Это тем вероятнее, если допустить, что свеоны были купцами, к каравану которых присоединилось посольство русов. В условиях гражданской войны в степи иноплеменники-купцы в качестве послов вызывают куда меньше подозрений, чем представители местных племен. Да и сгинут, не жалко. В любом случае, предполо-

5 А.В. Назаренко, пытаясь дискредитировать позицию М.Б. Свердлова и других своих оппонентов, пишет, что будто бы выводы о том, что «росы» и «свеоны» Бертинских анналов – это разные народы «порочны и методически, так как диктуются априорным (или, если угодно, общетеоретическим) нежеланием признать ведущую, или хотя бы активную, роль скандинавского этнического компонента в становлении государственности на Руси» (Назаренко 2012: 16. Примеч. 8). Эти слова с полным основанием могут быть переадресованы самому А.В. Назаренко, позиция которого диктуется априорным (или, если угодно, общетеоретическим) желанием признать ведущую, или хотя бы активную, роль скандинавского этнического компонента в становлении государственности на Руси. Жаль, что сугубо научные вопросы происхождения руси становятся под пером некоторых авторов объектом некорректных выпадов, в то время как во главу угла должно быть поставлено объективное понимание источников.

жение о том, что русский каган мог использовать скандинавских наемников или купцов в качестве послов или охраны посольства не столь уж невероятно.

В 871 г. восточнофранкский король Людовик II (843-876), отвечая на несохранившееся послание византийского императора Василия I Македонянина (867-886) и споря с ним о правильности употребления титулов (между Византией и франками шла полемика по вопросу о правомочности принятия правителями последних императорского титула), в числе прочего, заявил: «Хаганом (chaganus) же, как убеждаемся, звался предводитель (prelatus) авар (Avares), а не хазар (Gazani) или норманнов (Nortmanni), а также не правитель (principis) болгар (Vulgares), а король или государь (dominus) болгар» (ДРЗИ IV: 23-24).

Франки хорошо были знакомы с Аварским каганатом, а вот о Хазарии они, видимо, мало что знали и не имели с ней никаких стабильных контактов, соответственно, ничего не знали и о титуловании ее правителей. Также ничего они не знали и о титуловании правителя неких «северных людей» (Nortmanni), так как с ними, видимо, тоже никаких стабильных контактов не поддерживали. А вот византийцы, очевидно, были хорошо знакомы как с хазарами, так и с «северными людьми», и Византия признавала за их правителями титулы каганов.

В византийском послании на месте «северных людей» (Nortmanni) франкского латиноязычного источника, стояло, очевидно, что-то типа «северные скифы» (οἱ βόρειοι Σκύθαι) / «тавроскифы» (Ταυροσκύθες), как нередко в византийских источниках (Лев VI Мудрый, Лев Диакон, Михаил Пселл, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Иоанн Киннам, Анна Комнина, Никита Хониат и т.д.) именуется русы, что было просто калькировано франками. Сравним с тем, как в Бертинских анналах было в форме Rhos калькировано византийское Ρῶς, совершенно не типичное для европейских обозначений Руси (их обзор см.: Назаренко 2001: 11-50).

Лиутпранд Кремонский в X в. писал: «Ближе к северу обитает некий народ, который греки (Greci) по внешнему виду называют русью (ρουσιός), мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком (Teutonum) языке nord означает север, а man – человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами» (ДРЗИ IV: 38). Для южных стран, таких как Византия и Италия, в которой жил Лиутпранд Кремонский, севером считалось Причерноморье и северное побережье Каспия. М.В. Бибииков отмечал, что «для византийцев “северными” областями скорее считались крымские “климаты”, Причерноморье, Русь, Северный Кавказ и даже Фессалия. Более того, норманны в византийских текстах (начиная с XI в.) – отнюдь не “северные люди”, а, прежде всего, население Сицилийского королевства; “Северное море” – не Балтика, а “Гиркания”, т.е. Каспийское море» (Бибииков 1986: 97-105).

Очевидно, через термин «норманны» Лиутпранд или его информатор передал греческое τὰ βόρεια ἔθνη, τὰ βόρεια γένη – «северные народы» или οἱ βόρειοι Σκύθαι – «северные скифы», применяемое византийцами по отношению к руси с начала X в. («Росы, северные скифы» / Ρῶς βόρειοι Σκύθαι упомянуты в разделе «Наумахика»

трактата Льва VI Мудрого «Тактика» – Щавелев 2016: 236-350). В пользу этого говорит другое упоминание термина «норманны» Лиутпрандом Кремонским, который в первом томе «Книги возмездия» пишет: «Город Константинополь (Constantinopolitana urbs), который прежде [именовался] Византием (Bizantium), а ныне носит имя Нового Рима (Nova Roma), расположен посреди свирепейших народов. Ведь с севера его ближайшими соседями являются венгры (Hungarii), печенег (Pizenaci), хазары (Chazari), русь (Rusii), которую иначе мы называем норманнами (Nordmanni), а также болгары (Bulgarii)» (ДРЗИ IV: 37).

Как видим, локализуется Русь к северу от Константинополя, причем Русь у Лиутпранда в числе ближайших соседей Византии. Есть и еще один существенный момент – латинский текст Лиутпранда можно трактовать двояко: и как указание на то, что термин «норманны» Лиутпранд употребил только по отношению к Руси, и как указание на то, что под термин «норманны» попадают и все остальные народы из приведенного списка за исключением болгар. Косвенно на это указывают слова из трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного, в которой византийский император советует своему сыну: «Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки (венгры – М.Ж., С.Б.), либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских» (Константин Багрянородный 1991: 54-55). Как видим, список северных народов у Багрянородного и у Лиутпранда практически совпадает. Сведения о походе Игоря Лиутпранд Кремонский почерпнул из рассказа своего отчима-дипломата. Сам Лиутпранд тоже дважды возглавлял посольства в Византию, знал греческий язык, и вероятно был осведомлен относительно практиковавшейся у византийцев терминологии.

Также «северными людьми» русы названы в рассказе «Венецианской хроники» о набеге на Константинополь 860 г. (ДРЗИ IV: 53). Это известие тоже связано с Византией и, очевидно, восходит к византийской традиции, калькируя византийскую терминологию. В каких-либо европейских источниках, не связанных с Византией, русы никогда не именуется «северными людьми».

Перейдем к аргументам в пользу донской локализации Русского каганата, которая, на наш взгляд, обладает набором фактов, объяснить которые с позиции остальных гипотез весьма затруднительно, а порою, попросту невозможно без насилия как над самими фактами, так и над логикой.

Об имени «русь». Среднеперсидское и аланское ruxs/roxs на славянской почве закономерно позволяет получить слово «русь». Этнонимы с корнем рухс/рохс среди скифо-сарматских племен источниками зафиксированы, из чего А.П. Новосельцев сделал вывод, что в сочинениях арабских и персидских авторов под русами в VI-VII вв. могли понимать какой-то народ «аланской (иранской) группы», связанный со славянами (Новосельцев 1965: 363-364).

В пользу этого свидетельствует сообщение Ибн Русте, писавшего о том, что «Аланы состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежат у них пле-

мени, называемому Д.хас» (Минорский 1963: 221). Р. Блайхштайнер и В.Ф. Минорский высказали предположение, что «Д.хас» – это арабская передача иранского Rohs-as, т.е. «благородные-асы», что соответствует названию роксалан (Bleichsteiner 1918: 4-16; Минорский 1963: 221). Вероятно, именно о рухс-асах, а не об античных роксаланах как предполагает В.И. Матузова (Матузова 1979: 27), говорится в «Орозии» короля Альфреда конца IX в., помещавшем на Верхнем Дону «рохоуасков» (rochouasco) (Матузова 1979: 23). С учетом росомонов Иордана и народа Hros Псевдо-Захарии (VI в.) основания допускать существование аланского племени носящего имя рус/рос в интересующий нас период, как видим, имеются.

Обзор арабо-персидских источников показал, что первые упоминания об активности русов в Предкавказье и на юге Восточной Европы в них датируются VI-VII в.: «Иранский филолог и историк ас-Са'алиби (961-1038) в своем сочинении “Китаб ал-гурар ахбар ал-мулук ал-фарси ва-сийарухум” (“Лучшее из жизнеописаний персидских царей и известий о них”), рассказывая о постройке Хосровом I Ануширваном Дербентской стены, среди враждебных персам северных народов упоминает наряду с турками и хазарами русов. Другой автор, прикаспийский историк Захир ад-дин Мар'аши, составивший во второй половине XV в. “Тарих-е Табаристан ва Руйан ва Мазандаран” (“Историю Табаристана, Руйана и Мазандарана”), также помещает русов в VI в. где-то к северу от Кавказа. Еще одно раннее упоминание о русах принадлежит саманидскому вазису Мухаммаду Бал'ами, который в 60-х гг. X в. перевел на персидский язык “Историю пророков и царей” (“Та'рих ар-русул ва-л-мулук”) арабского ученого и богослова начала X в. ат-Табари, значительно переработав это сочинение. Интересующее нас известие Бал'ами связано с событиями 643 г., когда подступившие к Дербенту арабы заключили соглашение с правителем Дербента, по которому тот освобождался от уплаты дани, взамен чего брал на себя обязательство охранять Дербентский проход от воинственных северных народов, в числе которых названы русы» (Коновалова 2001: 177).

Написаны эти источники между X-XV вв., что у исследователей отрицаящих южную локализацию русов, вызывает скепсис. Нет полной уверенности в том, что авторы рассказа о столкновениях русов и правителя Дербента Шахриара в 643 г. не воспользовались обычным для восточных, да и не только восточных, писателей приемом переносить современные им географические и этнографические понятия на времена отдаленной древности. Но и исключать вероятность достоверности этих сообщений тоже нельзя. Тем более, что как показала И.Г. Коновалова, древнейший пласт сведений о русах, включая рассказ об «острове русов» «восходит к персидским источникам, опирающимся на местную мифо-эпическую и историческую традиции» (Коновалова 2001: 178). Авторы X и последующих веков вполне могли «обращаться к произведениям более раннего времени» не дошедшим до наших дней (Коновалова 2001: 178). Правда исследователь оговаривается, что из вышесказанного «не следует, будто информация о русах

в указанных сочинениях действительно восходит к сасанидскому периоду, не говоря уже о более отдаленных временах» (Коновалова 2001: 178), но следуя контексту ее работы, вероятность этого есть.

К такому выводу склоняют и результаты недавнего исследования В.С. Кулешовым использования имени «русь» в поэме Фирдоуси «Шахнаме»: «автор эпоса почерпнул сведения о стране Rōs не из арабоязычных памятников IX-X вв., где сведения о русах этнографически рельефны и географически конкретны, а из памятников на среднеперсидском языке» (Кулешов 2021: 193).

Получается, что страна и/или народ «рос»/«рус», существующие в Восточной Европе, были известны персидским авторам сасанидского времени, то есть в VI-VII вв., откуда соответствующая информация попала в «Шахнаме». Со скандинавской гипотезой происхождения Руси это решительно не согласуется, зато возвращает нас к проблеме древнейших свидетельств о росах (или русах), относящихся к первой половине – середине I тыс. н.э., среди которых есть не только указанные выше ретроспективные, но и, что важно, аутентичные:

- Хроасы (Chroasai) Плиния Старшего (Естественная история. VI.50);

- Росомоны (Rosomoni, то есть буквально «народ рос» или «люди рос»: ros + mon – «человек») Иордана (Iord., Get. 129);

- Рос (Hros) Псевдо-Захарии (Пигулевская 2011: 387);

- Скифы-рос (Σκύθας τους Ῥώς) из анонимной схолии к Аристотелю: «Мы, говорят, заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причем скифы-русь (Σκύθας τους Ῥώς) и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу, а эфиопы, арабы и другие – к летнему» (Латышев 1890: 385). Судя по употреблению этнонима «арабы», который с началом арабских завоеваний вытесняется этнонимом «сарацины» (а сами арабы распространяются до мест обитания самих византийцев и уже не подходят как пример «крайне южного» народа наравне с эфиопами), схолия должна датироваться временем до арабской экспансии.

Упоминания об активности русов в третьей четверти I тыс. н.э. говорят в пользу того что под этими русами «нельзя разуметь ни норманнских Ros (как это полагал Румянцев, а впоследствии Френ), ни крымских и азовских Готов, ни славянских Русских... Жилища или становища Руссов, упоминаемых в персидском изречении из Табари, во всяком случае следует искать в степи к северу от Кавказа и непосредственно возле обиталища Алан (Оссов), которые в то время вероятно простирались еще дальше. Эти так называемые Руссы занимали, может быть, все пространство к западу от Хазарии до Азовского моря, почему их называют азовскими Руссами» (Дорн 1875: 382).

Интерес вызывает анонимное персоязычное сочинение «Муджмал ат-таварих» (ок. 1126 г.). Приведём цитату из него: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место

себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался. Место то лесистое и труднодоступное, и никогда ни один человек не достигал того места, разве что Гуштасф по приказу отца своего Лехрасфа в то время, когда Кей-Хосров его послал к хазарам и аланам, и об этом будет сказано в своем месте, если захочет бог» (Новосельцев 1965: 401).

«Муджмал ат-таварих» датируется ок. 1126 г. Только что умер Владимир Мономах, совершивший последний русский поход на Византию. Русь хорошо известна на Кавказе, но персидский автор почему-то «вспомнил» о кровном родстве русов и хазар. И не просто вспомнил, а еще и рассказал историю о том, как Рус добыл себе «остров»: «Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться» (Новосельцев 1965: 391), но Рус ответил, «что это место тесное (для нас двоих)»; «Между ними началась ссора и сражение, и Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля Славян» (Новосельцев 1965: 391).

Обратимся к рассказу об «острове русов» с законом во главе, о котором говорится в персидско-арабских текстах, восходящих к «Анонимной записке». По словам Ибн Русте «Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окружённом озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов» (Новосельцев 1965: 397).

«Остров», в данном случае, понятие условное. И.Г. Коновалова по этому поводу отметила: «Арабское слово джазира употребляется как физико-географический термин в значении “остров”, “полуостров”, “большой участок суши, окруженный водой” (например, ал-Джазирой называется область в междуречье Тигра и Евфрата). Для наименования водного пространства, окружающего “остров русов”, в переводах на русский язык используется слово “море”, в то время как арабское бахр имеет и другое значение – “большая река” (Нил, к примеру). В некоторых наших источниках вместо термина бахр стоит бухайра (“озеро”), которое морфологически является уменьшительным от слова бахр. Учитывая весьма широкий смысловой диапазон всех этих терминов, следует признать, что в действительности под привычным словосочетанием “остров русов” мог подразумеваться любой участок суши, омываемый водой, в том числе речной» (Коновалова 2001: 188).

Еще более существенное уточнения делает А.Н. Поляк. Соглашаясь с тем, что арабское слово «джазира» означает «не только “остров”, но и “полуостров” (как Аравия), “междуречье” (как между Евфратом и Тигром, Белым Нилом и голубым Нилом) и вообще “пространство, ограниченное хотя бы с двух сторон водами, морскими или речными или обеими”», также отмечает, что использованное Ибн Русте слово «хавали», переводимое другими переводчиками как «вокруг», у арабов «не означает специально “полное окружение” (для которого в арабском языке есть особый термин – мухит), а имеет и такие значения, как “в разных направлениях от”, “око-

ло” и т.п.». В итоге, интересующий нас текст Поляк переводит как «Русия находится на суше у вод». И именно такой перевод, по его мнению «устраняет затруднения, вытекающие из прежнего» (Поляк 2001: 90-91).

Интересную типологическую аналогию «джазире русов» представляет собой «остров барсиллов»: «Для локализации Барсиллии первостепенное значение имеют данные Анании Ширакаци. В его время барсиллы населяли область, которую он считал островом. Этот остров назывался Черным. Ширакаци говорит, что название острова происходит от многочисленности населяющих его басиллов и их стад. Упоминание стад свидетельствует о скотоводческом, кочевом облике хозяйства барсиллов. “Остров”, по его словам, лежит между рукавами (вар. притоками) реки Атль, которые ниже его соединяются и впадают в Каспий. На восток и запад от реки, т.е., очевидно, от ее низовья, где она течет одним руслом, находятся зимники хазар и бушков. В VII в. устье Волги находилось значительно западнее, чем в наши дни, а реки Восточный Маныч и Кума впадали в море, образуя с низовьем Волги единую систему протоков. “Остров” басиллов следует считать междуречье Кумы и Волги или более узко – Восточного Маныча и Волги» (Гадло 1979: 65-66). Таким образом, междуречье в раннем средневековье тоже считалось островом.

Но если «остров» русов не обязательно остров, но возможно, и полуостров, и междуречье, а в более широком смысле – некая территория у воды, включая речную, то междуречье Северского Донца и Дона, где локализуется лесостепной аланский вариант СМК, в полной мере соответствует требуемым характеристикам. Читателя не должно смущать наличие в описании «острова» русов лесов и болот. Все это в Подонье и Подонцовье имеется. На левобережье Северского Донца и по сей день встречаются многочисленные старицы, озера, болота, за которыми, судя по данным археологии, местное население скрывалось от набегов врагов не только в период существования здесь СМК, но и значительно позже, во времена Киевской Руси (Николаенко 1991: 89, 100, 101).

В достатке в Подонцовье и лесов, большей частью, особенно на водоразделах рек, широколиственных, с преобладанием кленово-липово-дубовых, дубовых и липово-дубовых, которые «еще сравнительно недавно... простирались значительно южнее современной границы двух зон: степной и лесостепной» (Колода, Горбаненко 2010: 48). На борových террасах растут «смешанные дубово-сосновые леса; в поймах – дубравы, ольшаники, осокорники» (Колода, Горбаненко 2010: 47). В.В. Колоде во время археологических изысканий на северном участке границ донецкой и луганской областей «встречались дубы в три обхвата и более» (Колода, Горбаненко 2010: 47). Лесом «в период его заселения салтовской культурой» было покрыто и городище Мохнач, так что «первая стадия заселения городища была связана с очисткой участка от лесов» (Колода, Горбаненко 2010: 48). Аналогичной выглядит ситуация и с самим Верхнесалтовским городищем, в период создания которого «нагорная часть долины Северского Донца была покрыта широколиственным лесом» (Колода, Гор-

баненко 2010: 48). Если учесть мнение известного знатока степей В.В. Докучаева, писавшего что в древности листовенные и смешанные леса «простирались вплоть до Черного и Азовского морей» (Колода, Горбаненко 2010: 48), то сомневаться в том, что территория между речья Донца и Дона подходит под описание «острова русов», не приходится.

В пользу донской локализации Русского каганата говорит и датируемый второй половиной IX в. «Баварский географ», помещающий русов (ruzzi) по соседству с хазарами (caziri) (Седов 1999: 63-65). По соседству со славянами, аланами, хазарами и печенегами, судя по тексту, находится и «остров русов» Ибн Русте, передающего текст «Анонимной записки». Ибн Хордадбех говорит о том, что отправляясь на восток русские купцы из земель славян спускаются по реке Танаис (в рукописи для чтения понятно лишь окончание слова «...нис», поэтому название Танаис считается наиболее приемлемым). По Танаису-Дону в рассматриваемый нами период проходила одна из важнейших восточноевропейских торговых магистралей соединявших Восточную Европу (и опосредованно земли расположенные на побережье Балтийского моря и Скандинавии) с государствами Азии.

На Дону и в Подонцовье славяне в рассматриваемый период действительно жили, что вполне подкреплено данными археологии (Григорьев 2012: 94-127), причем, часть донских славян не только жила на территории лесостепного варианта СМК, но и участвовала в ее становлении: «контакты славян и алано-болгарского населения были довольно тесными и разнообразными. Во-первых, они носили характер торговых отношений, хотя и не очень развитых. Во-вторых, культурные связи выразились во взаимном обогащении отдельными производственными навыками. В-третьих, отношения славян и населения СМК носили дружественный характер, что выразилось в итоге их совместного проживания на одних поселениях в связи с передвижением части алано-болгар в более северные безопасные районы, заселенные славянами. Здесь они смешались со славянами, будучи, вероятно, ими очень быстро ассимилированы» (Винников 1995); «большинством исследователей однозначно признается факт участия славянского земледельческого населения в формировании СМК, особенно ее лесостепного аланского варианта, и проникновения в быт алано-болгарского населения Хазарского каганата некоторых черт славянской материальной культуры» (Аксёнов, Лаптев 2009: 242).

Кроме того, отдавая должное влиянию славян на алан и болгар, отразившемуся в появлении у последних новых типов поселений, жилищ, отопительных сооружений, некоторых видов керамики и погребений по обряду кремации, известный специалист по салтовской культуре В.С. Аксёнов обращает внимание и на человеческий фактор, т.е. контакты на уровне община-семья, человек-человек, долгое время остававшиеся вне поля зрения и интересов историков и археологов. Поводом для этого послужили находки погребений, в которых были похоронены представители разных этносов, предположительно, состоящие в браке (Аксёнов 2010:

73-78). В качестве одного из примеров таких отношений Аксёнов приводит погребение в катакомбе № 93 салтовского могильника, где, по словам археолога, вместе «с мужем-аланом была погребена его жена, вышедшая из славянской среды: возможно, представителей культуры смоленско-полоцких длинных курганов – летописных кривичей» (Аксёнов, Лаптев 2009: 254). Как видим, ареал контактов алан салтовской культуры со славянами выходил далеко за пределы Подонья и Подонцовья, и это служит доказательством не только взаимопроникновения и ассимиляции этих народов, но и объясняет возможные причины по которым Ибн Хордадбех или его информаторы в середине IX в. считали русов «видом» славян (Ибн Хордадбех 1986: 124).

Здесь, пожалуй, самое время поговорить о салтовских городищах и крепостях как факторе, указывающем на наличие некой государственной или предгосударственной структуры, способной осуществить их строительство. По свидетельству передающего «Анонимную записку» Ибн Русте у русов «много городов, и живут они привольно» (Новосельцев 1965: 397). Не вдаваясь в подробности спора между археологами, правомерно или нет называть городища СМК городами, отметим, что городищ у них, по меркам IX в., действительно, много. Даже для 60-х – 90-х гг. IX в. количество городов на территории будущей Киевской Руси величина искомая. В ПВЛ упоминаются Киев, Ладога, Новгород, Изборск, Полоцк, Ростов, Муром, Смоленск, Белоозеро. Однако археологические изыскания показали, что все перечисленные здесь города собственно городами стали не ранее X в. До этого на их месте археологи находят лишь мелкие разрозненные поселения.

Иное дело, территория Среднего и Верхнего Дона и Северского Донца, где уже к середине IX в. сформировалась многочисленная «гнезда»: цепи поселений, сконцентрированных вокруг городищ и белокаменных крепостей, расположенных на расстоянии 10-15 км друг от друга. К настоящему времени на территории салтовской культуры археологами открыто и исследовано 37 подобных «гнезд», 10 из которых, по мнению археологов, с уверенностью можно отнести к протогородам. Со временем, в процессе археологических изысканий, количество таких городищ может увеличиться. По мнению С.А. Плетнёвой данные городища и крепости были не только замками местных феодалов, но и караван-сараями, служившими пристанищем для купцов, следовавших по Донскому и Донецкому торговым путям.

Еще более расширенную трактовку назначения городищ и крепостей салтовской культуры дает В.В. Колода: «Исходя из пространственного, природно-климатического и геополитического положения лесостепные салтовские городища на Северском Донце выполняли различные функции. Среди них, безотносительно к конкретному памятнику, выделяются следующие: 1) центры хозяйственных (прежде всего – сельскохозяйственных) микрорегионов, 2) центры торговли, 3) военные форпосты на границе и на торговых путях (в том числе переправах и бродах), 4) административные центры, посещаемые тудуном (правителем территории) для осуществления распоряжений центральной власти, 5) ме-

сто временного пребывания военных гарнизонов и военных отрядов, идущих на славянские земли за сбором дани, б) место аккумуляции и временного хранения этой дани и необходимого для войск продовольственного запаса, и т.д.» (Колода 2009: 37). То есть, как видим, налицо все признаки если не государства в полном понимании этого слова, то предгосударственной организации. Здесь налицо та инфраструктура, которая отсутствует в других регионах Восточной Европы, претендующих на локализацию Русского каганата.

По словам В.В. Колоды археология десяти названных им протогородов показывает мощный культурный слой, значительную плотность застройки, богатейшие на инвентарь могильники, большие хозяйственные комплексы-хранилища, кузнечные мастерские и даже пристани.

Верхне-Салтовское городище, давшее название самой археологической культуре занимало площадь около 120 га. Построенное в VIII в. оно имело несколько линий обороны состоящих из валов и рвов и каменной цитадели прямоугольной формы размерами 140 на 100 м. Высота стен цитадели с каменными башнями на углах достигала 10-12 м., ширина порядка 4 м. С обеих сторон стены цитадели были облицованы прямоугольными плитами известняка, что придавало цитадели вполне презентабельный вид. С западной и северной стороны городища к цитадели примыкал обширный неукрепленный посад. По подсчетам археологов на территории самого городища постоянно проживало порядка семи тысяч человек, а с учетом жителей пригородов и посада население «гнезда» достигало 20 000 человек, что даже на фоне Западной Европы того периода выглядит более чем солидно. Не говоря уже о крошечных по размерам и численности проживавшего в них населения Ладоге, Городище, Киеве и других городищах и поселениях будущей Руси. Рядом с Верхне-Салтовским комплексом обнаружен могильник занимающий площадь ок. 100 га., на котором, по оценке Д.Т. Березовца, похоронено до 70-80 тыс. человек (Березовец 1970: 59).

Безусловно, далеко не все поселения и городища салтовской культуры имели такие размеры и культурный слой как Верхне-Салтовское и Маяцкое, но и того, что найдено, более чем достаточно, чтобы отнести СМК к наиболее мощным и значимым образованиям Европы IX в., что вполне соответствует критериям, позволяющим отождествлять её с Русским каганатом письменных источников.

Иногда считается, что салтовские крепости строились против славян или иных воинственных народов севера. Отчасти именно это послужило основанием В.В. Седову локализовать Русский каганат на землях волынецкой археологической культуры. Но как показывают изыскания археологов, дело обстоит несколько иначе. С.А. Плетнёва отмечала: «Вряд ли в IX в., когда ставились эти крепости, они предназначались для спасения от данников. Это тем более невероятно, что окружающие их поселения были вполне доступны для предполагаемых Г.Е. Афанасьевым грабительских славянских походов. Брать при этом укрепленную часть поселения не требовалось» (Винников, Плетнёва 1998).

Еще более конкретен в оценке назначения салтовских крепостей Г.Е. Свистун: «Преобладающее большинство укреплений располагались вблизи переправ на высоких правых берегах, чем наглядно указывается их военно-стратегическая направленность против противоположных, левых берегов, обращенных на восток или юго-восток. К тому же ряд салтовских поселений расположенные за линией укреплений вдоль р. Северский Донец в западном направлении. При этом эти поселения на западе не имеют укреплений и расположены на близком расстоянии от поселков славянского мира. Все это совсем не свидетельствует о жестком контроле границы Хазарским каганатом в Северодонецком микрорегионе с помощью линии обороны, созданной из салтовских лесостепных городищ. Наоборот, вся мощь этих городищ и военно-стратегический потенциал был обращен в обратном направлении» (Свистун 2012: 202), то есть, фактически, в сторону предполагаемой метрополии – Хазарии. Все это довольно красноречиво указывает на то, откуда населению салтовской культуры исходила наибольшая угроза.

В источниках нет никаких данных о зависимости СМК от Хазарского каганата. Следов присутствия этнических хазар на территории лесостепного варианта СМК не обнаружено, и поэтому, как подчёркивает А.А. Тортика «вошедшее в оборот в 80-е гг. прошлого века утверждение о том, что СМК была “государственной” культурой Хазарского каганата, в настоящее время можно рассматривать только как метафору... Сами хазары не являлись ни создателями, ни носителями этой археологической культуры» (Тортика 2006: 172-173). Что касается «взглядов М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой о том, что лесостепной вариант СМК, носителем которого, в их представлении, было болгаро-хазаро-аланское население, маркирует северо-западные рубежи Хазарского каганата», то «никаких доказательств в пользу этой гипотезы высказано не было, на что обращал внимание ещё И.И. Ляпушкин, но, как показывает отечественная историография, вплоть до последнего времени многими исследователями она воспринималась в качестве аксиомы» (Афанасьев 2016: 43).

По версии Г.Е. Афанасьева в IX в. центр хазарского домена располагался на реке Сал в районе сл. Большая Орловка Ростовской обл. Сама же территория домена – это окружность с радиусом в 175 км., условно разделенная археологом на четыре оборонительные агломерации: Усть-Донскую, Усть-Маньческую, Нижне-Сальскую и Верхне-Сальскую. Именно здесь отмечается наивысшая плотность погребальных комплексов принадлежащих хазарам, наибольшее количество эпитафических памятников выполненных донским письмом, найдено много византийских и арабских монет, хазарских луков, а главное, именно на эту территорию приходится большинство известных городищ хазарского времени, включая Саркел, Семикаракорское и Камышевское. Данные археологии не противоречат, а в известной степени дополняют свидетельства арабских и хазарских источников описывающих Хазарию. В частности, в «ответном письме», из так называемой «еврейско-хазарской переписки», датированной второй половиной X в.,

хазарский царь Иосиф достаточно подробно описывает территорию своего государства. Если верить тексту, хазарские владения начинаются в устье Итиля (Волги) и простираются в восточную сторону на 20 фарсах (1 фарсах в то время был равен 5549 м) пути до Каспийского моря, в южную сторону на 30 фарсах, в западную на 40 фарсах и в северную сторону на 30 фарсах пути (Коковцев 1932: 87).

Даже если учесть, что речь идет о середине X в., то есть периоде упадка былого могущества Хазарского каганата, это не отменяет выводы сделанные Г.Е. Афанасьевым: «Размеры хазарского “домена”, намеченные Б.А. Рыбаковым и с некоторыми корректировками принятые в настоящее время рядом исследователей, в большей степени соответствуют современным археологическим данным, чем те гипертрофированные размеры, которые фигурируют в работах авторов, ориентирующихся или на сильно преувеличенную информацию хазарско-еврейских письменных источников о занятой хазарами территории, или опирающихся на устаревшую гипотезу о маркирующей Хазарский каганат свойствах “государственной культуры”, представленной СМК в её самом расширенном понимании» (Афанасьев 2016: 61).

В пользу точки зрения Афанасьева говорит уже то, что хазарских городов и крепостей на Верхнем и Среднем Дону и Северском Донце не знают арабские и византийские источники: все упоминающиеся в сочинениях восточных авторов города хазар историками локализируются либо в низовьях Волги, либо в Предкавказье (Калинина 2011). Даже в середине X в. для византийцев эти земли были terra incognita. Знания Константина Багрянородного о территории восточнее Днепра ограничиваются лишь низовьями Танаиса (Дона), где в 834, или по другой версии, в 837 г., при участии византийцев была построена крепость Саркел.

Г.Е. Афанасьев выделил четыре типа городищ СМК: 1) земляные городища скифского периода, использовавшиеся салтовским населением без дополнительной перестройки; 2) мысовые городища с поперечными земляными укреплениями, созданные населением VIII-X вв.; 3) городища с земляными укреплениями, расположенными по периметру мыса; 4) каменные крепости правильных геометрических форм. Так же он рассчитал и количество трудозатрат на их возведение исходя из норм ручного труда, установленных в России в первой половине XIX в. Результаты впечатляют. Если для возведения городищ первых трех типов трудозатраты варьируются от 0 до 4500 чел./дн., то для каменных крепостей – более 20 000 чел./дн. Полученные данные позволили исследователю отнести первые три типа поселений к городищам-убежищам, созданным родовыми коллективами, а четвертый – к системе крепостей, организованных государством (по его мнению, Хазарским каганатом) для обороны своих северных рубежей (Афанасьев 1987: 89-141).

Выше мы уже отметили наличие противоречий во взглядах археологов, с одной стороны отрицающих не только присутствие хазар на территории лесостепного варианта СМК, но и в целом связь хазар с данной культурой, с другой, с завидным упорством отстаиваю-

щих зависимость СМК от Хазарского каганата. Отметим мы и иную направленность оборонительных сооружений лесостепного варианта СМК, в задачу которых входила не оборона границ Хазарского каганата от угрозы с севера, а наоборот, охрана территории СМК, а заодно и славянских поселений Подонья и Подонцовья от угрозы с востока и юго-востока, то есть со стороны как раз самого Хазарского каганата.

Но если угроза для населения салтовской культуры исходила от Хазарии, а для строительства крепостей и укрепрайонов требовались усилия государства, то очевидно, что этим государством была не Хазария, а само население СМК, в которой ряд исследователей видит Русский каганат письменных источников.

Ибн Хордадбех, Ибн Русте и другие арабо-персидские авторы пишут о торговле русов мехами, рабами и мечами, которые они доставляют от самых окраин славянского мира до берегов Румийского (Чёрного) и Джурджанского (Каспийского) моря, а также в славный город Багдад. Причем, в Багдад по свидетельству Ибн Хордадбега, русы едут на верблюдах. Рассмотрим насколько рассказанное арабами и персами о русах соответствует торговой активности населения СМК.

По словам археолога В.С. Аксёнова население СМК «стояло на весьма высоком уровне хозяйственного и культурного развития. Металлургия, гончарное дело, некоторые другие хозяйственные занятия выделились в самостоятельные ремёсла. Находки свидетельствуют о наличии оживлённых торговых связей с народами Северного Кавказа и Среднего Поволжья, с Ираном и Византией, с Китаем и государствами Средней Азии. Так, из Китая и Средней Азии в Салтов привозили шёлковые ткани, с Северного Кавказа и из Византии – бусы, из Ирана – серебряные монеты, ткани. Из Крыма доставлялось вино, стеклянные сосуды» (Аксёнов 2006: 76). За пределы своей территории «салтовцы» вывозили «... зерно, шкуры и кожи, мед и воск, с северных территорий, благодаря посреднической торговле – пушнину... А также захваченных в набегах рабов. Ввозили предметы роскоши, пряности, ткани, вино. Не оружие – его делали в достатке сами» (Аксёнов 2005). Как видим, перечень предметов, которыми, согласно выводам археологов торговали «салтовцы» совпадает с тем, который восточные авторы приводят, говоря о торговле русов.

Что касается оружия, то Ибн Хордадбех утверждает, что русы занимались торговлей мечами (Ибн Хордадбех 1986: 124). И вот здесь хочется обратить внимание на один существенный момент: в погребениях и других археологических материалах Древней Руси датируемых IX в. находки мечей крайне редки. Отмечают исследователи и тенденцию к некоторому их запаздыванию по сравнению с зарубежными аналогами: найденные на территории Восточной Европы мечи обычно находят в погребениях и археологических слоях более позднего, чем произведены клинки, периода. Наиболее убедительное объяснение данному «хронологическому разрыву» предложил С.Ю. Каинов: «В IX в. мечи для территории будущего древнерусского государства были очень редким явлением и попав сюда в IX в. меч продолжал передаваться по наследству, хотя в остальной

Европе “мода” на данный тип меча проходила. В свою очередь такое объяснение может свидетельствовать об определенной изолированности иноземных гостей от их родины» (Каинов 2020).

Всё бы ничего, да только объяснение которое даёт археолог, вступает в противоречие со свидетельством Ибн Хордадбеха. Получается как в присказке про сапожника без сапог: торгуя мечами, для своих собственных нужд русы пользовались устаревшими моделями, да и тех, похоже, не имели в достатке. В той же Ладоге погребений с мечами нет, а все предположения о том, что жившие на поселении скандинавы на вооружении имели мечи, строятся исключительно на находках в слоях поселения деревянных игрушечных мечей, что представляет собой довольно шаткое допущение. В любом случае сей показательный факт вызывает больше вопросов, чем ответов.

Ибн Русте, передавая «Анонимную записку», пишет об оружии русов: «Мечи у них сулеймановы» (Новосельцев 1965: 397). А.Н. Кирпичников, понимая под «сулеймановыми мечами» мечи производившиеся в империи франков, весьма популярные у скандинавских викингов, в тоже время отмечал: «Мечи русов, несмотря на их сходство с франкскими, на Востоке все же выделяли» (Кирпичников 1998: 246-251). И действительно, арабский философ, математик и астроном ал-Кинди, живший в IX в., в трактате «О различных видах мечей и железе хороших клинков и местностях, по которым они называются», пишет: «Что касается [мечей], собранных из мягкого и твердого железа, то они делятся на два класса: франкские (ал-фаранджийа) и сулайманийские (ас-сулайманийа)... Франкские мечи (ас-суйуф ал-фаранджийа) имеют широкие клинки и превосходно сделанные навершия. Они имеют форму благородных йаманийских мечей с широким долом посередине, подобным чистой реке. Их узор напоминает облик иностранной табаристанской ткани и построен как [переплетение] колец кольчуги. Их узор белый, фон красный после заточки, до заточки же ничего не видно. На их передних частях полумесяцы, заполненные желтой медью или золотом, или кресты, таким же образом заполненные желтой медью или золотом. Среди них попадаются такие, которые имеют насечку в каком-то месте [клинки], в которую вставлен гвоздь из золота или желтой меди. Иногда самые лучшие йаманийские мечи также инкрустированы золотом по клинку или острию. Они имеют искривление (?), напоминающее [таковое у мечей типа] дасакт, вблизи дола, где нет разводов. Дол заканчивается около острия, [на расстоянии] трех пальцев от него, и на этом участке также нет разводов. Навершия этих мечей более узкие, чем навершия йаманийских. Что касается сулайманийских мечей, то их железо подобно железу франкских мечей, с тем исключением, что их разводы желтого цвета, более светлые. Они импортные. Верхняя и нижняя части клинка простые, без сужений. Если навершие имеет хорошо сделанное основание, на нем имеются легкие разводы. На этих мечах нет изображений или крестов. Характер их звона напоминает таковой йаманийских мечей. Встречаются мечи такого

звона, что он даже богаче обычного, но по остальным своим качествам они такие же» (Кулешов 2021: 96-97).

Из приведённого текста очевидно, что ал-Кинди делит мечи изготовленные «из мягкого и твёрдого железа» на два класса – «франкские» (ал-фаранджийа) и «сулайманийские» (ас-сулайманийа), поясняя при этом разницу между ними. По остальным своим качествам «они такие же». Такие же, как франкские или такие же как йаманийские, с которыми ал-Кинди сравнивает сулайманийские мечи по звону предложением ранее? Кроме того, из текста ал-Кинди следует, что сулеймановы мечи по своему внешнему виду отличаются от мечей франков и близки им лишь по качеству металла. Лишь в этом они такие же как мечи франков или одинаковы с ними.

В Европе IX в. существовало два крупнейших центра производства качественного клинкового оружия: держава франков и СМК. Невероятно, чтобы на Востоке не знали изделий салтовских оружейников. Поэтому вполне возможно, что именно о клинках, произведённых салтовскими мастерами, восточные авторы говорят как о «сулеймановых», рассматривая их наряду с франкскими, йаманийскими и т.д.

Отметим, что в арабском языке нет отдельного термина для обозначения меча в привычном для нас понимании этого слова. Всё клинковое оружие, будь то меч, сабля, палаш и т.д. арабы называют одним и тем же словом *saif/sayf*. Исходя из этого установить, что в действительности подразумевал Ибн Русте называя клинки русов «сулеймановыми мечами» довольно сложно. В русском языке, впрочем, понятие «меч», в известной степени, тоже условно⁶: мечем у нас называют и японскую катану, форма клинка которой гораздо ближе к палашу или сабле, нежели к классическому мечу. Следует учесть также, что археологам известны и переходные формы европейского клинкового оружия условно называемые «однолезвийный меч-палаш», «кривой меч», «меч-сабля». И все эти формы, в виде отдельных экземпляров, обнаружены на территории салтовской культуры⁷.

Есть здесь еще и другой весьма показательный момент. Как утверждают эксперты, КПД удара даже хорошо сбалансированного франкского или древнерусского меча X-XI в. достигал лишь 45%. Небольшой наклон рукояти у палаша позволял обойтись без тяжёлого навершия, компенсировавшего отдачу, и сместить центр веса ближе к острию, в результате чего КПД удара возрастал до 65-70%. Изменение кривизны клинка еще больше увеличивало КПД удара. У сабли он достигал 80% и выше, в случае еще большего увеличения кривизны клинка (Соловьев 1985: 150-151). Многие салтовские сабли при в целом небольшой кривизне клинка имели и наклон рукояти к режущему краю, что, по мнению А.В.

6 «Для ряда исследователей почти нет различий между мечом и палашом, не всегда четко определяется и сабля. В археологической литературе можно встретить “термины”: однолезвийные мечи-палаши (Полесских, 1968, с. 200), сабля-палаш (Рунич, 1977, с. 253), сабля-меч (Корзухина, 1950, с. 80) и даже двулезвийный меч-сабля (Плетнёва, 1967, с. 158). Хотя необходимо отметить, что часть авторов чётко разграничивает понятия меч, палаш, сабля» (Потёмкина 1998: 289-290).

7 В частности меч с сабельным перекрестием найден в катакомбе № 52 Дмитровского могильника (Голубев 2018: 367-400).

Комара и О.В. Сухобокова «в сумме делало хазарскую саблю VIII-IX вв. очень эффективным оружием ближнего боя, причем как верхового, так пешего, в отличие от древнерусского меча, который оправдывал себя только в затажных пеших баталиях» (Комар, Сухобоков 2000). И это не единственная причина позволяющая отождествить сабли салтовской культуры и «сулеймановы мечи» русов.

В Белгородской области сосредоточено 40% разведанных в России запасов железной руды, а между городами Старый Оскол и Губкин находится крупнейший в стране металлургический комбинат и крупнейший в мире карьер по ее добыче. Чуть южнее, в пределах всё той же Белгородской области, на правом берегу реки Оскол, археологами раскопано так называемое Ютановское городище, на котором в первой половине IX в. «располагался крупнейший для того времени в Восточной Европе металлургический центр СМК, основу которого составляли чернометаллургические технические установки, не только не имеющие себе равных, но и позволяющих рассматривать салтовское металлургическое производство как особую отрасль хозяйства – ремесло, дифференциация которого проходила в зависимости от вида исходного продукта». Как показали исследования, металлурги Ютановского городища «используя ферросилиций, могли получать кремнистую сталь – сталь, содержащую кремний в качестве легирующей добавки. Кремнистая сталь, содержащая 0,1-0,2% С и около 1% Si, благодаря присутствию кремния, без специальной обработки (закалки), отличается от углеродистой большей прочностью... Рассмотренные нами типы сыродутных горнов, используемых металлургами Ютановского металлургического комплекса, а также совершенствование технологии получения металла с использованием ферросплавов свидетельствуют о высоком уровне развития чернометаллургического производства» (Степовой 2011).

Исследователи делят клинки салтовских оружейников на две группы: «первоклассные изделия с закаленными лезвиями» и высоким содержанием углерода (0,8-0,9%) и изделия «с рабочим краем, который был мягок и быстро тупился» (Толмачова 2000), то есть на дорогое оружие для профессиональных воинов и на продажу, и оружие простолюдинов и ополчения. Помимо этого специалисты отмечают, что в технике клинкового производства салтовскими мастерами «использовались шесть основных приемов: пакетирование, сварка двух заготовок, вварка, наварка, ковка цельносталльного клинка, термическая обработка». Материалом для производства им «служило железо, малоуглеродная сталь с равномерной строением, сырцовая неравномерно науглероженная, высокоуглеродистая, полученная путем цементации». По словам М.М. Толмачевой «сочетая несколько приемов в одном изделии, мастер создавал сложные конструктивные схемы изготовления клинков» (Толмачова 2000).

Словом, сомневаться в том, что салтовские кузнецы, среди которых вероятно были и славяне, умели производить высококачественный продукт, не приходится. Соответственно, «салтовцы» вполне могли продавать

свои клинки за пределы как своего ареала, так и Восточной Европы в целом.

Ибн Русте, передавая «Анонимную записку», пишет что русы «на коне смелости не проявляют, и все свои набег и походы совершают на кораблях» (Новосельцев 1965: 398).

Археологические материалы говорят о том, что судоходство и корабельное дело у «салтовцев» было развито: на ряде салтовских городищ археологами открыты остатки пристаней. «Коробовы Хутора (32) – городище с каменной цитаделью и двумя дополнительными грунтовыми линиями обороны на возвышенности правого берега Донца. Вплотную к нему обширное селище площадью ~30 га, прослеживаются древние грунтовые дороги, искусственное изменение рельефа и пристань»; «Сидорово (39) – на высоком коренном берегу Донца. Имеет наибольшую площадь из известных салтовских (17,9 га), сопровождается наибольшим из известных селищ (~120 га). Рядом находится Татьяновское городище с пристанью»; «Мохнач (31) – мысовое городище на правом берегу Донца с камерной двухпанцирной цитаделью и грунтовыми укреплениями по периметру... Близ комплекса в реке найдена целая таманская раннесредневековая амфора, что свидетельствует об использовании Донца как торговой артерии в хазарское время» (Колода 2009: 38).

А.С. Щавелев, проанализировав данные письменных источников IX – середины X в., в которых упоминаются плавательные средства и военно-морское дело народа русь, пришёл к выводу, что «уровень развития традиции плаваний по воде руси не отличался от синхронного развития плавательных средств хазар. Никаких северных морских “традиций викингов” у руси, судя по письменным источникам, не наблюдается» (Щавелев 2019: 123-132).

Об отсутствии у русов конницы писал ещё сирийский автор середины VI в. Псевдо-Захария: «Соседний с ними (с амазонками, местонахождение которых обычно приурочивается к южнорусским степям – С.Б., М.Ж.) народ hrus (hros), мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей» (Пигулевская 2011: 387). Видимо, по каким-то причинам о народе русов существовал устойчивый стереотип об отсутствии у него конницы, прослеживаемый в источниках с VI по X вв.

Впрочем, этот стереотип необязательно точно соответствовал историческим реалиям. Так, с одной стороны, Лев Диакон в своей «Истории», описывая войны Святослава Игоревича с болгарами и Византией, утверждает, что русы «сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле» (История. VIII.4; Лев Диакон 1988: 70), что они даже не умеют «управлять лошадьми при помощи поводьев» (История. IX.1; Лев Диакон 1988: 75), хотя археологический материал показывает, что русы X в. имели конницу (Кирпичников 1973: 5, 25).

С другой стороны, археологические исследования показали, что в состав салтовских дружин наряду с конницей входила и пехота, составлявшая большинство войска (Крыганов 1989: 98-114; 1993: 52-62; Аксёнов 1998:

39-51). Также установлено что войско носителей того или иного погребального обряда имело свою специфику и тактику ведения боя: «Войско населения, оставившего катакомбные могильники, состояло преимущественно из пеших воинов, вооружённых топором, реже луком со стрелами и клинковым оружием. Небольшая часть войска была представлена всадниками... Войско населения, практиковавшего обряд трупосожжения, было конным. На вооружении всадников находились в большинстве случаев топоры и копья, реже лук со стрелами и клинковое оружие. Часть войска была представлена пехотой, вооружённой топорами, реже луком со стрелами и копьями... Войско населения, практиковавшего ямный обряд погребения, имело также смешанный состав, включая пехоту и конницу, при небольшом доминировании последней. Как конные, так и пешие воины чаще всего были вооружены копьями и луком со стрелами, реже клинковым оружием и топорами. Редко в состав вооружения входил кистень» (Владимиров 2017: 22-23).

А.А. Тортика отмечая налаженные связи «салтовского населения Придонечья... с византийско-крымскими городами», откуда в Подонье и Подонцовье поступало «вино, привозившееся в амфорной таре, предметы роскоши (косметика, благовония, шелковые ткани, бусы)», и куда, по его мнению, салтовцами поставлялись «зерно, шкуры, мясо, мед, воск, возможно, меха, может быть даже в небольшом количестве и рабы», полагает, что, несмотря на это, экономика СМК в большей степени была ориентирована на внутренний рынок, базировавшийся на «безмонетном, обменном (товар на товар), характере этих торговых отношений» (Тортика 2006: 494-495).

Действительно, монет, как византийских так и арабских, на территории СМК, по сравнению с некоторыми другими регионами Восточной Европы, найдено не очень много. В массе своей они отчеканены еще в VIII в., и лишь единичные экземпляры датируются началом IX в. (Голубев 2016: 379), что, собственно и породило предположение о безмонетном товарообмене у населения салтовской культуры, а заодно и предположение о том, что все найденные здесь арабские дирхемы аланы принесли с собой в Подонцовье еще в пору переселения с Кавказа. И с тех пор, как полагают некоторые исследователи, арабское серебро к салтовцам, больше не поступало, а если и поступало то в мизерных, не фиксируемых археологией количествах.

Складывается достаточно парадоксальная ситуация: с одной стороны, экономически развитый регион, имеющий торговые контакты с Востоком и с Византией, с другой стороны, малое количество монет, найденных в, основном, в погребениях. Одно из таких погребений на Верхне-Салтовском могильнике было исследовано в 2013 г. На теле похороненной в катакомбе женщины археологи обнаружили уникальное ожерелье, состоящее из 164 бусин, десяти монет, превращенных в подвески при помощи приклепанных бронзовых петелек и двух дисков из раковины моллюска. Монеты датируются второй половиной VIII в. Само же погребение датируется серединой/второй половиной IX в. Описывая ожерелье

В.С. Аксёнов обращает внимание на весьма показательную параллель: «Такие украшения, как зримое отражение имущественного достатка, были зафиксированы арабским путешественником Ибн Фадланом у женщин руссов во время его пребывания на землях Волжской Булгарии в 921-922 гг. По его свидетельствам: “на шеях у них несколько рядов монистов из золота или серебра, так как, если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет своей жене одно монисто (в один ряд), а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч дирхемов, которые у него прибавляются, прибавляются в виде одного мониста у его жены...”. Здесь мы имеем дело с разными народами, но с явлениями одного порядка» (Аксёнов 2015: 301).

И тем эта неувязка очевиднее, если учесть, что по соседству, в Поочье, количество находок арабских дирхемов как в розницу так и в составе кладов на порядок больше. Как утверждают археологи, по количеству находок куфических монет «данный регион – один из лидирующих в европейской части России» (Григорьев 2005: 109; Гомзин 2017: 46). Правда, появляются они здесь лишь в первой четверти IX в. (Гомзин 2013: 14), но принципиально другое: в настоящее время большинство исследователей полагает, что поступление монетной массы в Поочье в IX в. «происходило по водной системе Дона. Из бассейна Верхнего Дона движение монетного потока становилось многовариантным и расходилось радиально» (Гомзин 2013: 20. См. также: Григорьев 2005: 153). Также есть все основания полагать, что движение монет, товаров, и, в особенности, меха по Дону происходило и раньше, как минимум с античного времени (Казанский 2017: 220-222).

Но нас интересует время функционирования СМК, то есть VIII-IX вв. В.С. Кулешов пишет: «В VIII в. в результате скандинаво-хазарских соприкосновений в Восточной Европе заметные партии сасанидских и умайядских монет достигают лесной зоны и региона Балтики. Ранние монетные находки второй половины VIII в. в ошутимой концентрации представлены в погребальных памятниках славяно-хазарского пограничья, ломоватовской культуры Прикамья и Средней Швеции (Упланда), а также в нижних слоях Ладожского поселения... Существенно, что на комплексы салтовской культуры приходится наибольшее число ранних находок, тождественных “докладовым” монетным находкам Ладоги и Швеции» (Кулешов 2018: 98). Проще говоря, сначала дирхемы появляются на территории СМК, а чуть позже они начинают фиксироваться в Ладогe, в Балтийском регионе и в Поочье.

Здесь, правда, не все так однозначно как утверждает Кулешов. Как отмечал В.Л. Янин, из 16 кладов конца VIII – первой трети IX в., изученных археологами к середине 50-х гг., только три найдены на о. Готланд и один в Упланде (Швеция). Причем, только самый древний из готланских кладов состоящий из 7 целых и одного обломка куфической монеты, условно, датируется концом VIII в. (самая младшая монета отчеканена в 783 г.). Два других, а так же клад из Упланды, зарыты не раньше первой половины IX в. (между 823-825 гг.). И это при том,

что остальные 12 западноевропейских кладов ничего общего со Скандинавией не имеют: пять из них найдены в Померании и датируются 802, 803, 816, 816 и 824 гг.; три – в Восточной Пруссии и датируются 811, 814 и 818 гг.; три в Западной Пруссии – 808, 813 и 816 гг.; один клад 810 г. обнаружен в Мекленбурге, что позволило В.Л. Янину утверждать: «Миф об исконности организующего участия скандинавов в европейско-арабской торговле не находит никакого обоснования в источниках» (Янин 2009: 104). К настоящему времени количество известных кладов выросло, но их пропорциональное соотношение, говорящее о приоритете Южной Балтики в первой половине IX в., не изменилось. Но кто бы ни был основным импортёром ранних восточных монет на Балтике (балтийские славяне или скандинавы) для нашей темы важно, что «серебряный поток» шёл через территорию СМК.

Доставляют эти дирхемы на Балтику по убеждению В.С. Кулешова русы, которые суть скандинавы. Однако археологических свидетельств присутствия скандинавов в зоне влияния СМК (Хазарского каганата по традиционной интерпретации, разделяемой Кулешовым) не обнаружено (Щавелев, Фетисов 2017: 309-317). Но из книги в книгу, причем речь идет не о сочинениях приключенческого жанра, а вполне себе научно-популярных изданиях, неугомонные викинги гребут по Днепру, Дону и Волге, аж до самого славного города Багдада, при этом не оставляя после себя никаких следов. Интереснее, однако, другое: по версии норманистов получается, что пропуская через свои земли скандинавов-русов, сами салтовцы интереса к торговым операциям не проявляют, поскольку дирхемов на их территории обнаружено крайне мало. Да и те, как было уже отмечено, в массе своей выпущены в VIII в. Словом, настоящие бессребреники. Но возможно малое количество куфических монет имеет какое-то иное объяснение, кроме отсутствия у салтовцев стремления к накоплению средств?

Отчасти такое объяснение предложил А.А. Тортика: «Анализируя факт практически полного отсутствия кладов и небольшое количество отдельных находок в степной зоне, между нижней Волгой и нижним Доном, в устье Северского Донца, в степной части Днепро-Донского междуречья, нельзя забывать и о некоторых особенностях кочевого менталитета. Для степных богачей обладание сундуками, наполненными монетами, представляло небольшую ценность. Скот был главным сокровищем, главным мерилем богатства в степи. Деньги, спрятанные в юрте, никому нельзя было показать, никто не мог их увидеть и оценить по достоинству могущество хозяина, тогда как многотысячные стада скота говорили сами за себя. Слава об их владельце разносилась на многие километры. Он устраивал пиры и праздники, одаривал своих родственников и приближенных, содержал отряды батыров, покупал предметы роскоши, дорогие ткани, украшения для своего коня и жен, дорогое оружие и, как правило, не копил деньги, и, соответственно, не прятал клады. Таким образом, возникла парадоксальная ситуация. Через Хазарский каганат транзитом по нескольким речным и морским торговым

путям шли потоки товаров и денег, этими же путями следовали купцы разного этнического происхождения – русы, арабы, персы, евреи, с которых хазарское правительство взимает 10% пошлину, при этом в самой Хазарии денег мало и денежного обращения, за исключением территории городов, практически нет» (Тортика 2006: 458-459).

В целом соглашаясь с точкой зрения археолога, необходимо сделать ряд существенных дополнений. Серебряные монеты в Восточной Европе и на Балтике в то время были не только средством оплаты товаров и услуг, но и источником серебра⁸, которое помимо всего прочего шло на изготовление украшений, посуды, технические нужды. Да и сами монеты, как средство оплаты использовались, большей частью, исходя не из их номинальной стоимости или покупательской способности, а по весу (Гомзин 2013: 24). Так, к примеру: 1 лошадь стоила 150 г серебра, корова – 80 г, меч – 125 г, копье – 50 г, нож – 3 г (1 дирхем) (Лебедев 2005). В этом случае салтовцы могли использовать полученное от арабов серебро как для собственных ювелирных нужд, так и для производства изделий на экспорт, а в большей степени, для покупки мехов и иных, скажем так, дефицитных товаров, в том числе и зерна, у славян.

А.В. Григорьев вполне допускает, что осевшие в Поочье дирхемы – это плата местным жителям за обслуживание волоков и проводку торговых караванов, которые шли по Дону в Поочье и дальше на северо-запад не только водным, но и сухопутным путем (Григорьев 2005). Словом, какая-то часть поступающих к салтовцам дирхемов ими могла использоваться для покупки товаров извне, у славян, в той же Византии, а часть идти на изготовление ювелирных изделий и украшение оружия. При этом не следует забывать и о том, что время существования СМК пришлось на начало складывания товарно-денежных отношений в Восточной Европе. Арабские источники сообщают, что в качестве денег русы используют не только дирхемы, но и шкурки белки и куницы. В начале X в. Ибн Фадлан пишет: «Дирхемы русов – серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, [а также] соболи. Если чего-либо недостает, то от этого шкурка становится бракованной [монетой]. Ими они совершают меновые сделки, и оттуда их нельзя вывести, так что их отдают за товар. Весов там не имеют, а только стандартные бруски металла. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чашки» (Ковалевский 1956: 141-142).

В.С. Кулешов рассматривая историю денежного обращения в Восточной Европе IX-XI вв. отмечает: «В IX-XI вв. в регионах Восточной Европы бытовали варианты денежных систем, единицы которых формально принадлежали к классам металлических денег (весовое серебро, монеты, золото), меховых товаро-денег (шкур-

8 «Куфическая монета воспринималась в Восточной Европе VIII-X вв. как серебро, о чем свидетельствует высокий процент обрезков монет в ранних кладах, обнаруженных на территории Северного Кавказа, Восточной Европы, Прибалтики. В некоторых кладах наряду с монетами, встречены серебряные кружочки или пластинки, по весу соответствующие дирхему. Обрезками представлено и абсолютное большинство монетных находок VIII-IX вв., происходящих с Донецких городищ» (Кравченко 2005: 166).

ки драгоценных пушных зверей) и товаро-денег иных групп (мечи, стеклянные бусы, штуки шелка/парчи)» (Кулешов 2019: 29). Вероятность того, что население салтовской культуры, как и его соседи, использовало все перечисленные денежные системы достаточно высока, что, вероятно, может служить еще одним объяснением малого количества арабских дирхемов на поселениях и в погребениях СМК, хотя полностью исключать возможность ограничения поступлений дирхемов в Подонье и Подонцовье в начале IX в. в связи с враждебностью СМК и Хазарии тоже не стоит.

Отдельным пунктом стоит вопрос о производстве подражаний арабским дирхемам. Единства во взглядах среди нумизматов и археологов здесь нет. А.А. Быков полагал, что подражания чеканились в столице Хазарского каганата и были своеобразной попыткой хазарских властей наладить выпуск собственных денежных знаков (Быков 1971: 26-36). В пользу этого, по мнению исследователя, говорит наличие на ряде монет надписи читаемой будто бы как «Ард ал-Хазар» («Земля хазар»)⁹.

Иначе на проблему смотрел В.Л. Янин, писавший: «Хазары, не знавшие монетного обращения вообще, не только не выпускали каких-либо монет, но и оригинальной куфической монеты не употребляли. Основную роль в доказательствах Р.Р. Фасмера сыграли топографические наблюдения. Он указывал, что клады, содержащие подражательные монеты, концентрируются исключительно на территории б. Казанской губ.; по его словам, там нет “ни одного клада... о котором можно было бы с полной уверенностью сказать, что в нем не заключалось между прочими монетами и варварских дирхемов”. Этот вывод сделан Р.Р. Фасмером на основании анализа кладов X в. и вполне правилен для этого времени. Но имеется ряд кладов с имитациями более раннего времени. К их числу относится, прежде всего, Девицкий клад 838 г., состоящий из 323 монет, около четвертой части которых составляют подражания аббасидским дирхемам; затем Завалишинский клад 810 г., две монеты в котором (из 52) были подражаниями, Хитровский клад 873 г., содержащий какое-то количество неподсчитанных подражаний, Погребновский клад 876 г. с двумя подражаниями (на 216 рассмотренных монет клада), Пейпусский клад 862 г., в котором было обнаружено два подражания аббасидским дирхемам... Топографические данные об имитациях, относящихся к IX в., позволяют предполагать место их чеканки где-то на территории современных Воронежской, Харьковской, Белгородской или Курской областей. Это предположение переходит в уверенность, если обратиться и к более поздним материалам. К X в. относится обнаруженный близ Харькова большой Безлюдовский клад, состоящий исключительно из подражаний куфическим монетам, и Березовский клад Курской обл., в котором наряду с подлинными восточными монетами насчитывается несколько сотен подражаний. Названная территория археологически отождествляется с областью распро-

⁹ Х.Д. Френ справедливо отмечал, что надпись «допускает различные чтения... которые было бы слишком долго перечислять» (Быков 1971: 31), соответственно, чтение «Ард ал-Хазар» является лишь одним из возможных и сугубо гипотетическим.

странения так называемой салтово-маяцкой культуры, связанной экономическими узами со славянским населением Восточной Европы. Сырьем для изготовления подражательных монет служили, по-видимому, те же арабские дирхемы – именно те их экземпляры, которые не соответствовали принятой в Восточной Европе вековой норме, стертые монеты и обломки. Необходимо отметить, что все подражания, обнаруженные в Восточной Европе, изготовлены чеканкой, а не литьем... Вопрос о принадлежности подражаний может быть окончательно решен только после скрупулезного исследования типологии этих в высшей степени замечательных монет» (Янин 2009: 134-135).

Эти факты позволили Е.С. Галкиной выдвинуть гипотезу, согласно которой описанные археологами подражания арабским дирхемам или какая-то их часть, чеканилась на территории СМК и представляли собой монеты Русского каганата, демонстрацию наличия государственности у донских алан-русов (Галкина 2002: 222-226; 2012: 277-280).

Теперь рассмотрим то, что известно о внешнем виде русов и их погребальном обряде.

Ибн Русте, Ибн Фадлан и ряд других арабских авторов отмечают высокий рост русов, светлый или красный цвет их лиц и белокурые волосы, что сторонники норманнской теории порой рассматривают как указание на скандинавов. Однако на примере арабских, римских и византийских источников легко можно показать, что под подобное описание вполне подпадают и аланы, и славяне, и т.д.

Описывая аланов, античные авторы довольно часто указывали на их высокий рост, русые волосы и голубые глаза. По словам Аммиана Марцеллина (IV в.) «почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен» (Римская история. XXXI.2.21; Аммиан Марцеллин 2000: 494), а вот какие воспоминания о Марии, сестре аланского царя Дургулея Борены, ставшей женой византийского императора Михаила VII Дуки (1071-1078), оставила Анна Комина (1083-1153), до 8 лет воспитывавшаяся при дворе Марии Аланской: «Была она высокой и стройной, как кипарис, кожа у нее была бела, как снег, а лицо, не идеально круглой формы, имело оттенок весеннего цветка или розы. Кто из людей мог описать сияние ее очей? Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми» (Алексиада. III.4; Анна Комина 2010: 68). На светлые волосы и голубые глаза осетин обращали внимание и этнографы начала XX в. (Боранов, Горлов 1914). Словом никаких противоречий между тем, что нам известно о внешнем виде аланов и свидетельствами арабов о внешнем виде русов нет.

«Анонимная записка», передаваемая Ибн Русте, к сожалению, мало внимания уделяет такому весьма важному для этнографической атрибуции русов признаку как одежда. Он лишь говорит о том, что русы «соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты... носят широкие шаровары, на каждые из которых идет сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают» (Новосельцев 1965: 397-398). Ибн Фад-

лан отмечает, что русы «не носят ни курток, ни хафтанов, но у них мужчина носит кису (плащ), которой он охватывает один бок, причем одна из рук выходит из нее наружу» (Ковалевский 1956: 141). В тоже время, описывая погребальный обряд русов, арабский дипломат говорит о том, что перед кремаций на усопшего руса надели «шаровары, гетры, сапоги, куртку, парчовый хафтан с пуговицами из золота», а на голову «шапку из парчи, соболью» (Ковалевский 1956: 144).

О костюме и внешнем виде салтовцев судить сложнее. Раскопки дают слишком мало органического материала, среди которого можно выделить лишь отдельные элементы костюма, что дает весьма смутные и обобщенные представления о том какую одежду они носили. Поэтому в своих реконструкциях, исследователи опираются либо на материалы из ряда этнически близких донским аланам могильников Северного Кавказа, где, по счастливой случайности, сохранились «находки целых форм одежд, изготовленных из холщовых, шелковых и шерстяных тканей, головных уборов из кожи, тканей и меха и кожаной обуви» (Целиковский 2020), либо на изображения людей на предметах быта и украшениях, найденных на территории СМК и имеющих весьма условный характер. Отслеживается также и общая тенденция развития моды евразийских степей, Ирана и Средней Азии рассматриваемого периода, поскольку в костюме этих регионов было достаточно много общего.

Уже одно то, что Ибн Русте называет штаны русов шароварами прямо указывает на их восточное происхождение. Впрочем, некоторые сторонники норманнской теории видят в шароварах русов широкие штаны викингов, изображения которых имеются на ряде поминальных камней VII-VIII вв. с острова Готланд и это якобы доказывает их местные корни, при этом, правда, не принимается во внимание тот непреложный факт, что «викинг» изображенный на камне восседает на коне, а не на драккаре и на голове у него остроконечный «восточный шлем», а не конический, типичный для скандинавов¹⁰. Более того, графическая реконструкция «штанов из Хедебю», датируемых X в. в целом весьма похожа¹¹ на графическую реконструкцию «коротких штанов с широким шагом» которые носило мужское и женское население Северного Кавказа, включая алан, с гуннских времен (Доде 2001). Шаровары едва ли не до наших дней носили запорожские казаки, вряд ли заимствовавшие их у скандинавов. Так что, видимо, прав Г.С. Лебедев, констатировавший, что у скандинавов «под восточным влиянием появились шаровары со множеством складок, подвязывавшиеся под коленом, запашная верхняя одежда типа кафтана и др. С Востока пришла мода на пышные меховые “гардские шапки” (исходно – венгерского, степного происхождения), как и на наборные пояса, к которым подвешивали (кро-

ме оружия) различные бытовые вещи (нож, оселок, кресало, кошелек)» (Лебедев 2005: 283).

Кроме штанов аланский мужской костюм включал в себя чулки, сапоги из мягкой кожи без подметок и каблуков, верхнего, с отворотами и нижнего, со стоячим воротничком, кафтана. Фрагменты кафтана, найденные на Маяцком поселении, дают некоторые основания полагать, что подобный вид одежды был присущ всем донским аланам, а заодно и большинству остального населения салтово-маяцкой культуры.

Ибн Русте, правда, о кафтанах у русов не упоминает, но об этом пишут другие арабские авторы и что самое важное, фрагменты кафтанов найдены в ряде древнерусских погребений в Гнездово и в Ладоге, причем в Ладоге в слое датируемом первой третью IX в. (Михайлов 2011: 166-177). Интересна ладожская находка еще и тем, что покрой кафтана несколько отличается от образцов известных на Северном Кавказе, что, по мнению исследователей, говорит о новом варианте «распашного, отрезного восточного костюма» (Михайлов 2011: 176).

В тоже время «импортный материал» находки «указывает на ее восточное происхождение» (Михайлов 2011: 176). Находки в слоях датируемых 760-810/810-830 гг. других предметов произведенных на территории СМК также могут указывать на то, что найденный в Ладоге фрагмент кафтана, выполненный в несколько иных традициях, нежели стандартные аланские кафтаны Кавказа, отражал вкусы и моду населения собственно самой салтовской культуры, сформировавшиеся уже в Подонье и Подонцовье.

Аналогичные гнездовским кафтаны найдены и в Скандинавии, в Бирке, причём сами скандинавские исследователи «называют все остатки верхней распашной мужской одежды с осевым разрезом на груди, застегнутые бронзовыми пуговицами, украшенные тесьмой – “восточными кафтанами”», поскольку за пределами Бирки в Швеции «мужская одежда типа кафтана и литые пуговицы с петелькой распространения не получили» (Михайлов 2005: 56-65). Прямые аналоги древнерусским кафтанам находятся лишь в мире степей или в Иране, видимо, через алано-салтовское посредство кафтан и попал на Русь и далее из Руси в Бирку.

В костюме русов X и последующих вв. присутствуют и другие элементы степной моды, что в известной степени может указывать на преемственность: к степным заимствованиям в гардероб русов помимо кафтана и шароваров относят сапоги, шапку, сумку ташку и некоторые виды наборных поясов.

О погребальном обряде русов Ибн Русте, передавая «Анонимную записку», пишет: «Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении» (Новосельцев 1965: 398).

Для большинства исследователей «могила в виде большого дома» – это так называемое «камерное»

10 По мнению Д.А. Короля сюжеты изображенные на поминальных камнях Готланда близки сюжетам степной мифологии изображения которых известны в Причерноморье (Король 2005: 341-344).

11 http://wiki.thereenactment.org/index.php/Штаны_из_Хедебю (Дата обращения - 12.11.2020).

или «срубное» погребение, хорошо известное археологам по раскопкам на территории Восточной Европы и Скандинавии. Не будем акцентировать внимание на том, что в известии Ибн Русте нет ни слова о том, что этот «большой дом» в погребальной яме выложен из дерева. Возможно, персидского историка или его предшественника, автора «Анонимной записки», не интересовали подробности ее устройства. Обратим внимание на другое, куда более важное – хронологию. Сведения «Анонимной записки», судя по указанному в ней расположению кочевых народов, надежно датируются первой половиной IX в. (Czegledy 1973: 263; Рыбаков 1982: 229-232; Шпилев 2009: 66; Галкина 2010: 57, 98). Соответственно, принципиальный вопрос: каким периодом датируются самые ранние камерные погребения на территории Восточной Европы?

Обычно считается, что камерный погребальный обряд на Русь пришел из Скандинавии. По утверждению К.А. Михайлова «первые скандинавские погребальные камеры эпохи викингов появляются в могильниках датского города-порта Хедебю и в шведском торговом центре Бирка. Возведение древнейших камер Хедебю относится к 900-м гг. В Бирке известно около девяти камер, которые относятся к ранней фазе существования могильника и датируются IX в. В одном из таких сооружений нашли монеты франкского императора Карла Лысого (840-877 гг.) и византийского – Михаила III (842-856 гг.). Одна из недавно открытых камер Бирки получила очень раннюю дату на основе радиоуглеродного анализа. Зубы лошади из камеры были отнесены к VIII в. (калиброванная дата 670-780 AD). Однако большинство камер Бирки (всего их насчитывается III) построены значительно позже, в X в.» (Михайлов 2016: 158).

Итак, в Скандинавии камерные погребения, за редким исключением, появляются в конце IX в., но наибольшее их распространение приходится на X в. Интересно и другое. Существует несколько версий возникновения обряда. Первая предполагает местное, автохтонное происхождение. Вторая, заимствование из Западной Европы, в том числе и через посредство иностранных купцов «и уже затем “чужое влияние” привело к тому, что там сложился свой собственный, локальный вариант обряда» (Михайлов 2016: 159). Согласно третьей гипотезе (Х. Штоер) «обряд захоронения в погребальных камерах могли привнести в Хедебю и его окрестности шведские завоеватели города с территории Древней Руси. До некоторой степени это предположение перекликается с мнением А.С. Грэнлунд, которая подметила нечто общее между обрядом камер Бирки и захоронениями восточноевропейских кочевников, в частности венгров» (Михайлов 2016: 160).

Эта версия очень любопытна и к ней мы еще вернемся, пока же рассмотрим хронологию камерных погребений в Восточной Европе. К.А. Михайлов пишет: «Сравнение данных существования отдельных погребений указывает на то, что обряд захоронения в камерах формируется и распространяется в древнерусских могильниках во второй – третьей четверти X в., или в 930-960-е гг. Особняком в этом ряду стоит захоронение в кургане 11 могильника Плакун с дендродатой 890-895 гг. Это за-

хоронение отстоит от общей группы древнерусских погребальных камер на время жизни целого поколения» (Михайлов 2016: 155).

Между «Анонимной запиской» (первая половина – середина IX в.) и археологической датировкой древнерусских камер налицо хронологическая лакуна во много десятилетий, которую отнюдь не устраняет даже уникально раннее захоронение в Плакуне, датировку и атрибуцию которого ещё следовало бы перепроверить – об их спорности говорит и сам К.А. Михайлов.

Даже во время написания «Дорогих ценностей» Ибн Русте (между 903-925 гг. при широком датировании, и при более узком, между 903-913 гг.) в Восточной Европе камерных погребений, за исключением единственного найденного в Ладоге, еще нет, в Скандинавии они только-только начинают появляться.

Напомним, что в тексте Ибн Русте нет ни слова о том, что погребальную камеру русов обкладывают деревом и перекрывают деревянным настилом. Ибн Фадлан же, говорит лишь о том, что после смерти главаря русов его родственники «положили его в его могиле и покрыли ее над ним настилом на десять дней, пока не закончат кройки его одежд и их шивания» (Ковалевский 1956: 143), то есть это было временное погребение перед кремацией в ладье. Данный обряд мы обсудим чуть позже, а пока рассмотрим ладожское погребение № 11, насколько оно соответствует описанию Ибн Русте. «Погребение № 11... Исследовано в 1968 г. Староладожским отрядом ЛОИА под руководством Г.Ф. Корзухиной. а) Курган подквадратной формы диаметром 11 м, высотой 0,3 м. В центре основания кургана на уровне погребенной почвы – группа плит, вытянувшихся полосой с СЗ на ЮВ, длиной 2 м, шириной 1,1 м. Среди них до 40 заклепок, гвоздей и их обломков. Под камнями – могильная яма длиной 2,8 м, шириной 1,75 м, глубиной 0,7 м, ориентированная по оси СЗ-ЮВ. В яме – гробовище из досок, длиной 2,15 м, шириной 0,95 м, высотой 0,35-0,4 м. Дно ямы у торцевых стенок выстлано берестой. Пространство между стенками ямы и гробовищем завалено бревнами. На дне гробовища в беспорядке находились незначительные остатки костяка мужчины в возрасте 60-70 лет, головой на С-СЗ. б) В ногах погребенного обнаружены часть долбленого корытца и стенка берестяной коробочки. На костяке, особенно справа от него, – большое число окислов полностью разрушившихся железных и бронзовых предметов. В гробовище повсюду следы органики, среди которых опознаны войлок и мех. в) М (60-70 лет). г) Головой на С-СЗ. д) Дендродата погребения: 880-900 гг.» (Михайлов 2016: 155).

Как видим, ничего общего с тем, что рассказал о похоронах знатного руса Ибн Русте у ладожского погребения № 11 нет. Это совершенно иной погребальный обряд. К тому же К.А. Михайлов пишет: «В мужских захоронениях в камерах отсутствуют браслеты и шейные гривны, которые постоянно упоминаются в письменных источниках как обязательная часть украшений воина. Однако они в большом числе обнаруживаются в могилах» (Михайлов 2016: 178). На наш взгляд, отсутствие в погребениях браслетов, о которых упоминает Ибн Русте – принципиальный момент.

Существенно и другое. К.А. Михайлов констатирует: «Мужской инвентарь имеет большее своеобразие, в нем сочетаются элементы византийского и кочевнического костюма, украшения и оружие из Скандинавии, Венгрии, Волжской Булгарии, Хазарского каганата и Северного Кавказа. Несмотря на разнообразие и богатство вещевого набора погребальных камер, в нем наблюдается определенное единство, отличающее его от наборов, характерных для иных типов захоронений» (Михайлов 2016: 180). Костюм русов X в. не был скандинавским, хотя и содержал в себе некоторые скандинавские элементы. Больше всего костюм руса этого времени был похож на костюм степняка, что само по себе вызывает вопросы и возможность разных интерпретаций.

Теперь несколько слов об этнической интерпретации и происхождении камерных погребений Восточной Европы. Как утверждает К.А. Михайлов «в Восточной Европе древнерусские погребальные камеры в первую очередь связывают со скандинавской погребальной традицией... В данный момент невозможно точно определить пути распространения этого погребального обряда в IX-X вв. Можно только констатировать его заимствование из мира германской культуры и географическое распространение с запада на восток, от датского побережья до Средней Швеции и Северо-Запада России, а затем до районов Поднепровья и Верхнего Поволжья» (Михайлов 2016: 160).

Но это не единственная точка зрения. Тот же Михайлов отмечает что «в отечественной археологии одним из первых подчеркнул не автохтонную, “не славянскую” принадлежность погребальных камер Поднепровья Б.А. Рыбаков. Он выдвинул теорию, согласно которой обряд захоронения в камерах практиковали средневековые кочевники – вассалы черниговских князей. На новом этапе исследований сторонником этой теории стал В.Я. Петрухин. Он усматривает в древнерусских камерах элементы, близкие обрядам кочевнической, салтово-маяцкой культуры» (Михайлов 2016: 160).

Действительно, отметив ряд аналогий между салтовскими материалами и «дружинными» курганами Черниговщины, В.Я. Петрухин заключил, что при создании последних «к совершению ритуалов были допущены не только собственно русские дружинники: обряды с оружием совершали люди, знакомые с салтовскими (хазарскими) обычаями и, видимо, считавшие их “своими”. То же обстоятельство следует иметь в виду и при интерпретации обрядности камерных гробниц с конями, расположенных в соответствии с кочевническими обычаями на юге Руси и в Гнездове (в последних работах исследователи Гнездова предполагают присутствие там выходцев из Хазарии)», а сами «камерные гробницы русских дружинников X в. располагаются точно в пределах Русской земли, занятой некогда волынцевской культурой» (Петрухин 1995: 98-101).

Интересно, что в лекции «Пространство живых мертвецов» от 17.12.2017 (https://youtu.be/C2t2lvz2_44) сам К.А. Михайлов говорит уже несколько иное. Отмечая малое количество камерных погребений на северо-западе и их позднее происхождение, исследователь сетует, что это представляет загадку для археологов. Ожида-

лось, что именно на северо-западе будут фиксироваться самые ранние погребения в камерах как следствие движения викингов в глубь территории Восточной Европы, но происходит обратное: камеры «движутся» с юга к северу, появляясь сначала в Среднем Поднепровье, и лишь потом уже в Гнездово, Тимерево и Ладоге. Это же отмечает и С.Ю. Каинов: «По одной из реконструкций событий в Гнездове люди, хоронившие своих умерших в деревянных камерах, появляются из Среднего Поднепровья» (Каинов 2018: 238).

О сложности этнической интерпретации камерных погребений и нерешённой проблеме их происхождения пишет и В.Г. Ивакин: «Проблема распространения камерного погребального обряда на Руси до сих пор окончательно не решена, не решен и вопрос об этнической принадлежности людей, похороненных в киевских камерах. Идея погребальной камеры как дома для умершего известна на территории Восточной Европы еще со времени срубной культурно-исторической общности XVII-XII вв. до н.э. Период распространения большинства древнерусских камер довольно широк – с конца IX до первой половины XI в. Однако в случаях, когда киевские камерные захоронения имеют более точные хронологические указатели, последние указывают на вторую половину X в... В современной отечественной научной литературе камерные захоронения, как правило, связывают со скандинавским населением, так как почти все находки древнерусских погребальных камер известны на некрополях ранних городских поселений эпохи викингов (Киев, Псков, Старая Ладога, Гнездово, Тимерево, Чернигов, Шестовица). Однако некоторые скандинавские ученые воспринимают камерные погребения как чуждый элемент, традицию, привнесенную извне. Неоднократные попытки идентифицировать происхождение погребенных в камерных комплексах, анализируя предметы сопроводительного инвентаря, результатов не принесли. Поэтому именно социальная характеристика, а не определение этнической принадлежности, является доминирующей для реконструкции статуса погребенных в камерах древнерусского Киева. Роль этнического фактора здесь нивелируется интеграционными процессами между скандинавским, балтским и угро-финским элементами и массой славянского населения. Очевидно, правильным будет считать захоронения в камерах основным погребальным обрядом новой аристократической верхушки социальной военной-торговой группы – “Руси”» (Ивакин 2011: 15).

Отмечает археолог и спорность популярной у норманистов интерпретации традиции помещения в камерное погребение коня: «По поводу происхождения традиции погребения воина с конем существуют две основные версии. Российские исследователи отмечали, что подобные перегородки характерны и для датских камер. К.А. Михайлов проследил близкие аналогии на девяти могильниках в Ютландии. По его мнению, обряд положения боевого коня в могилу воина связан с погребальными традициями германцев эпохи Меровингов и скандинавов времен распространения христианства... Однако не исключено, что этот обычай имеет связь с погребальными традициями кочевых народов

– соседей русов (носителей салтово-маяцкой культуры, печенегов и др.), которые предусматривали положение в могилу знатного человека коня. Как правило, кости коня в киевских камерах размещены в камере сбоку от погребенного (иногда параллельно телу покойника) вместе со снаряжением. Конь лежит на боку или на животе с подогнутыми ногами» (Ивакин 2011: 15).

Итого, получается, что камерный обряд на Руси во-первых имеет выраженные следы влияния салтовской культуры, а во-вторых, распространяется с юга на север.

Д.Т. Березовец в работе «Об имени носителей салтовской культуры» писал: «Согласно сообщению Ибн-Русте и некоторых других авторов погребальный обряд у русов такой: “Когда умирает у них кто-либо из знатных, то выкапывают ему могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу как одежду его, так и браслеты золотые, которые он носил; далее опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец кладут в могилу живую и любимую жену покойника. Затем отверстие могилы закладывается и жена умирает в заключении”. Такой погребальный обычай характерен для памятников салтовской культуры. Выкопанная в земле могила в виде большого дома – это известная нам катакомба с дромосом и небольшим входным отверстием, которое обычно закладывалось каменными плитами или деревянной доской. Катакомба в основном не засыпалась... Инвентарь, сопровождающий захоронение, всегда очень многочисленный, богатый и состоящий из вещей, лично принадлежавших покойнику. Сообщение о захоронении женщины тоже подтверждается археологически. Правда, в действительности женщину клали в могилу неживой. По поводу этого С.А. Плетнёва пишет, что парные захоронения составляют 25-30% всех захоронений Дмитровского могильника. “Можно с полным основанием предполагать, что в парных погребениях похоронены супружеские пары”. Такой обычай почти до наших дней сохранился у горных народов Кавказа, в частности у осетин – потомков древних аланов. Своих умерших они хоронили в специально построенных склепах с узким лазом, через который вносили покойника. Ему клали оружие, медную и глиняную посуду, еду. В недалеком прошлом мужчину-воина сопровождали женщина, конь, собака. Ныне жена умершего обрезает свои косы и кладет на грудь покойного мужа, коня трижды обводят вокруг могилы, обрезают кончик уха и бросают его в могилу» (Березовец 1970: 69-70).

На наш взгляд, салтовский погребальный обряд, описанный Д.Т. Березовцом, гораздо больше соответствует погребению, описанному Ибн Русте. Совпадают они и хронологически, если говорить о времени появления руси на исторической арене в первой половине IX в. и составления «Анонимной записки». Более того, правомерен вопрос: не об этих ли отголосках салтовских традиций в древнерусской и скандинавской погребальной обрядности пишут некоторые скандинавские и российские археологи? Что если камерный обряд в Восточной Европе и Скандинавии сложился под влиянием салтовской погребальной обрядности? На такое

направление культурных заимствований указывает рассмотренный выше вопрос об одежде, которую появившиеся в Восточной Европе варяги также заимствовали у аланов – носителей СМК, а также заимствование варягами салтовской тамги, ставшей основой для т.н. «знаков Рюриковичей» – эмблем князей, принадлежавших к правящему роду (Флерова 2001: 53-62; Галкина 2002: 391; Мельникова 2011: 246-248; Белецкий 2012: 457-458).

В качестве примера возможного прототипа можно упомянуть об одной интересной находке, обнаруженной в Червоно-Гусаровком могильнике. На ряде сосудов, помещенных в захоронения, нанесены знаки собственности. В основном это круги в различных комбинациях с лучами или крестами, но имеется среди них и клеймо, по своей форме очень похожее на знаменитый «знак Рюриковичей»: двузубец в комбинации с кругом и деталью в виде полумесяца.

Как показал С.А. Яценко, тамгообразные знаки с территорий СМК, к которым относятся и двузубцы, среди которых прототипы «знаков Рюриковичей», в большинстве своем восходят к иранской, а не к тюркской традиции и связаны скорее с аланским, а не с болгарским населением СМК (Яценко 2001). Назначение тамг в иранской и тюркской традициях в целом известно, это родовые клановые знаки и знаки собственности. Но и это еще не все: А.А. Фетисов рассуждая о появлении «знаков Рюриковичей» на Дунае, обращает внимание на то, что «порядок наследования княжеских знаков, выявленных на древнерусских монетах и свинцовых печатях, в Древней Руси X-XII вв. от предка к наследнику (от отца к сыну) во многом типологически близок сармато-аланской традиции – наследование знака отца с индивидуальным дополнением каких-либо элементов» (Фетисов, Щавелев 2017: 265). Достаточно веский аргумент в пользу версии связи Русского каганата с СМК Подонья и Подонцовья.

Такое геральдическое заимствование, характерное для вассалов, указывает на отношения аланов-русов СМК и ранних восточноевропейских варягов: власти Русского каганата, видимо, просто пожаловали своим варяжским вассалам определенный тип тамги, как, видимо, они жаловали разные типы тамг всем должностным лицам и вассальным правителям. При этом, видимо, на варягов был перенесен и этноним русы, а сами они стали воспринимать себя сначала в качестве части, а затем и в роли наследников Русского каганата.

В.С. Кулешов обращает внимание на находки фальшивых дирхемов датируемых первой половиной X в., на которых помимо арабографичных строк имеются тексты сделанные «на неустановленном языке» посредством тюркских (?) рунических знаков, среди которых имеются знаки напоминающие «знаки Рюриковичей», что позволило исследователю заключить: «Тема Рюриковичей возникает здесь не случайно: следует внимательно обсудить соотношение хазарских (?) геральдических знаков на “рунических” дирхамах и седьярском кувшине с владельческими знаками ранних Рюриковичей» (Кулешов 2009: 8).

Погребение в могиле в виде большого дома – не единственный способ захоронения практиковавшийся ру-

сами, зафиксированный арабскими источниками. Еще один погребальный обряд русов исследователям известен благодаря ал-Масуди (X в.), который в сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов» пишет: «Что же касается язычников, находящихся в стране хазарского царя, то некоторые племена из них суть Славяне и Русы. Они живут в одной из двух половин этого города и сожигают своих мертвецов с их вьючным скотом, оружием и украшениями. Когда умирает мужчина, то сожигается с ним жена его живую; если же умирает женщина, то муж не сожигается; а если умирает у них холостой, то его женят по смерти. Женщины их желают своего сожжения для того, чтоб войти с ними (мужьями) в рай. Это есть одно из деяний Гинда, как мы упомянули выше; только у Гинда обычай этот таков, что жена тогда только сожигается с мужем, когда она сама на это соглашается» (Гаркави 1870: 129).

Описанный «арабским Геродотом» погребальный обряд в рассматриваемый период был типичен для многих народов, практиковало его, наряду с захоронениями в катакомбах, и население СМК, что в полной мере подтверждается археологией (Плетнёва 1967: 100-102; Березовец 1970: 70). Как полагают археологи, кремации салтовских могильников демонстрируют переплетение нескольких погребальных традиций в рамках одной общины и часть из них была оставлена потомками пеньковского и колочинского населения, часть кремаций принадлежала представительницам угорского этноса, часть – выходцам из праболгарской (тюрко-угорско-иранской) среды, часть пришедшим из Причерноморья представителям абхазо-адыгского населения, и часть этническим хазарам (Бубенок, Аксёнов 2009: 103-145).

Третий тип погребального обряда русов довольно подробно описывает Ибн Фалан, рассказывая о сожжении знатного руса в ладье (Ковалевский 1956: 143-146). Данный обряд большинство исследователей относит к скандинавской погребальной традиции. Спорить с этим бессмысленно: аланы салтовской культуры своих усопших в ладье не кремировали. Однако Ибн Фадлан наблюдал сожжение руса на Волге в 922 г. Сомневаться в том, что скандинавы к этому времени уже проникли в древнерусскую среду не приходится. Как не приходится сомневаться и в том, что к 922 г. Русский каганат уже перестал существовать (источники о Руси X в. ни разу не называют ее правителей каганами), а значит к подданным русского кагана русы, сжигавшие своего усопшего в ладье, отношения, скорее всего, не имели.

Учёными давно было обращено внимание на вероятное иранское наследие в языческом пантеоне Руси.

В ПВЛ говорится, что захватив Киев князь Владимир «постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь. И жряху имъ, наричюще я боги» (ПСРЛ. I: 79).

В.Я. Петрухин по этому поводу пишет: «летописный список Владимировых богов лишь “окаймлен” собственно славянскими божествами (Перун и Мокошь), прочие же... относятся к иранским (Хорс) или могут рассматриваться как славянские “кальки” с иранского» (Петрухин 2004: 249). А.А. Зализняк, напротив, славян-

ской калькой с иранского считал Мокошь, о которой писал, что она «особенно близка к иранской Arədvī Sūrā Anāhitā (arədvī “сырая, мокрая”). Сходство в именах подкрепляется и функциональным сходством: обе богини связаны с производением потомства и покровительствуют разведению скота» (Зализняк 1962: 43).

Наличие в пантеоне Руси божеств иранского происхождения, при полном отсутствии скандинавских плохо согласуется с утверждением норманистов о скандинавском происхождении Руси и ее правящей династии. Пытаясь объяснить столь странное противоречие, сторонники норманнской теории высказывают те или иные предположения, суть которых сводится либо к тому, что скандинавы быстро ассимилировались и усвоили местные религиозные культы; либо к тому, что скандинавская русь клялась не Перуном, а Тором, просто летописец XII в. об этом не знал или забыл.

Необоснованность подобных предположений становится очевидной уже на археологическом материале. В норманнских погребениях Руси IX-XI вв. находят железные гривны Тора и другие предметы скандинавских языческих культов, все это позволяет исследователям утверждать, что «скандинавы на территории Древнерусского государства продолжали исповедовать ту же религию, что и у себя на родине», причем «обычно не образуя обособленных групп среди местного населения, варяги, тем не менее, на протяжении X в. сохраняли свои традиции в одежде, погребальной обрядности, суевериях и, по крайней мере, некоторых ритуальных действиях» (Новикова 1992). Безусловно, случаи когда попадая в иную этническую среду, пришельцы начинали исповедовать культы местного населения, адаптировав их к своим, достаточно распространенная практика в древности. Но ведь скандинавов ассимилировали славяне, а не иранцы. Откуда тогда у норманнов такая тяга к иранским богам, а заодно и к иранским родовым знакам, степному титулу каган, да и к степному по своему происхождению костюму и т.д.?

Утверждения ряда исследователей о том, что иранские божества попали в славянский пантеон еще в скифское время, при всей их кажущейся обоснованности, вызывают больше вопросов, чем ответов. Культ солнца, действительно, присущ большинству индоевропейских народов, включая индоиранцев. Но согласно Геродоту (V в. до н.э.) в пантеоне скифов божества по имени Хорс не было. Не знали скифы и культа Симаргла, хотя предметы с его изображениями, сделанные в Персии, иногда встречаются в скифских могильниках. Тоже самое можно сказать и о Стрибоге, неизвестном скифскому пантеону, описанному Геродотом: «Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего – Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них – Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити (Ταβίτι), Зевс (и, по-моему, совершенно правильно) – Папей (Παπατος), Гея – Апи (Ἄπι), Аполлон – Гойтосир (Γοιτόσιρος, вариант Οἰτόσιρος), Афродита Небесная – Аргимпаса

(Ἄρτιπτασα), Посейдон – Фагимасад (Θαυμασάδας)» (Hist. IV.59; Геродот 1972: 201).

О языческом пантеоне сарматов и алан известно намного меньше. Д.С. Раевский по этому поводу пишет: «Краткие указания древних авторов в сочетании с особенностями погребального ритуала позволяют считать, что сарматы, как и скифы, выше всего почитали огонь. Аммиан Марцеллин (XXXI 2, 21) сообщает об аланах, одном из сильнейших и наиболее долго фигурировавших на исторической арене сарматских племён, что они поклоняются Марсу в облике меча, который вонзают в землю... В эпоху тесных контактов сарматов с античными колониями Причерноморья, прежде всего с Боспорским царством, сюжетные изображения в сарматской культуре встречаются чаще. Они отражают сложившиеся здесь синкретические верования, но стоящая за этими верованиями мифологическая система, нашедшая отражение в этих памятниках, на данном этапе не может ещё быть охарактеризована более или менее полно» (Раевский 1995: 445-450).

На основании свидетельств античных и средневековых авторов признается лишь, что как и у скифов, у сарматов и алан было семибожие (Абаев 1962: 445-450), и что помимо меча и огня они поклонялись солнцу (Абаев 1960: 5-7). Вся остальная реконструкция языческого пантеона сарматов и алан делается по аналогии с пантеоном скифов и на основании христианских культов у осетин (Абаев 1960: 5-7). Но и в этой реконструкции имена Хорса, Смаргла, Стрибога и Дажьбога не фигурируют. Поэтому предположения исследователей о том, что иранские божества были восприняты славянами от скифов или сармато-алан в промежутке между II-IV вв. н.э., то есть в период когда «в степной и лесостепной полосе от Трансильвании, Олта и левобережья Нижнего Подунавья до Сейма и верховьев Северского Донца сложилась и функционировала черняховская археологическая культура», «весомой составляющей», которой, по мнению М.А. Васильева, были славяне, а точнее – анты (Васильев 1998), требует куда более веских обоснований. Особенно если учесть, что черняховская культура была полиэтнична и включала в себя, помимо славян и иранцев также германцев, дако-гетские племена и ряд других народов, а доминировали среди её носителей, по мнению большинства современных исследователей, готы. В связи с чем, возникает вопрос: почему славянское население черняховской культуры усвоило иранские божества (Хорса, Смаргла и, возможно, Стрибога), но не усвоило германские? Или, быть может, процесс восприятия иранских богов произошел несколько позже, в период существования пеньковской культуры, которую соотносят с антами, или еще позже, в период существования волынцевской и роменской культур, также испытавших значительное влияние сармато-аланских племён, в первую очередь, алан салтовской культуры?

Как бы там ни было, именно сармато-аланское *xürs/*xors в значении «солнце», по мнению М.А. Васильева «лингвистически безупречно соответствует» древнерусскому Хърсь/Хурсь (Васильев 1998: 9-96). Аналогичная ситуация складывается и с Смарглом.

Как показал В.И. Абаев «огласовка а в слове *maru* 'птица' характерна именно для скифо-осетинского, тогда как в персидском и почти во всех других иранских языках мы имеем только гласный *u* (*maru*)» (Абаев 1965: 116). Проблема заключается в другом: если о культе солнца у иранцев, включая сармато-алан, сохранились письменные свидетельства со времен Геродота и вплоть до принятия аланами христианства, то о наличии культа Смаргла у сарматских племён практически ничего неизвестно. Тот же М.А. Васильев, в частности, пишет: «Ни в одном из дошедших до нас источников по религии скифов и сармато-алан "Смаргл" не фигурирует, не отмечен он у потомков этих племён осетин, т.е. в нашем распоряжении не имеется прямых свидетельств о его значимости, функциях и облике в верованиях иранских племён Восточной Европы». Соответственно, все рассуждения исследователя о том, что Смаргл был заимствован славянами у сармато-алан еще в черняховское время носят исключительно умозрительный характер. Не менее умозрительным выглядит и предположение историка о том, что «лишь фиксация на Руси теонима Семаргль с восточноиранской огласовкой слова "птица" дает основания думать о его бытовании в мифологии данной части иранцев» (Васильев 2000).

Возможно, решение загадки появления Смаргла в пантеоне Руси лежит несколько в иной плоскости. Популярность Сэнмурва-Симурга в Персии, особенно в сасанидский (III-VII вв.) и пост сасанидский период была невероятно высока. Его изображения с меняющейся иконографией присутствуют на иранских тканях, посуде, украшениях и даже стали династическим символом Сасанидов. Предметы, включая кафтаны с изображением Симурга обнаружены и в погребениях кавказских алан. Факт говорящий, как минимум, о популярности этого персидского персонажа у местного населения. В связи с этим нет оснований исключать и популярность Симурга у населения СМК.

Близкой точки зрения на время и причины вхождения Хорса и Смаргла в древнерусский пантеон придерживается и В.Я. Петрухин. По его версии, в заимствовании славянами иранских богов «нет ничего удивительного – иранский этнокультурный компонент был достаточно силен если не в самом Киеве, то в Северной земле, само название которой, очевидно, имеет "иранское" происхождение, и в салтовской – хазарской культуре, непосредственно влиявшей на развитие Русской земли в Среднем Поднепровье, с которой хазары некогда брали дань. Включение в древнерусский пантеон иранских (славяно-иранских) божеств связано с этим воздействием и, не в последнюю очередь, с хазарским наследием» (Петрухин 2004: 249). На наш взгляд, Хазарское наследие тут более чем спорно, а вот наследие аланского Русского каганата в самый раз. С единственной оговоркой: Хорс (Xors), Смаргл (Simarg) и Стрибог (Sribaga)¹² могли быть усвоены восточными славянами как непосредственно от населения салтовской культу-

12 На возможное иранское происхождение Стрибога указывал М. Фасмер: «Вероятно, заимств. из др.-ир. *Sribaga- "возвышенный бог", ср. гефталитск. Sribaga» (Фасмер III: 777).

ры, так и через его посредство из иранской и персидской мифологии и культуры.

Поиск прямых, то есть буквальных филологических и функциональных аналогов и параллелей божествам древнерусского пантеона как на иранской, так и на любой другой почве малоперспективен. Ассимилируя иранцев и впитывая в себя элементы их быта, культуры, религии славяне, скорее всего, вряд ли до конца понимали и воспринимали их функции и свойства. Поэтому они наделяли чужих богов, в том числе по созвучию, близкой своему собственному пониманию и представлению божественной природой. Так, вероятно, изначально иранский *Sribaga* («прекрасный, возвышенный Бог») по созвучию у славян становится воплощением пространства, стихии, повелителем ветров, Стрибогом, в имени которого слышится славянское *sterti* («распространять, простирать»). Иранская Ардвиг Сура Анахита («Влажная, Сильная, Незапятнанная»), божество воды, плодородия, мудрости и медицины у славян превращается в Мокошь – богиню судьбы, удачи, плодородия и благоденствия. Возможно, сходные процессы происходили и с Дажьбогом, имя, которого исследователями интерпретируется как «дающий счастье, благосостояние» (Фасмер I: 482).

Есть здесь и другой существенный момент: считается что само слово «бог» славянами заимствовано из индоиранских языков, где санскритское *bhaga* и иранское *bağa* означает как «доля», так и «податель благ». То есть, в случае с Дажьбогом получается своеобразная тавтология, с одной стороны дажь («дающий, одаривающий, хороший»), с другой – бог («податель, надельитель благ»), что несколько странно, особенно если учесть соседство с Дажьбогом Стрибога, наделенного примерно такими же функциями. Вместе с тем близость, если не сказать, тождество Дажьбога и Хорса-Солнца, заставляет вспомнить о другом предлагаемом некоторыми лингвистами и историками (Ф.Е. Корш, А.Л. Погодин, А.С. Фаминцын, Л. Нидерле, Л.С. Клейн) прочтении первой части имени Дажьбога, восходящей, возможно, к индоевропейскому корню *dağh* в значении «гореть, свет, день» (санск. *dagh* «гореть», готск. *dags*, нем. *tag* «день», лит. *dāgas* «пожар»). В этом случае все становится на свои места: Хорс – это божество собственно Солнца или солнечного диска, сияющего в небесах, а Дажьбог – его земная ипостась в виде огня, тепла, света. По сообщению как восточных, так и западных источников славяне как и русы были не только солнцеземными, но и огнепоклонниками. При отсутствии в пантеоне князя Владимира божества огня, что весьма странно, можно предположить, что Дажьбог и есть славяно-русское божество огня как небесного, так и земного, с весьма широкими функциями.

Теперь сравним языческий пантеон князя Владимира с древнеперсидским, в то виде, в каком он описан у Геродота: «Зевсу они обычно приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом. Совершают они жертвоприношения также солнцу, луне, огню, воде и ветрам» (Hist. I.131; Геродот 1972: 54). Если представить, что древнерусский Перун – это Зевс, божество Небесного свода, повелитель молний и, по совместительству, войны, то тогда Хорс, как было показано

выше – Солнце; Дажьбог – огонь; Стрибог – повелитель пространства и ветров; Мокошь олицетворение воды и плодородия. Остается Смаргл. Мог ли он в пантеоне Владимира как-то быть связан с луной? Мог. В персидской мифологии Симург не только многолик, но и функционально многогранен. Здесь и связь с охраной семян и посевов, т.е. с земледельческим культом, который, в свою очередь, связан с Луной. И связь с потусторонним миром, куда, по преданиям, Симург относит душу человека после его смерти. Помимо этого, в иранской мифологии Симург обладал функцией покровителя как отдельно взятого человека, так и целого коллектива. Возможно, что и у иранцев и у русов культ Симурга имел двойной, экзотерический и эзотерический смысл. Для простого населения, Симург-Смаргл – божество связанное с земледельческими культурами и смертью, изображавшееся в виде собаки-птицы, для власть имущих – покровитель и охранитель клана и рода имевший вид как собаки-птицы, так и гигантского орла. В связи с чем, не лишним было бы вспомнить о том, что родовой знак Владимира в ходе нескольких геральдических реформ трансформировался из отцовского двузубца в трезубец, в котором многие исследователи видят пикирующего сокола.

Подведём итог. Полностью не отрицая возможность более раннего, со скифских или с черняховских времен, усвоения славянами иранских богов, нашедших свое отражение в пантеоне князя Владимира, все-таки есть основания полагать, что Хорс, Смаргл и, возможно, Стрибог, вошли в пантеон восточных славян лишь в IX-X вв., в результате контактов с аланами – носителями СМК, либо после гибели созданного ими Русского каганата и смешения со славянами левобережья и правобережья Днепра. Косвенно в пользу данного предположения говорит находка на городище Супруты подвески со стилизованным изображением персидского Сэнмурва (поясная бляшка с аналогичным изображением была найдена на Северном Кавказе), от которого, как считается, ведет свое происхождение древнерусский Смаргл. В.В. Мурашова полагает, что «несмотря на отсутствие точных аналогий, общая морфология изделия, наличие петли с подвешенным кольцом, прекрасно и безошибочно проработанное изображение мифологического персонажа – указывают на “восток”, скорее всего, на территорию салтово-маяцкой культурной общности как на место изготовления изделия» (Мурашова 2020: 148).

Ибн Русте, передавая «Анонимную записку», сообщает о жреческом сословии у русов, игравшем важную роль в их жизни: «У них – знахари, они господствуют над их царем, подобно хозяевам, они приказывают им приносить в жертву создателю то, что они пожелают из женщин, мужчин, табунов лошадей; если прикажут знахари, никому не избежать совершения их приказа: захватывает знахарь то ли человека, то ли домашнее животное, набрасывает веревку на шею и вешает на дерево, пока не утечет дух его; они говорят, что это жертва богу» (Заходер 1967: 96).

Д.Т. Березовец по этому поводу заметил: «Мы знаем, что среди всех древних религий в первую очередь жре-

цы и маги, наследники Зороастра, пользовались особой властью. Они не только следили за вечным огнем, но и играли очень большую роль в жизни общества, даже творили суд» (Березовец 1970: 70).

Только в иранском и славянском производное от *deywos стало именем нарицательным с общим значением «бес» и возникло противопоставление ир. baγa-/daēva-, сл. богъ/дивъ. Поскольку такое противопоставление в иранском мире стало следствием религиозной реформы Зороастра, можно предположить, что эта реформа сказалась и на северных иранцах, не ставших зороастрийцами как таковыми, а через них и на славянах.

В этой связи очень интересно наблюдение Д.Т. Березовца о связи погребальной обрядности части салтовских аланов с зороастрийскими верованиями: «Среди салтовских захоронений могильник, находящийся напротив Верхнего Салтова, особенный – в нем отсутствуют костяки, которые лежали бы в анатомическом порядке и полностью отсутствуют погребения детей. Обряд этого могильника вполне совпадает с захоронениями огнепоклонников – зороастрийцев, религии, достаточно распространенной в Персии и на Северном Кавказе. Последователи Зороастра считают, что захоронения людей в землю оскверняют ее, и чтобы избежать этого, умершего клали на поверхность земли и лишь после того, как тело истлевет, или объедается птицами или животными, остатки закапывали в землю, в большинстве случаев кости. Вполне естественно, что от тел детей ничего не оставалось, поэтому в могильнике и нет детских погребений» (Березовец 1970: 70).

Параллель обряду жертвоприношения русов путем удушения и повешения жертвенного животного или человека, описанному Ибн Русте, находим у Геродота в описании обряда жертвоприношения у скифов (Hist. IV.60; Геродот 1972: 201).

Продолжая разговор о религии русов, коснёмся вопроса о Христианстве. Рассказывая о путях купцов-русов Ибн Хордадбех (писал в 40-80-е гг. IX в.) отмечает, что прибывая в Багдад те говорят, что «христиане и платят подушную подать (джизью)» (Ибн Хордадбех 1986: 124), то есть налог, взимаемый с иноверцев (христиан и иудеев) за оказываемое арабскими властями покровительство¹³.

Кем были эти русы, знакомые с Христианством и где находилась их страна? Есть свидетельства византийских авторов о том, что некая Русь приняла Христианство между 861-867 гг. (при патриархе Фотии; в более поздних источниках это событие отнесено к периоду патриаршества Игнатия, то есть между 867-877 гг.). Согласно повествованию самого Фотия в его «Окружном послании», эта Русь приняла у себя «епископа и пастыря» (Кузенков 2003: 75), а по рассказу Константина Багрянородного, архиепископа, который был «благодарно принят народом» (Кузенков 2003: 127). На удивление, древнерусские источники о столь важных и значимых событиях в истории Руси ничего не говорят. Возможно потому, что ничего о них не знают или к Киевской Руси эти события отношения не имеют. Учитывая полное

13 В противном случае, будучи язычниками, они платили бы существенно более высокую подать.

молчание древнерусских источников о крещении Руси в IX в. (а ведь именно утверждение в Русской земле Христианства было приоритетной темой для летописцев), рядом историков, особенно историков Церкви, над которыми меньше довлеют традиционные историографические стереотипы, был сделан вывод, что речь тут должна идти о какой-то «другой» Руси.

Не находит следов христианства в Среднем Поднепровье в IX в. и археология (Петрухин 1995: 219-220), а без этого все рассуждения о том, что именно в Киеве находилась Русская митрополия, упомянутая в списке епархий Константинопольского патриархата, относящегося ко времени правления Льва VI Мудрого (886-912), под номером 61 (Рапов 1998: 119), не имеют почвы¹⁴.

Не лучше ситуация складывается и на северо-западе Восточной Европы. Стремясь отыскать следы христианства в Ладого А.Е. Мусин причисляет к ним «археологические комплексы, содержащие погребения по обряду ингумации, и первые находки христианских древностей», к которым он относит «фризские кувшины, происходящие из Северной Европы и связываемые с миссией святого Ансгария, епископа Гамбургского (830-850 гг.)» (Мусин 2000). Согласиться с данной точкой зрения не позволяет уже то, что «фризские кувшины», о которых пишет Мусин «представлены двумя экземплярами из погребения по обряду кремации кургана № 7 в могильнике Плакун в Старой Ладого, датированного второй половиной IX в.» (Мусин 2000). Едва ли кремацию можно причислить к христианскому погребальному обряду, даже если в ней найдены сосуды специфической формы имеющие «литургическое назначение». Не меньше вопросов в плане принадлежности к христианскому погребальному обряду вызывает и ладожское погребение в кургане № 11, о котором уже упоминалось выше. Иных свидетельств присутствия христиан среди населения Ладого и на Рюриковом городище в интересующий нас период у исследователей нет.

Начиная с 30-х гг. IX в. императорами франков предпринималась попытка обратить в христианство население Швеции. С этой целью в 829 г. в Бирку был отправлен монах Ансгар, миссия которого довольно подробно освещена современниками. Относительно её итогов И. Андерссон утверждает, что начавшаяся успешно миссия провалилась: после отъезда Ансгара из Бирки в 831 г. «одного миссионера изгнали из города, другого убили, третий же, бывший раньше миссионером – отшельником, снова остался в одиночестве, после того как умерли последние из немногочисленных членов христианской общины в Бирке» (Андерссон 1951: 45). Все это заставило Ансгара в 853 г. снова вернуться в Швецию и продолжить миссионерскую деятельность, которая была еще менее успешна: «Старания Ансгара ввести

14 Весьма примечательно тут и то, что в погребениях Руси X в., т.е. в период, когда и византийские и древнерусские источники говорили о русах преимущественно как о язычниках, предметы христианского культа находят, а в ряде случаев и сам погребальный обряд руси этого времени соответствуют христианским канонам, пусть и с элементами языческих культов (Петрухин 1995: 221-227). Но ничего похожего не наблюдается в археологических слоях соответствующих периоду, когда согласно византийским источникам существовала Русская епархия (Петрухин 1995: 219-220).

в Швеции христианство в то время не могли увенчаться успехом, ибо Швеция была тогда мало заинтересована в связях со странами, лежащими к югу от нее. Она была связана главным образом со странами, расположенными на востоке и юго-востоке. Таким образом, миссия Ансгара осталась в истории Швеции эпизодом, достойным упоминания прежде всего потому, что в его биографии как-то освещается жизнь крупного торгового центра в долине Меларн в IX в.» (Андерссон 1951: 46).

Гипотетически можно предположить, что некоторые выходцы из шведской Бирки приходившие в Восточную Европу, и возможно даже, добравшиеся до Багдада, могли исповедовать Христианство, но вероятность этого крайне низка, да и доказать это практически невозможно. Столь же невелика вероятность проживания русов-христиан на мерянском Сарском городище или на территории волынцевской культуры, куда помещал Русский каганат В.В. Седов.

Теперь давайте посмотрим, как обстояло дело с распространением христианства на территории СМК. Вопрос этот тем интереснее, что, как справедливо заметил П.В. Кузенков «едва ли ведение дипломатических переговоров с Византийской империей и назначение епископа, тем более архиепископа, могли бы иметь место в отношении некоей незначительной группы руси; и то и другое указывает на то, что Византия имела дело с достаточно мощным политическим образованием: ведь даже могущественный болгарский князь далеко не сразу добился назначения архиепископа для своей страны» (Кузенков 2003: 82). СМК намного лучше соответствовала понятию «достаточно мощное политическое образование» в сравнении с Ладогой или Киевом середины – второй половины IX в., причем по всем показателям, включая экономическое развитие, численность населения и его высокую милитаризацию. По оценке А.А. Тортики военный потенциал населения СМК составлял от 5 до 15 тыс. человек (Тортика 2007: 267-273).

О том, что русы, совершившие в 860 г. поход на Константинополь, а затем принявшие крещение, были именно русами, которыми правил хакан, удостоверяет источник, который исследователи часто не учитывают в силу его формально позднего происхождения (ср.: Сахаров 1980: 48-58). Речь идет о сохранившейся в древнерусском переводе «Молитве по акафисте и каноне к Пресвятой Богородице» константинопольского патриарха Филофея Кокина (1353-1376, с перерывом), где он, вспоминая поход русов 860 г. и характеризуя помощь Богородины, которая согласно византийской традиции спасла город, указывает, что Она «спасла еси царствующий град от скифского воеводы, свирепого вопреку онаго прегордаго кагана» (Акафисты различны. Почаев, 1776. С. 20).

В.В. Кожин справедливо отмечает, что «текст убеждает, что патриарх Филофей основывался на неизвестном нам источнике, относящемся ко времени самого этого столь давнего события. Ведь в XIV в. никто уже не помнил о “кагане” и не мог называть русских “скифами”, а их предводителя – “воеводой” этого самого “кагана”... “реалии” Филофеевой молитвы ясно говорят

о том, что ее сведения восходят к источнику пятисотлетней давности», а сама молитва могла быть составлена «в 1360 г., то есть к 500-летней годовщине нападения Руси на Константинополь» (Кожин 2001: 224).

По мнению ряда исследователей, в том числе и специалистов по церковной истории, Русская епархия могла находиться на Дону. Об этом в свое время писал иеродиакон Никон (Лысенко) (Никон 1989: 27-40).

Разбирая сюжеты, изложенные в Житиях Кирилла и Мефодия, и посвященные хазарской миссии солунских братьев, Никон обратил внимание на несколько довольно противоречивых моментов изложения, и, развивая наблюдения В.И. Ламанского и некоторых других ученых, сделал вывод, что на самом деле в первоисточнике речь шла о миссии к русам, возглавляемым каганом, которого более поздние редакторы, не понимавшие о чем идет речь, заменили на кагана хазарского.

Сомнение у исследователя вызвало уже то, что по итогам диспута, длившегося несколько дней, Кирилл «ниспроверг наземь всю гордыню» своих противников, иудейских книжников, и изблещил ложность магометанского вероучения», а «хазары, убедившись в истинности христианской веры, сказали: “Не враги мы себе, и так повелеваем, что с этого дня понемногу, кто может, пусть крестится по воле, если пожелает. А тот из вас, кто на запад кланяется или еврейские молитвы читает, или держится веры сарацинской, скоро смерть от нас примет”» (Никон 1989: 32). Тут, действительно, есть чему удивляться, ведь для историков давно не секрет, что еще в начале IX в. хазарская аристократия приняла иудаизм, ставший государственной религией Хазарского каганата (Артамонов 1962: 262-282) и поэтому нет никаких оснований предполагать, что в 861 г. хазарский каган мог затеять подобный диспут, недвусмысленно указывающий на его колебания в вере.

Столь же невероятным и мало правдоподобным иеродиакону представляется и письмо, согласно Житиям, написанное правителем хазар византийскому императору, в котором говорится, что каган и его подданные «друзья и приятели твоего царства и готовы (идти) на службу твою, куда захочешь» (Никон 1989: 32). Даже с учетом того, что в IX в. византийско-хазарские отношения были относительно добрососедскими, и греки в 830-х гг. построили для хазар крепость Саркел, говорить о готовности хазарского кагана служить византийскому императору все же не приходится. Зато эти слова точно соответствуют пассажи из «Окружного послания» Фотия, согласно которому русы, приняв крещение «сами себя охотно поставили в ряд подданных и гостеприимцев вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас» (Кузенков 2003: 75).

Не меньше вопросов вызывает и сообщение Жития, указывающее на то, что Кирилл попросил Мефодия сопровождать его в поездке к хазарам потому, что последний хорошо знал славянский язык, ведь, как известно, хазары по-славянски не говорили. Считается, что в то время элита Хазарского каганата изъяснялась и писала на древнееврейском языке, остальные же подданные кагана разговаривали на западных диалектах тюркских языков близких к болгарскому. Зачем Кирилл

лу понадобилось знание Мефодием славянского языка в Хазарии, так и останется загадкой, если только не обратит внимание на другое сообщение Жития. В пергаментном Прологе Спасо-Прилуцкого монастыря, в кратком Житии святого Мефодия, он именуется «учителем русским».

На основании этих фактов иеродиакон Никон приходит к выводу: если признать, что редактор мораво-паннонского жития допустил ошибку «назвав россов хазарами, а их правителя – “рус-кагана” – принял за верховного правителя Хазарии, то история миссии святых Кирилла и Мефодия 860-862 гг. предстает в новом свете» (Никон 1989: 36).

Резоны в данном предположении есть уже потому, что самые ранние из известных списков Жития Мефодия относятся лишь к XII-XIII вв., а Жития Кирилла к XIV-XV вв. К тому же специалистами давно подмечены разночтения в Житиях, позволяющие предполагать, что в первоначальном виде Жития Кирилла и Мефодия написанные около 880 г. отличались от дошедших до нашего времени текстов, а значит, поздние переписчики вполне могли и изменить некоторые непонятные им детали, расходящиеся с их представлениями о рассматриваемом нами периоде.

Но вернемся к работе иеродиакона: «После неудачи похода 860 г. на Константинополь, – пишет Никон – пораженные чудом, происшедшим на их глазах, россы, добравшись до своих опорных баз в Крыму или в районе Ахиллесова бега, направляют к византийцам посольство с просьбой “сделать их участниками в святом крещении”. Это, зафиксированное в византийских летописях как посольство “россов, живущих у Северного Тавра”, в славянском тексте Жития святого Кирилла фигурирует как хазарское. Возможно, оно и было состоящим как из славян, так и из хазар, стремившихся урегулировать отношения с империей после набега россов... О том, какие именно местности Хазарии посетила миссия святого Кирилла после прибытия в Крым, можно строить только гипотезы. Очевидно, что если она и добралась до Семендера, ставки кагана, и богословский диспут действительно происходил в этом городе, то все же решение хазарского кагана оказывать покровительство христианам и запретить иудейское и мусульманское исповедания, а также высказанное им выражение вассальной преданности византийскому императору совершенно невероятны. Согласно Житию святого Кирилла, каган отпускает на родину 200 греческих пленников, однако, как известно, Византия и Хазария никогда не находились в состоянии войны, поэтому наличие греческих пленников в Семендере, на берегу Каспийского моря, представляется также маловероятным. Гораздо более вероятно представить, что все это было совершенно не великим хазарским каганом в его столице, а “рус-каганом”, т.е. князем воинственных россов, где-нибудь на берегах Дона, что на месте хазар были россы, которые несколько месяцев назад совершили отчаянный налет на Константинополь, захватив много добычи и пленников, а теперь, убежденные в том, что “дал Бог власть над народами христианскому кесарю и самую лучшую веру из всех”, были готовы прогнать и иу-

дейских, и мусульманских проповедников, отпустить пленников и предложить Византии свои услуги в качестве наемного войска. Совершенно то же самое говорит патриарх Фотий в своем Окружном послании 867 г. о россах, которые, быв прежде врагами империи, ныне, приняв крещение, “поставили себя в чине подданных и друзей наших”. Исходя из всего этого, можно предположить, что описание спора святого Кирилла с иудеями при дворе хазарского кагана, содержащееся в X главе Жития, и описание спора Кирилла уже только с одними хазарами, происходившего якобы на другой день и помещенного в XI главе, представляют собой соединение рассказов о событиях, происходивших в разных местах и в разное время. Известно, что автор Жития пользовался в качестве источника отчетами самого святого Кирилла о его миссии, и нет ничего невероятного в том, что редактор мог сознательно или в результате ошибки составить из двух отчетов – одного об обращении россов в христианство и другого о богословском диспуте при дворе кагана в Семендере – одно повествование» (Никон 1989: 36-37).

Вслед за Д.Л. Талисом иеродиакон Никон обращает внимание на средневековые крымские топонимы, указывающие на присутствие здесь росов или русов. В частности, на ряде каталонских и итальянских карт XIII в. Дон именуется Fiume Rossa, а на его левом берегу обозначена якорная стоянка casale de li Rossi, которую Никон отождествляет со средневековым поселением найденным археологами возле хутора Рогожкино. Не исключает исследователь, что именно это поселение под именем Русия было известно арабам в IX-X вв., а как Росия (Ρωσία) упоминается в византийских хрисовулах XII в. Обращает внимание Никон еще и на то, что среди археологического материала, найденного на могильнике поселения, встречаются нательные кресты византийского типа, которые могут быть датированы IX в., т.е. тем самым периодом, когда Фотием (или Игнатием) была крещена Русь. Другое, не менее важное доказательство донской, или шире, приазовско-причерноморской локализации руси Д.Л. Талис и иеродиакон Никон видят в наличии топонимов с корнем «рос» в Крыму. Действительно, на все тех же итальянских картах XIII в. западное побережье полуострова, ныне известное как Тендерская коса, именуется Rossa. Весьма символично то, что в античный период эта коса называлась Ахилловым берегом (Αχιλλειοζ δρομοζ) и именно ее византийские географы и историки IX-X вв. считали «родиной тавроскифов, к числу которых они относили народ “росс”, именуемый также “росс-дромиты”» (Никон 1989: 34). Юго-западнее Тендерской косы, на Тарханкутском полуострове, итальянские карты помещают Rossofar (Rosofar, Roxofar), т.е. «росский маяк», а местность южнее Евпаторийского (Майнакского) озера носила название Rossosa. Самое удивительное, что в ходе археологических изысканий на Тарханкутском полуострове, у села Окуневка, действительно, было раскопано массивное каменное сооружение, во времена оны служившее маяком. И это, как нельзя лучше, указывает на развитое мореходство обитателей соседнего с маяком раннесредневекового поселения. Правда, вопреки

чаяниям Никона, следов славян в Крыму IX в. не обнаружено. Керамика, хозяйственные и жилые постройки, тип поселений в местах, где отмечены топонимы с корнем «рос», указывают на этническую общность жившего здесь населения с алано-болгарами СМК Подонья и Приазовья. Никакого другого этнически определенно-го материала раннесредневековые поселения степного и предгорного Крыма не содержат. Все это позволило Д.Л. Талису поддержать «концепцию Д.Т. Березовца о полной или частичной идентификации носителей салтовской культуры с русами у арабских географов» (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99), что снова возвращает нас к проблеме Русского каганата и его локализации в Подонье.

Но в таком случае причем тут славяне и зачем Кириллу понадобилось приглашать для поездки в Хазарию Мефодия, знавшего славянский язык, если создали салтовскую культуру аланы? Частично на этот вопрос дает ответ сообщение Ибн Хордадбега о том, что русы – это вид славян (ас-сакалиба) и для своих торговых операций на Востоке они опускаются по Танаису-Дону. Вряд ли Кирилл и Мефодий владели аланским или тюркским языком, а славяне, знавшие язык (или языки) своих соседей-салтовцев могли выступить в качестве переводчиков или посредников.

Разумеется, построения иеродиакона Никона, основанные на интерпретации «Житий» Кирилла и Мефодия, являются лишь версией. Безотносительно к ним ключевым для гипотезы о том, что при Фотии (или Игнантии) приняла крещение именно аланская «донская» Русь, является вопрос: существуют ли материальные подтверждения исповедования Христианства на территории СМК?

Вопреки утверждениям археологов, относящих СМК к государственной культуре Хазарского каганата, на салтовских памятниках «пока не найдено ни одного предмета иудейского культа» (Аксёнов 2013: 15). Иначе обстоит дело с фиксируемыми археологически следами распространения Христианства. По словам В.С. Аксёнова «вытянутое положение женских костячков, учитывая присутствие среди погребального инвентаря женщин и детей Верхне-Салтовского могильника символов христианской веры, вероятно, следует объяснять влиянием христианства на погребальный обряд аланского населения данной общины. Немногочисленные находки символов христианской веры в захоронениях Верхнего Салтова этому не противоречат, ибо в эпоху раннего средневековья крест не все индивиды носили в повседневном костюме и не всегда клали крест в погребения. Поэтому крест из катакомбы № 99, как и другие крестовидные подвески из салтовских захоронений Подонья, следует рассматривать как свидетельство распространения христианства среди части аланского населения Северо-Западной Хазарии» (Аксёнов 2010: 363). При этом, считает археолог «как и в древнерусском обществе IX-X вв., христианская религия, по-видимому, получила первоначальное распространение среди социальной и воинской верхушки аланского общества Подонцовья» (Аксёнов 2010: 363). Но не только среди социальной верхушки, ибо в следующей своей работе

археолог вполне допускает знакомство с христианской религией и «рядового салтово-маяцкого населения бассейна Северского Донца во второй половине VIII-IX вв.» (Аксёнов 2013: 19), что для нас принципиально важно, поскольку наилучшим образом характеризует степень проникновения Христианства в салтовскую среду.

Находки погребений выполненных с соблюдением христианских традиций, а тем более культовых предметов, таких как нательные кресты, служат наилучшим доказательством обращения в Христианство какой-то части населения салтовской культуры. Имеются и христианские культовые сооружения и храмы, построенные в IX в. и даже в VIII в. на Среднем Дону, имеющие непосредственное отношение к салтовцам. Речь идет о Маяцком городище, точнее его подземных святынях (Большие и Малые Дивы), которые еще А.А. Спицын рассматривал как «"монастырек-погост", обслуживавший в качестве погребального христианского центра значительную округу», куда православные аланы и болгары «свозили для погребения... членов своих семей и общин» (Шевченко 2011: 276).

Есть, таким образом, некоторые основания считать Маяцкое городище с прилегающей к нему белокаменной крепостью наиболее подходящим местом для локализации религиозного центра Росской епархии. Особенно если учесть использование населением крепости соответствующих имен, что подтверждается обнаруженной в 1981 г. С.А. Плетнёвой надписью с именем «Иоанн» на одном из каменных блоков цитадели.

При этом Маяцкое городище – не единственное место в Подонье и Подонцовье, где обнаружены христианские культовые сооружения IX в. Ю.Ю. Шевченко, в частности, указывает на возможную связь с салтовской культурой и пещерного монастыря в Холках, где «могильник находится внутри крепостных укреплений городища, как это бывает только на погостах храмов внутри монастырских стен (укреплений). А погребения, сгруппированные на восточном мысу городища, – это ориентированные по оси восток-запад костяки – останки, положенные по требованиям христианского погребального обряда» (Шевченко 2011: 277).

История Холковского пещерного комплекса, по версии исследователя, своими корнями уходит еще в VII в., когда «под холмом была вырыта пещера, построенная по типу "анахоретских галерей-келий", схожих с более поздними киевскими, но возникших не позднее VII в.» (Шевченко 2011: 277). В VIII-IX вв. неподалеку от пещеры, расположилось селище салтово-маяцкой культуры и видимо в это же время «из кельи основателя пещерного скита высекается храм, где лежанка инока-основателя становится престолом, а планиметрия подземной Холковской церкви с колонами-останцами строится по образцу прямоугольно спланированных ближневосточных пещерных святынь типа "Гробниц Синедры"» (Шевченко 2011: 278).

На территории Подонья и Подонцовья известны и другие места, где в рассматриваемый нами период проживали христианские общины и где исследованы раннесредневековые пещерные комплексы, имеющие ранние литургические устройства. И хотя многие из них

напрямую не связаны с населением салтовской культуры, принципиально другое: Христианство, проникая на Дон и Северский Донец в VII-VIII вв., тем самым создало предпосылки для крещения русов Русского каганата задолго до их похода на Константинополь в 860 г. Набег лишь стал катализатором ускорившим процесс обращения в Христианство части дружины и знати.

Как видим, основания, в том числе и археологические, связывать «Фотиево крещение Руси» с Подоньем и Подонцовьем имеются. Показательно и то, что в списке епархий Константинопольского патриархата Русская митрополия соседствует с Аланской. Оснований помещать напавшую на Константинополь в 860 г., а затем крестившуюся Русь в Подонье и Подонцовье существенно больше, чем оснований помещать ее в Киев или в Ладогу. Ни одна из других предложенных исследователями версий локализации «каганата росов» не обладает аналогичной системой доказательств.

В настоящее время существует несколько версий переселения алан с Северного Кавказа на Дон: аланы бежали от хазар, проводивших агрессивную политику в Северном Предкавказье; аланы ушли из родных мест, спасаясь от угрозы арабских нападений; аланы были вытеснены из Кисловодской котловины болгарами; аланы были переселены хазарами специально для несения пограничной службы на границе со славянами; переселение произошло в результате внутренних процессов развития аланского общества; часть населения Северокавказской Алании, происходившая, вероятно, из Кисловодской котловины, ушла, спасаясь от эпидемии чумы и т.д. (Тортика 2006: 203).

Следует учесть и ещё одно существенное обстоятельство – контроль над древним торговым путем по реке Дон. Под контролем мы в данном случае подразумеваем не только взимание пошлин, но и создание инфраструктур способствующих перемещению купцов и караванов, что в полной мере находит подтверждение на примере салтовских городищ, которые соединял не только речной путь, но и сухопутный: исследователи отмечают, что расстояние между салтовскими городищами обычно не превышало 15-25 км., что равно одному дневному переходу торгового каравана. Так же салтовские городища соединяли проселочные дороги, шедшие вдоль рек (Винников, Плетнёва 1998).

В целом же причиной переселения алан и других жителей Северного Кавказа в Подонье и Подонцовье могла послужить комбинация ряда перечисленных выше факторов. Как бы там, ни было, аланы, а также болгары, адыги и представители ряда других причерноморских племён ближе к середине VIII в. оказались в Подонье и Подонцовье. Вероятно, правящими среди массы переселенцев были рухс-асы («светлые, блистающие асы» в смысле «правящие»), которых под именем «рохоуасков» фиксирует в Верхнем Подонье «Орозий» короля Альфреда (Матузова 1979: 23), представители той части аланского населения Кавказа о которой Ибн Русте писал, что им принадлежит почет и царство и которых Г.В. Вернадский, Д.Т. Березовец, Е.С. Галкина и другие исследователи отождествляют с русами.

Рухс-асы (или их часть) могли как сами бежать с Кавказа, спасаясь и от арабов, и от хазар, так их могли и вынудить уйти в Подонье и Подонцовье хазары, тем самым стремясь ослабить сепаратистские настроения у аланского населения Кавказа. В Подонье пришли те, кто имел навыки не только сельского хозяйства, но и строительства, кузнечного дела, и, по всей видимости, – управления.

Д.Т. Березовец полагал, что «название русы, как и названия скифы, сарматы, венеды и т.д. является собирательным. Это название первоначально было свойственно лишь какой-то группе аланского населения, которое жило где-то в западной части северного Кавказа, возможно вблизи Таманского полуострова. Под давлением арабских завоеваний начала VIII в. это население отошло в район бассейна Дона и принесло с собой свое имя, которое стало присуще значительной части населения салтовской культуры. Рядом с именем “русy”, видимо, остались и названия местного населения – аланы, болгары, гузы и т.д. Так, например, народ, известный под названием зихи, называл себя садзуа. Так было, вероятно, и с другими этническими группами. Из-за того, что имя “русy” было собирательным, а для времени после X в. оно могло смешиваться с аналогичным именем среднеднепровского населения, возникают значительные осложнения при попытке определить, к какой именно группе населения мусульманские авторы относят это имя» (Березовец 1970: 69).

Известия о русах можно разделить на две хронологические группы. Известия первой группы (с VI по конец IX в.) по нашему мнению описывают североиранский народ, близкий к аланам (в иранском мире этнонимы с основой рокс/рукс имели престижный характер: рокс-аланы, рухс-асы – «блистающие» в значении «наиболее выдающиеся», «правящие»), от которых это название и получили подвластные им славяне волынецкой культуры (т.н. «русская земля в узком смысле»: Рыбаков 1982: 56-67; Седов 1999: 77-80) и появившиеся на юге Восточной Европы варяги. Известия второй группы (примерно с рубежа IX-X вв.) под русами подразумевают варягов и славян, жителей «русской земли в узком смысле» и в первую очередь – её элиту, воспринимавшую этот аланский этноним как социально-престижный («русy» – «светлые» = «правящие»).

С.А. Плетнёва полагала что появление алан и болгар «не вызвало, видимо, бурного протеста со стороны “аборигенов”» (Плетнёва 1989: 269). Земли хватало всем. Безусловно, какие-то конфликты переселенцев с жившими здесь славянами пеньковской и колочинской культур, вероятно, возникали, но белокаменные и кирпичные крепости, как сейчас полагает большинство исследователей СМК строились не против них. Свидетельств взаимовлияния славян и населения СМК археологами найдено достаточно на всех уровнях материальной культуры: керамика, домостроительство, орудия труда, особенно сельскохозяйственные.

Русский каганат IX в. – государство аланов на Верхнем Дону, археологическим соответствием которому является лесостепной вариант СМК, а вероятной столицей – Верхнесалтовское городище. Славяне юго-вос-

точной Европы, представленные волынцевской археологической культурой были подвластны аланам-русам и также входили в состав Русского каганата, отчего на их земли распространился хороним «Русская земля» (т.н. «русская земля в узком смысле», очерчиваемая по летописным известиям XI-XIII вв. точно соответствует ареалу волынцевской культуры). Также и первые варяги, поселившиеся в Восточной Европе, видимо, стали вассалами аланского Русского каганата. На это указывает заимствование ими салтовской тамги, ставшей основой для т.н. «знаков Рюриковичей» – эмблем князей, принадлежавших к правящему роду. Такое заимствование логично именно для вассалов, вероятно, это вообще не «заимствование»: власти Русского каганата просто пожаловали своим варяжским вассалам определенный тип тамги, как, видимо, они жаловали разные типы тамг всем должностным лицам и вассальным правителям. Влияние салтовцев на варягов было огромно, вплоть до перенятия варягами у салтовских аланов элементов внешнего вида (прическа Святослава) и одежды. При этом, видимо, на варягов был перенесен и этноним русы. Не случайно, именно с волынцевским ареалом, то есть со славянской территорией, входившей в состав Русского каганата, совпадает ареал древнерусских камерных захоронений X в. (Петрухин 1995: 101), очерчивая расселение варягов и формирование новой славяно-варяжской древнерусской элиты, также подпавших под влияние салтовских аланов-русов, и, видимо, считавших себя их наследниками.

Как отмечает А.А. Тортика «цепь укрепленных поселений, возникшая в середине VIII в. на берегах Северского Донца, первоначально, ни самим фактом своего появления, ни оборонительными задачами фортификационных сооружений не могла быть ориентирована на угрозу, исходящую с запада или северо-запада. Тогда ее просто не существовало» (Тортика 2013: 91-105). Но если не против угрозы с запада или северо-запада строились эти крепости и фортификационные сооружения, то против кого? Тортика полагает, что переселенцы строили «крепости для защиты самих себя, а не для выполнения задач хазарской власти» (Тортика 2013: 44).

Так кто же тогда угрожал или мог угрожать строителям крепостей? Причем крепостей «со сложной системой фортификаций до нескольких укрепленных рубежей, демонстрирующих в целом высокую квалификацию строителей и знание военного дела, обустроенных на стратегически важных переправах через водные преграды и таким образом контролировавших их, с максимальным использованием защитных свойств рельефа местности, в ряде случаев грамотно усиленных искусственно и при всем вышперечисленном не являвшихся местом обитания основной части населения, а значит имевших в прерогативе военное предназначение (убежищ на случай опасности, контрольно-опорных форпостов и т.п.)» (Свистун 2018: 337). Г.Е. Свистун полагает, что среди наиболее вероятных причин появления лесостепных салтово-маяцких городищ в бассейне Северского Донца и Оскола «являются и проблемы внутренних противоречий в Хазарском каганате, выражавшиеся в гражданских конфликтах» (Свистун 2018:

338). Близкой точки зрения придерживалась и С.А. Плетнёва: «Феодалы, восставшие против правительства, всемерно укрепляли свои позиции в каганате. По-видимому, одним из наиболее существенных признаков этого укрепления можно считать постройку белокаменных крепостей, как бы противопоставляемых кирпичным крепостям кагана» (Плетнёва 1989: 269).

В пользу данных предположений помимо ориентированности на восток и юго-восток салтовских укреплений говорят и некоторые другие факты. Г.Е. Афанасьев время сооружения салтовских городищ относит к 30-40-м гг. IX в. На это, по его мнению, указывает радиоуглеродная дата образца дерева взятого с Алексеевского городища (767-847 гг.), которая в рамках четвертого десятилетия IX в. синхронна с радиоуглеродной датой основания Маяцкого городища (801-891 гг.) (Афанасьев 2016: 59). Обе эти даты, в свою очередь, совпадают с датой возведения Саркела (834-840 гг.) (Афанасьев 2016: 59). Обращает внимание он и «на сложение в бассейне Нижнего Дона хорошо продуманной системы обороны, направленной на защиту этого поселенческого микро-района в пределах этнической территории хазар в IX в.» (Афанасьев 2016).

То есть, практически в одно время в Подонцovie и на Нижнем Дону возникают крепости с хорошо продуманной системой обороны, только в Подонцovie они строятся для защиты от угрозы с юга и юга-востока, а на Нижнем Дону, видимо, от угрозы с севера и северо-запада. Трудно сказать, строили ли свои крепости и фортификации салтовцы, опасаясь угрозы исходящей непосредственно от Хазарского каганата или это реакция на междоусобицу, вследствие которой в степи разразилась война¹⁵ между принявшей иудаизм хазарской верхушкой и оставшимися верными своим религиозным убеждениям кабарями (Артамонов 1962: 324-335)¹⁶, чем, возможно, правители алан-русов и воспользовались, выйдя из зоны влияния хазар. М.И. Артамонов предполагал, что донские аланы территориально входя в состав Хазарского каганата, сохраняли в нем широкую автономию и «не желая мириться с господством хазар, при удобном случае выступали против них» (Артамонов 1962: 357), что, по мнению археолога, собственно, и привело к гибели салтовской культуры (Артамонов 1962: 357-358).

Конфликты с Хазарским каганатом вынуждают салтовцев искать военных союзников, самым перспективным из которых, без сомнения была Византия. А.В. Комар, по версии которого Саркел и другие донские крепости строились хазарами для защиты от русов (кои

15 Не исключено, что именно в ходе этого противостояния прекратила свое существование волынцевская культура.

16 Значение термина «кабары» может быть объяснено как «важный, пышный, гордый», что соответствует «белым, благородным» (Голубев 2018: 367-400), то есть практически идентично иранскому *ruxs/roxs* – «блистающие» в значении «наиболее выдающиеся». Конечно, кабары – это не русы арабских, византийских и франкских хроник. Но уже то, что в интересующем нас регионе некие полиэтничные объединения позиционировали себя как «гордые, белые, благородные», говорит о многом, а главное, позволяет допустить, что с тем же смысловым оттенком – «белые, благородные», но уже не на тюркском, а на иранском языке могли говорить о себе в Подонцovie и аланы.

в представлении археолога были скандинавами), обращает внимание на одну весьма любопытную хронологическую закономерность: «830-836 гг. – переселение мадьяр; 834-837 гг. – посольство хазар в Константинополь; ок. 837 г. – конфликт мадьяр и византийцев; 837-838 гг. – посольство русов в Константинополь; 838-839 гг. – возведение Саркела» (Комар 2011: 31). Правда, некоторые археологи полагают, что Саркел был построен несколько раньше указанного Комаром срока, между 834 и 837 гг., но в данном случае, это не принципиально. Важно тут другое: война венгров на стороне болгар против Византии, действительно, могла стать серьезным поводом для салтовских русов послать посольство в Константинополь, поскольку мадьяры, бывшие вассалами хазар, в то время представляли наибольшую для них угрозу. Конфликт же венгров с греками автоматически делал византийцев естественными союзниками Русского каганата. Но, как справедливо замечает А.В. Комар «византийцы, оценив ситуацию, именно в 837-838 гг. могли из двух потенциальных союзников избрать более знакомого и, ввиду “мадьярского фактора”, более опасного для себя, т.е. Хазарию, русское же посольство, дабы выиграть время, было отправлено домой невообразимым “круглым путем”, до сих пор поражающим умы исследователей, как русы и оказались при дворе франков» (Комар 2011: 31).

Похоже, противостояние Русского и Хазарского каганатов принесло Византии и материальные дивиденды, в обмен на помощь хазарам, в том числе и при строительстве Саркела, грекам удалось заполучить значительные территориальные уступки от хазар в Крыму (Галкина 2002: 345). Ну а дальше, собравшись с силами, при помощи тех же венгров или сменивших их в южно-русских степях печенегов, хазары расправились с Русским каганатом (Галкина 2002: 345-353), чтобы впоследствии пасть под напором другой, Киевской Руси.

Когда это случилось, впрочем, до сих пор не ясно. Единой точки зрения на время гибели СМК у археологов нет (предполагается конец IX – начало X вв.), как нет и единства во взглядах относительно причин. На большинстве лесостепных городищ следов военного противостояния как будто нет. В тоже время, археологи утверждают, что население покидало их быстро и организованно. С.А. Плетнёва по этому поводу, в частности, пишет: «Несмотря на находки в Верхне-Салтовском могильнике 23 арабских монет X в., а следовательно – существования верхнесалтовского и окрестного населения в X в., основной контингент его в начале этого века был уничтожен или покинул места, ставшие за полтора прошедших столетия родными» (Плетнёва 1989: 283). Нет оснований говорить о существовании в X в. жизни и на ряде других городищ и поселений, верхней датой для многих из них является конец IX – первое десятилетие X в.

В тоже время пишет археолог: «Часть яского населения осталась под властью новых кочевников на Северском Донце и до XII в. Однако наиболее свободлюбивые по возможности отступали далее на север – в почти недоступные для печенегов леса. Так появились они среди вятичей, отойдя со среднего Дона в воро-

нежские леса» (Плетнёва 1989: 283). Существуют и иные точки зрения, согласно одной из них, аланы салтовской культуры вернулись на Кавказ, что в контексте данной работы не принципиально. Куда важнее отголоски салтовской культуры в Киеве.

Следует признать, что находок предметов произведенных в Подонье и Подонцовье в Киеве найдено не много, несколько кувшинов в жилищах VIII-IX вв. на Старокиевской горе, на Подоле и на Копыревом конце (Иевлев и др. 2014: 74). Вместе с тем остатки некоторых наиболее ранних оборонительных сооружений, датированных концом IX – началом X вв. обнаруживают сходство с оборонительными укреплениями известными на ряде городищ СМК и роменской культуры Подонья и Подонцовья: «Открытые оборонительные сооружения, вероятно, относились к одному городищу, которое располагалось между Львовской площадью, Кияновским переулком и Вознесенским спуском» (Иевлев и др. 2014: 82). При изучении городища археологами было обнаружено три больших постройки, «аналогии которым не встречались как на территории Киева, так и на территории Киевской Руси» (Иевлев и др. 2014: 82), зато, как утверждают археологи «подобного типа постройки наиболее досконально были исследованы на поселениях салтово-маяцкой культуры, в частности, на Карнауховском поселении, расположенном на р. Котлубанка, правом притоке нижнего течения р. Дон. Такие же постройки были открыты на Среднем Донце и Маяцком городище на Дону. Исследованные археологические объекты как оборонительного, так и хозяйственного назначения, имеют прямые аналогии на памятниках, относящихся к салтово-маяцкой культуре. Это может указывать на то, что население городища, располагавшегося в районе Львовской площади, имело тесные связи с Хазарским каганатом» (Иевлев и др. 2014: 85). На основании этого исследователи высказали предположение, что данное городище «могло быть крепостью X в., которая упоминается Константином Багрянородным под названием Самбатас» (Иевлев и др. 2014: 85).

Есть и другие интересные моменты. Анализ сырцовых построек, включая княжескую стену конца X в., позволил ряду исследователей высказать предположение о связи технологии строительства «с приемами строительства салтовских городищ бассейна р. Тихая Сосна, а не с болгаро-византийским кругом традиций оборонительного зодчества» (Баранов, Ёлшин 2019: 243-265). В пользу присутствия в Киеве населения как-то связанного с салтовской культурой говорят и обнаруженные между улицами Ленина и Свердлова «”пещерки”, напоминающие катакомбные погребения салтовской культуры. Даже место для могильника на склоне к Крестьянку выбрано так, как это практиковалось салтовским населением, т.е. на склонах холмов»; «в “пещерках” находились горшки, наполненные кальцинированными костями – синкретизм погребального обряда славянской и салтовской культур», что дает «основание полагать проникновение в Киеве в конце I тыс. н.э. какой-то части населения Левобережья, связанного с салтовской культурой» (Моця 1987: 113-114).

Как видим, некоторые основания допускать переселение на территорию Киева в конце IX в. выходцев из СМК имеются. Вероятно, пришли они в Среднее Поднепровье не сразу, а спустя какое-то время, через земли славян роменской культуры и, скорее всего, вместе с ними.

С учетом всех вышеприведенных фактов, есть основания полагать, что этноним и/или хороним «Русь», «Русская земля» распространился в Среднем Поднепровье в результате влияния аланского Русского каганата или, точнее, вхождения данной территории в его состав. И все её жители, независимо от своего этнического происхождения, становились русами. Вероятно, именно это и имели в виду летописцы, написавшие о том, что после захвата Киева северное воинство князей Олега и Игоря прозвалось «русью»: «[И] беша оу него (у Олега) варязи и словени и прочи прозвашася русью» (ПСРЛ. I: 23); «И беша у него (у Игоря) варязи мужи Словене и оттоле прочи прозвашася Русью» (ПСРЛ. III: 107).

Закат салтовской культуры повлекший за собой миграцию населения Русского каганата в Поочье, По-

волжье и Среднее Поднепровье, возможно, и стал той основой, на почве которой сложились арабские известия о трех «группах» русов, начало которым положил ученый-книжник ал-Балхи (вторая половина IX – первая треть X в.) в географическом труде «Сувар ал-акалим» («Карта климатов»).

Просуществовал Русский каганат относительно не долго, условно говоря, с начала или с 20-30-х гг. IX в. и, вероятно, до конца этого столетия, или до первых десятилетий X в. Итог гибели каганата: сворачивание торговли по Донскому пути, что вероятно было на руку хазарам к тому времени уже плотно контролировавших путь по Волге; открытие русами пути по Днепру, с последующей переориентацией с Востока на Византию. Донские русы не создавали Киевскую Русь, хотя, вероятно и дали ей имя, ряд богов, родовые знаки для русских князей, многие элементы материальной и духовной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1960 - Абаев В.И. Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Издательство АН СССР, 1960. С. 5-7.

Абаев 1962 - Абаев В.И. Культ «семи богов» у скифов // Древний мир. Сборник статей памяти В.В. Струве. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 445-450.

Абаев 1965 - Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 168 с.

Аксёнов 1998 - Аксёнов В.С. Об уровне вооружённости населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вестник Харьковского национального университета. 1998. № 413. С. 39-51.

Аксёнов 2005 - Аксёнов В.С. Интервью. 2005 / Электронный ресурс: <http://xt.ht/phpbb/viewtopic.php?t=61> (Дата обращения - 12.11.2020).

Аксёнов 2005а - Аксёнов В.С. К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2005. С. 219-230.

Аксёнов 2006 - Аксёнов В.С. Форпост Верхний Салтов // Восточная коллекция. 2006. № 2. С. 72-76.

Аксёнов 2010 - Аксёнов В.С. Катакомба № 99 Верхне-салтовского IV могильника (К вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев; Судак, 2010. С. 354-364.

Аксёнов 2010 - Аксёнов В.С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонечья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 73-78.

Аксёнов 2013 - Аксёнов В.С. Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вып. 3. Харьков, 2013. С. 15-20.

Аксёнов 2015 - Аксёнов В.С. Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 13. Харьков, 2015. С. 288-305.

Аксёнов, Лаптев 2009 - Аксёнов В.С., Лаптев А.А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 8. Харьков, 2009. С. 245-258.

Александров 1997 - Александров А.А. Остров руссов // Stratum Plus. 1997. С. 222-224.

Аммиан Марцеллин 2000 - Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae) / Под общей редакцией В.П. Сальникова; Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.

Андерссон 1951 - Андерссон И. История Швеции. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 408 с.

Анна Комнина 2010 - Анна Комнина. Алексиада / Перевод, комментарий и статьи Я.Н. Любарского. Издание третье, исправленное и дополненное. СПб.: Алетейя, 2010. 683 с.

Артамонов 1962 - Артамонов М.И. История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 524 с.

Афанасьев 1987 - Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. 201 с.

Афанасьев 2016 - Афанасьев Г.Е. О территории Хазарского каганата и хазарского домена в IX веке // Дивногорский сборник. Вып. 6. Воронеж: Научная книга, 2016. С. 41-72.

Баранов, Ёлшин 2019 - Баранов В.И., Ёлшин Д.Д. Стена княжеского двора в Киеве и вопрос об истоках древнерусской сырцовый фортификации X в. // Stratum plus. 2019. № 5. С. 243-265.

Бартольд 1940 - Бартольд В.В. Арабские известия о руссах // Советское востоковедение. 1940. № 1. С. 15-50.

- Беззаконов 2014 - Беззаконов С.Н. Салтово-маяцкая культура или Русский каганат? 2014 / Электронный ресурс: <https://rossica-antiqua.livejournal.com/577115.html> (Дата обращения - 12.11.2020).
- Беззаконов 2021 - Беззаконов С.Н. Проблема происхождения этнонима «Русь» в современной историографии // Исторический формат. 2021. № 2. С. 60-82.
- Белецкий 2012 - Белецкий С.В. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет. СПб.: ВИТА НОВА, 2012. С. 431-465.
- Березовец 1970 - Березовец Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. К., 1970. С. 59-74.
- Бибииков 1986 - Бибииков М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин, 1986. С. 97-105.
- Боранов, Горлов 1914 - Боранов А., Горлов Н. География Российской империи. М., 1914.
- Бубенок, Аксёнов 2009 - Бубенок О.Б., Аксёнов В.С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах. Т. 8. Харьков, 2009. С. 103-146.
- Быков 1971 - Быков А.А. О хазарском чекане VIII-IX вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 12. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1971. С. 26-36.
- Васильев 1998 - Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М.: Индрик, 1998. 328 с.
- Васильев 2000 - Васильев М.А. Особенности формирования и развития восточнославянского язычества: боги иранского происхождения Семаргл и Хорс киевского пантеона князя Владимира. «Первая религиозная реформа». Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М., 2000. 52 с.
- Васильевский 1915 - Васильевский В.Г. Труды. Т. III. Петроград, 1915. 416 с.
- Вернадский 1996 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. 448 с.
- Винников 1995 - Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). Воронеж: Издательство ВГУ, 1995. 161 с.
- Винников, Плетнёва 1998 - Винников А.З., Плетнёва С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Издательство ВГУ, 1998.
- Владимиров 2017 - Владимиров С.И. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2017. 24 с.
- Воронятов 2012 - Воронятов С.В. Черта оседлости русов конца VIII – первой половины IX в. // Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 221-245.
- Гадло 1979 - Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.: Издательство ЛГУ, 1979. 216 с.
- Галкина 2002 - Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.
- Галкина 2010 - Галкина Е.С. Этности Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // *Rossica antiqua*. 2010. № 1. С. 54-98.
- Галкина 2012 - Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.
- Гаркави 1870 - Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 315 с.
- Гедеонов 2004 - Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В двух частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка – В.В. Фомин. Второе издание, комментированное. М.: Русская панорама, 2004. 656 с.
- Геродот 1972 - Геродот. История в девяти книгах / Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Голубев 2018 - Голубев А.М. Хронология салтовских памятников Верхнего Подонцовья в контексте венгерской проблематики // Третий Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 2018. С. 367-400.
- Гомзин 2013 - Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2013. 26 с.
- Гомзин 2017 - Гомзин А.А. Дирхамы Каусидов Табаристана в Поочье // Археология евразийских степей. 2017. № 6. С. 45-50.
- Горский 2004 - Горский А.А. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 392 с.
- Григорьев 2005 - Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2005. 207 с.
- Григорьев 2012 - Григорьев А.В. Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 94-127.
- Доде 2001 - Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Восточная литература, 2001. 136 с.
- Дорн 1875 - Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. СПб., 1875. 781 с.
- ДРЗИ IV - Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Составление, переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.
- Елифёрова 2017 - Елифёрова М.В. Рюриково городище: что же откопали на самом деле? // *Valla*. 2017. № 4 (3). С. 87-92.
- Еремеев 2019 - Еремеев И.И. Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова городища по материалам исследований 2013-2016 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2 (26). С. 67-92.
- Жих 2009 - Жих М.И. К проблеме Русского каганата: Древняя Русь и ее степные соседи // *Русин*. 2009. № 3 (17). С. 147-157.

- Жих 2018** - Жих М.И. Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 176-245.
- Жих 2020** - Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.
- Зализняк 1962** - Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 28-45.
- Заходер 1967** - Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 213 с.
- Зорин 2002** - Зорин А.В. Русы и северяне: из истории военного противостояния. 2002 / Электронный ресурс: <http://xlegio.ru/ancient-armies/armament/ruses-northerners-military-confrontation/> (Дата обращения - 12.11.2020).
- Ибн Русте 1869** - Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн-Дасти. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах / Перевод с арабского, комментарии Д.А. Хвольсона. СПб., 1869. 200 с.
- Ибн Хордадбех 1986** - Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.
- Ивакин 2011** - Ивакин В.Г. Киевские погребения X века // Stratum plus. 2011. № 5. С. 243-286.
- Иевлев и др. 2014** - Иевлев М.М., Козловский А.А., Минаева Н.И. Распространение влияния Хазарского каганата в Среднем Поднепровье (к вопросу существования «жидовского города» на территории древнего Киева) // Хазарский альманах. Т. 12. Харьков, 2014. С. 69-90.
- Казанский 2017** - Казанский М.М. Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути // XVIII Боспорские чтения. Симферополь; Керчь, 2017. С. 218-229.
- Каинов 2011** - Каинов С.Ю. Новые данные о мече с Сарского городища // Военная археология. Вып. 2. М., 2011. С. 147-152.
- Каинов 2018** - Каинов С.Ю. Погребения с предметами вооружения Гнёздовского некрополя // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2018. С. 212-241.
- Каинов 2020** - Каинов С.Ю. Оружие Гнездова и сложение древнерусского комплекса вооружений. 2020 / Электронный ресурс: <http://www.rus-druzhina.ru/advice/gnezdova.php> (Дата обращения - 12.11.2020).
- Калинина 2003** - Калинина Т.М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. Историческая память и формы ее воплощения. М.: Восточная литература, 2003. С. 204-216.
- Калинина 2011** - Калинина Т.М. Страна Хазария, какой она представляется по арабо-персидским источникам. 2011 / Электронный ресурс: <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=12867> (Дата обращения - 12.11.2020).
- Карпенко 2016** - Карпенко А.А. Русь северян Вещего Олега. Ростов-на-Дону: Книга, 2016. 272 с.
- Кирпичников 1973** - Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. / Свод археологических источников. Вып. Е1-36. Л.: Наука, 1973. 138 с.
- Кирпичников 1998** - Кирпичников А.Н. О начале производства мечей на Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 246-251.
- Кирпичников 2010** - Кирпичников А.Н. Старая Ладога – древняя столица России. 2010. Электронный ресурс: http://voorik.ru/doc/region/leningradskoe_otdelenie/02.pdf (Дата обращения - 12.11.2020).
- Кирпичников, Курбатов 2014** - Кирпичников А.Н., Курбатов А.В. Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // Stratum plus. 2014. № 5. С. 129-136.
- Ковалевский 1956** - Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 348 с.
- Кожин 2001** - Кожин В.В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Коковцов 1932** - Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Издательство АН СССР, 1932. 140 с.
- Колода 2009** - Колода В.В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009. С. 35-43.
- Колода, Горбаненко 2010** - Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2010. 216 с.
- Комар 2005** - Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. № 4. С. 115-137.
- Комар 2011** - Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Археологія і давня історія України. 2011. № 7. С. 55-69.
- Комар 2012** - Комар А.В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 300-333.
- Комар, Сухобоков 2000** - Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского Каганата. 2000 / Электронный ресурс: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm (Дата обращения - 12.11.2020).
- Коновалова 2001** - Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X-XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. Восточная и Северная Европа в Средневековье. М.: Восточная литература, 2001. С. 169-189.
- Коновалова 2001a** - Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10. М.: Индрик, 2001. С. 108-135.
- Константин Багрянородный 1991** - Константин Багрянородный. Об управлении империей / Тексты, перевод, комментарий; под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Король 2005** - Король Д.А. Мотив 'всадника' и 'встречающей богини' на погребальных камнях Скандинавии и Северного Причерноморья // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк, 2005. С. 341-344.

- Кравченко 2004** - Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарський Альманах. Т. 3. Харьков, 2004. С. 242-276.
- Кравченко 2005** - Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в Хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк, 2005. С. 153-186.
- Крыганов 1989** - Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989. С. 98-114.
- Крыганов 1993** - Крыганов А.В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. 1993. № 2. С. 52-62.
- Кузенков 2003** - Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. Проблемы источниковедения. М.: Восточная литература, 2003. С. 3-172.
- Кузьмин 2003** - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.
- Кузьмин 2008** - Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование памятников эпохи средневековья. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 69-94.
- Кузьмин, Волковицкий 2003** - Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. СПб., 2003. С. 45-57.
- Кулешов 2008** - Кулешов В.С. «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазарской геральдики? СПб., 2009. 8 с.
- Кулешов 2018** - Кулешов В.С. Нумизматическая хронология эпохи викингов: опыт, современное состояние, проблемы и перспективы // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 2018. С. 97-102.
- Кулешов 2019** - Кулешов В.С. Письменные и нумизматические источники по истории денежного обращения в Восточной Европе в IX-XI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2019. 35 с.
- Кулешов 2021** - Кулешов В.С. Сведения о европейских и русских мечях в памятниках арабской литературы IX-XI веков // Оружейный сборник. Вып. 1. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2021. С. 89-99.
- Латышев 1890** - Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1890. 946 с.
- Лебедев 2005** - Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Лев Диакон 1988** - Лев Диакон. История / Перевод М.М. Копыленко; статья М.Я. Сюзюмова; комментарий М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Леонтьев 2012** - Леонтьев А.Е. На берегах озёр Неро и Плещеево // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 162-177.
- Мавродин 1945** - Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 427 с.
- Макаров 2012** - Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 448-459.
- Матузова 1979** - Матузова В.И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979. 268 с.
- Мачинский 2009** - Мачинский Д.А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII – середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 460-538.
- Мачинский, Губчевская 2007** - Мачинский Д.А., Губчевская Л.А. О первоначальной Руси. Старая Ладога, 2007. 113 с.
- Мельникова 2011** - Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 476 с.
- Минорский 1963** - Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 265 с.
- Михайлов 2005** - Михайлов К.А. Древнерусские кафтаны «восточного типа» (мода, происхождение, хронология) // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2005. № 1. С. 56-65.
- Михайлов 2011** - Михайлов К.А. Находка раннесредневековой одежды «восточного» типа из Старой Ладоги // Новгород и Новгородская земля. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 166-177.
- Михайлов 2016** - Михайлов К.А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североамериканских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 с.
- Моця 1987** - Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX-XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1987. 164 с.
- Мурашова 2020** - Мурашова В.В. Необычная подвеска с городища Супруты // Хазарский альманах. Т. 17. М.: Индрик, 2020. С. 144-150.
- Мусин 2000** - Мусин А.Е. О распространении христианства в древней Руси IX-XIV веков на основе данных археологии и письменных источников // Исторический вестник. 2000. № 2 (6). С. 176-188.
- Назаренко 2001** - Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
- Назаренко 2012** - Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 12-36.
- Николаенко 1991** - Николаенко А.Г. Северо-Западная Хазария или Донская Русь? Древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа. Волоконовка, 1991. 132 с.
- Никон 1989** - Иеродиакон Никон (Лысенко). «Фотиево» крещение славяно-россов и его значение в предыстории Крещения Руси // Богословские труды. Т. 29. М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. С. 27-40.

- Новикова 1992 - Новикова Г.Л. Скандинавские языческие культуры на территории Древней Руси. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1992. 25 с.
- Новое в археологии 2018 - Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования. СПб.: Невская книжная типография, 2018. 536 с.
- Новосельцев 1965 - Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355-419.
- Новосельцев 2000 - Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М.: Восточная литература, 2000. С. 367-379.
- Носов 2012 - Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 92-121.
- Носов 2017 - Носов Е.Н. Рюриково городище – резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода // Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 18-33.
- Пархоменко 1924 - Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII-XI вв.). Л.: Государственное издательство, 1924. 118 с.
- Петрухин 1995 - Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.
- Петрухин 2001 - Петрухин В.Я. «Русский каганат», скандинавы и южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. Восточная и Северная Европа. М.: Восточная литература, 2001. С. 127-142.
- Петрухин 2004 - Петрухин В.Я. «Проводы Перуна»: древнерусский «фольклор» и византийская традиция // Язык культуры: семантика и грамматика. М.: Индрик, 2004. С. 248-255.
- Петрухин 2014 - Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.
- Петрухин 2019 - Петрухин В.Я. Русь христианская и языческая: Историко-археологические очерки. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019. 608 с.
- Пигулевская 2011 - Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: исследования и переводы. Второе издание, исправленное и дополненное / Составитель Н.А. Мещерская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 832 с.
- Плетнёва 1967 - Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 142. М.: Наука, 1967. 209 с.
- Плетнёва 1989 - Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.
- Поляк 2001 - Поляк А.Н. Восточная Европа в IX-X веках в представлении Востока // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М.: Наука, 2001. С. 79-107.
- Потёмкина 1998 - Потёмкина Т.М. О терминологии и отличительных чертах некоторых видов раннесредневекового клинкового оружия // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 289-290.
- Похлебкин 1992 - Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Вып. 1. Ведомства внешней политики и их руководители. М.: Международные отношения, 1992. 285 с.
- ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.
- ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.
- Радомский 2004 - Радомский Я.Л. Этнический состав Причерноморской Руси. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004. 321 с.
- Раевский 1995 - Раевский Д.С. Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Второе издание / Главный редактор С.А. Токарев. Минск: Дилер; Смоленск: Русич, 1995. С. 445-450.
- Рапов 1998 - Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Русская панорама, 1998. 416 с.
- Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
- Рыдзевская 1945 - Рыдзевская Е.А. Сведения о Старой Ладoge в древнесеверной литературе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 11. М., 1945. С. 51-65.
- Рябинин 2003 - Рябинин Е.А. У истоков Северной Руси. Новые открытия. СПб.: БЛИЦ, 2003. 224 с.
- Рябинин, Дубашинский 2002 - Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2002. С. 196-203.
- Сахаров 1980 - Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 360 с.
- Свердлов 2003 - Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.
- Свердлов 2017 - Свердлов М.Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX-XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.
- Свистун 2012 - Свистун Г.Е. Трансформация взглядов в оценке социальной и стратегической роли лесостепных городищ салтово-маяцкой культуры // Восточноевропейские древности. Вып. 2. Воронеж: Научная книга, 2012. С. 189-208.
- Свистун 2018 - Свистун Г.Е. К дискуссии о направленности фронта салтово-маяцких лесостепных городищ // Археология восточноевропейской лесостепи. Белгород, 2018. С. 332-346.

- Седов 1998 - Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3-14.
- Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 320 с.
- Смирнов 1928 - Смирнов П.П. Волзький шлях і стародавні Руси (Нариси з руської історії VI-IX вв.). К.: Друкарня Української Академії наук, 1928. 230 с.
- Соловьев 1985 - Соловьев А.И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 147-154.
- Степовой 2011 - Степовой А.В. Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Ютановский археологический комплекс). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2011. 22 с.
- Талис 1973 - Талис Д.Л. Топонимы Крыма с корнем «рос» // Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 229-234.
- Талис 1974 - Талис Д.Л. Росы в Крыму // Советская археология. 1974. № 3. С. 87-99.
- Толмачова 2000 - Толмачова М.М. Технологія виготовлення салтівських шабель. 2000 / Электронный ресурс: <https://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/SaltovoSabres.html> (Дата обращения - 12.11.2018).
- Толочко 1987 - Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987. 247 с.
- Толочко 2013 - Толочко П.П. Ранняя Русь: история и археология. СПб.: БЛИЦ, 2013. 208 с.
- Толочко 2015 - Толочко А.П. Очерки начальной руси. К.; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.
- Тортика 2006 - Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков: ХГАК, 2006. 554 с.
- Тортика 2007 - Тортика А.А. Военно-политическая и социальная структура алано-болгарского населения лесостепного Подонья-Придонечья в Хазарское время (конец VIII – начало X вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть: XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2007. С. 267-273.
- Тортика 2013 - Тортика А.А. География и топография городищ салтово-маяцкой культуры Верхнего Подонцовья в контексте исторических реконструкций // II Бахчисарайские чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. Симферополь: Антикава, 2013. С. 44-45.
- Тортика 2013а - Тортика А.А. Стратегия обороны или нападения? Городища лесостепного варианта СМК VIII-X вв. и их роль в системе хазарского влияния в регионе // Памяти Н.В. Черниговой: к 10-летию со дня смерти. Сборник научных статей. Х.-Богодухов, 2013. С. 91-105.
- Трубачев 2005 - Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.
- Фасмер I-IV - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Издание второе, стереотипное. В четырёх томах. Т. I-IV. М.: Прогресс, 1986-1987.
- Фетисов, Щавелев 2017 - Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2017. 320 с.
- Флерова 2001 - Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2001. 160 с.
- Франклин, Шепард 2009 - Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750-1200 / Авторизованный перевод с английского Д.М. Буланин, Н.Л. Лужецкая. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 672 с.
- Фроянов 2015 - Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.
- Целиковский 2020 - Целиковский А. Хазарский костюм VII-X в. 2020 / Электронный ресурс: <https://poisk-ru.ru/s3788t18.html?ysclid=11i0jmw6rl> (Дата обращения - 12.11.2020).
- Шаскольский 1981 - Шаскольский И.П. Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники. 1980. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981. С. 43-54.
- Шевченко 2011 - Шевченко Ю.Ю. Пещерные храмы Подонья: Исторические судьбы в эпоху «Империи Чингисидов» // Сибирский сборник. Т. 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 272-290.
- Шпилев 2009 - Шпилев А.Г. О соотношении «страны славян» Ибн Русте с Северной землей // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009. С. 52-69.
- Щавелев 2014 - Щавелев А.С. Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга Картины земли. Сборник в честь И.Г. Коноваловой. М.: Индрик, 2014. С. 323-329.
- Щавелев 2016 - Щавелев А.С. Известие о «северных скифах» («росах») в трактате «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география. Т. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 236-250.
- Щавелев 2019 - Щавелев А.С. «Корабли» и военно-морское дело народа русь IX – середины X в. (по основным синхронным письменным источникам) // Stratium plus. 2019. № 5. С. 123-132.
- Щавелев, Фетисов 2014 - Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века: Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 7-53.
- Щавелев, Фетисов 2015 - Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 278-328.
- Щеглова 1987 - Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 77-85.
- Юшков 1940 - Юшков С.В. К вопросу о происхождении Русского государства // Ученые записки Московского юридического института. 1940. Вып. II. С. 37-59.
- Янин 2009 - Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. 416 с.

Яценко 2001 - Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001. 190 с.

Bleichsteiner 1918 - Bleichsteiner R. Das Volk der Alanen // Berichte des Forschungsinstitut für Osten und Orient. № 2. Wien, 1918. S. 4-16.

Czegledy 1973 - Czegledy K. Gardizi on the history of Central Asia (746-780 A.D.) // Acta Orientalia Hungarica. T. XXVII (3). Budapest, 1973. S. 257-267.

Garipzanov 2006 - Garipzanov I. The annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // Ruthenica. 2006. № 5. S. 7-11.

Göckenjan, Zimonyi 2001 - Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Gayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī) / Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 54. Wiesbaden, 2001. 351 s.

Hedenstierna-Jonson 2006 - Hedenstierna-Jonson Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society / Theses and Papers in Scientific Archaeology. Vol. 8. Stockholm, 2006. 120 s.

REFERENCES

Abaev 1960 - Abaev V.I. Dohristianskaya religiya alan [Pre-Christian religion Alan], in: XXV Mezhdunarodnyj kongress vostokovedov. Doklady delegacii SSSR [XXV International Congress of Orientalists. Reports of the USSR delegation], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1960, pp. 5-7 [in Russian].

Abaev 1962 - Abaev V.I. Kul't «semi bogov» u skifov [The cult of the "seven gods" among the Scythians], in: Drevnij mir. Sbornik statej pamyati V.V. Struve [The ancient world. Collection of articles in memory of V.V. Struve], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, pp. 445-450 [in Russian].

Abaev 1965 - Abaev V.I. Skifo-evropejskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada [Scythian-European isoglosses. At the junction of East and West], Moscow, Nauka Publ., 1965, 168 p. [in Russian].

Afanas'ev 1987 - Afanas'ev G.E. Naselenie lesostepnoj zony bassejna Srednego Dona v VIII-X vv. (alanskij variant saltovo-mayackoj kul'tury) [The population of the forest-steppe zone of the Middle Don basin in the VIII-X centuries (the Alan version of the Saltovo-Mayak culture)], Moscow, Nauka Publ., 1987, 201 p. [in Russian].

Afanas'ev 2016 - Afanas'ev G.E. O territorii Hazarskogo kaganata i hazarskogo domena v IX veke [About the territory of the Khazar Khaganate and the Khazar domain in the IX century], in: Divnogorskij sbornik [Divnogorsk collection], Vol. 6, Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2016, pp. 41-72 [in Russian].

Aksyonov 1998 - Aksyonov V.S. Ob urovne vooruzhyonnosti naseleniya saltovskoj kul'tury (po materialam Suhogomol'shanskogo i Krasnogorskogo mogil'nikov) [On the level of armament of the population of the Saltovo culture (based on the materials of the Sukhogolshansky and Krasnogorsk burial grounds)], in: Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo universiteta [Bulletin of Kharkiv National University], 1998, № 413, pp. 39-51 [in Russian].

Aksyonov 2005 - Aksyonov V.S. Interv'yu [Interview], 2005, Electronic resource: <http://xt.ht/phpbb/viewtopic.php?t=61> (Date of access - 12.11.2020) [in Russian].

Aksyonov 2005a - Aksyonov V.S. K voprosu o sushchestvovanii pamyatnikov etnicheskix hazar v verhnem techenii Severskogo Donca [On the question of the existence of monuments of ethnic Khazars in the upper reaches of the Seversky Donets], in: Hazary. Evrei i slavyane [The Khazars. Jews and Slavs], Vol. 16, Jerusalem, Gesharim Publ.; Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2005, pp. 219-230 [in Russian].

Aksyonov 2006 - Aksyonov V.S. Forpost Verhnij Saltov [Upper Saltov Outpost], in: Vostochnaya kollekcija [Oriental Collection], 2006, № 2, pp. 72-76 [in Russian].

Aksyonov 2010 - Aksyonov V.C. Katakomba № 99 Verhne-saltovskogo IV mogil'nika (K voprosu rasprostraneniya hristianstva sredi saltovskogo naseleniya Podoncov'ya) [Catacomb No. 99 of the Verkhne-Saltovsky IV burial ground (On the issue of the spread of Christianity among the Saltovsky population of the Podontsovye)], in: Sugdejskij sbornik [Sugdejsky collection], Vol. IV, Kiev, Sudak, 2010, pp. 354-364 [in Russian].

Aksyonov 2010 - Aksyonov V.S. Veshchi slavyanskogo oblika na saltovskix pamyatnikah Verhnego Podonech'ya [Things of Slavic appearance on the Saltovo monuments of the Upper Podonechye], in: Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki [Slavic-Russian jewelry and its origins], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, pp. 73-78 [in Russian].

Aksyonov 2013 - Aksyonov V.S. Simvoly hristianskoj very v zahoronenyah saltovo-mayackoj kul'tury s territorii Har'kovshchiny [Symbols of the Christian faith in the graves of the Saltovo-Mayak culture from the territory of Kharkiv region], in: Saltovo-mayac'ka arheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennya [Saltovo-Mayak archaeological culture: problems and achievements], Vol. 3, Kharkiv, 2013, pp. 15-20 [in Russian].

Aksyonov 2015 - Aksyonov V.S. Bogatoe katakombnoe zahoronenie s Verhne-Saltovskogo IV mogil'nika [Rich catacomb burial from Verkhne-Saltovsky IV burial ground], in: Drevnosti. Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik [Antiquities. Kharkiv Historical and Archaeological Yearbook], Vol. 13, Kharkiv, 2015, pp. 288-305 [in Russian].

Aksyonov, Laptev 2009 - Aksyonov V.S., Laptev A.A. K voprosu o slavyano-saltovskix kontaktah (na primere katakomby № 93 mogil'nika u s. Verhnij Saltov) [On the issue of Slavic-Saltov contacts (on the example of catacomb No. 93 of the burial ground near the village of Verkhny Saltov)], in: Drevnosti. Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik [Antiquities. Kharkiv Historical and Archaeological Yearbook], Vol. 8, Kharkiv, 2009, pp. 245-258 [in Russian].

Aleksandrov 1997 - Aleksandrov A.A. Ostrov russov [Russ Island], in: Stratum Plus, 1997, pp. 222-224 [in Russian].

Ammian Marcellin 2000 - Ammian Marcellin. Rimskaya istoriya (Res Gestae) / Pod obshchej redakciej V.P. Sal'nikova; Perevod s latinskogo YU.A. Kulakovskogo i A.I. Sonni [Roman History (Res Gestae) / Edited by V.P. Salnikov; Translated from Latin by Yu.A. Kulakovsky and A.I. Sonny], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2000, 576 p.

Andersson 1951 - Andersson I. Istoriya SHvecii [History of Sweden], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoju literatury Publ., 1951, 408 p. [in Russian].

Anna Komnina 2010 - Anna Komnina. Aleksjada / Perevod, kommentarij i stat'i YA.N. Lyubarskogo. Izdanie tret'e, ispravlennoe i dopolnennoe [Alexiad / Translation, commentary and articles by Y.N. Lyubarsky. Third edition, revised and expanded], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2010, 683 p. [in Russian].

- Artamonov 1962** - Artamonov M.I. Istoriya hazar [History of the Khazars], Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1962, 524 p. [in Russian].
- Baranov, YOLshin 2019** - Baranov V.I., YOLshin D.D. Stena knyazheskogo dvora v Kieve i vopros ob istokah drevnerusskoj syrcovoj fortifikacii X v. [The wall of the Princely court in Kiev and the question of the origins of the ancient Russian raw fortification of the X century], in: Stratum plus, 2019, № 5, pp. 243-265 [in Russian].
- Bartol'd 1940** - Bartol'd V.V. Arabskie izvestiya o rusah [Arab news about Rus], in: Sovetskoe vostokovedenie [Soviet Oriental Studies], 1940, № 1, pp. 15-50 [in Russian].
- Beleckij 2012** - Beleckij S.V. Drevnejshaya geral'dika Rusi [The oldest heraldry of Russia], in: Povest' vremennyh let [The Tale of Bygone Years], Saint-Petersburg, VITA NOVA Publ., 2012, pp. 431-465 [in Russian].
- Berezovec 1970** - Berezovec' D.T. Pro im'ya nosiiv saltivs'koï kul'turi [About the name of the Saltovo culture bearers], in: Arheologiya [Archaeology], Vol. XXIV, Kiev, 1970, pp. 59-74 [in Ukrainian].
- Bezzakonov 2014** - Bezzakonov S.N. Saltovo-mayackaya kul'tura ili Russkij kaganat? [Saltovo-Mayak culture or the Russian Kaganate?], 2014, Electronic resource: <https://rossica-antiqua.livejournal.com/577115.html> (Date of access - 12.11.2020) [in Russian].
- Bezzakonov 2021** - Bezzakonov S.N. Problema proiskhozhdeniya etnonima «rus'» v sovremennoj istoriografii [The problem of the origin of ethnonym «rus'» in modern historiography], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 2, pp. 60-82 [in Russian].
- Bibikov 1986** - Bibikov M.V. Skandinavskij mir v vizantijskoj literature i aktah [The Scandinavian World in Byzantine Literature and Acts], in: Skandinavskij sbornik [Scandinavian Collection], Vol. 30, Tallin, 1986, pp. 97-105 [in Russian].
- Bleichsteiner 1918** - Bleichsteiner R. Das Volk der Alanen [The people of the Alans], in: Berichte des Forschungen Institut für Osten und Orient [Reports of the Forschungen Institut für Osten und Orient], № 2, Wien, 1918, pp. 4-16 [in German].
- Boranov, Gorlov 1914** - Boranov A., Gorlov N. Geografiya Rossijskoj imperii [Geography of the Russian Empire], Moscow, 1914 [in Russian].
- Bubenok, Aksyonov 2009** - Bubenok O.B., Aksyonov V.C. Kto obital v Suhoj Gomol'she v hazarskoe vremya? [Who lived in Sukhoi Homolsha in the Khazar period?], in: Hazarskij al'manah [The Khazar Almanac], Vol. 8, Kharkiv, 2009, pp. 103-146 [in Russian].
- Bykov 1971** - Bykov A.A. O hazarskom chekane VIII-IX vv. [About the Khazar coinage of the VIII-IX centuries], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Works of the State Hermitage Museum], Vol. 12, Leningrad, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 1971, pp. 26-36 [in Russian].
- Celikovskij 2020** - Celikovskij A. Hazarskij kostyum VII-X v. [Khazar costume of the VII-X century], 2020, Electronic resource: <https://poisk-ru.ru/s3788t18.html?ysclid=1i0jmw6rl> (Date of access - 12.11.2020) [in Russian].
- Czegledy 1973** - Czegledy K. Gardizi on the history of Central Asia (746-780 A.D.), in: Acta Orientalia Hungarica, Vol. XXVII (3), Budapest, 1973, pp. 257-267 [in English].
- Dode 2001** - Dode Z.V. Srednevekovyj kostyum narodov Severnogo Kavkaza. Oчерki istorii [Medieval costume of the peoples of the North Caucasus. Essays on history], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, 136 p. [in Russian].
- Dorn 1875** - Dorn B.A. Kaspij. O pohodah drevnih russkij v Tabaristan, s dopolnitel'nymi svedeniyami o drugih nabegah ih na pribrezh'ya Kaspijskogo morya [The Caspian Sea. About the campaigns of the ancient Russians in Tabaristan, with additional information about their other raids on the shores of the Caspian Sea], Saint-Petersburg, 1875, 781 p. [in Russian].
- DRZI IV - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. T. IV. Zapadnoevropejskie istochniki / Sostavlenie, perevody i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources: A Textbook. Volume IV. Western European sources / Compilation, translations and comments by A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2010, 512 p. [in Russian].**
- Elifyorova 2017** - Elifyorova M.V. Ryurikovo gorodishche: chto zhe otkopali na samom dele? [Rurikovo settlement: what was actually unearthed?], in: Valla, 2017, № 4 (3), pp. 87-92 [in Russian].
- Eremeev 2019** - Eremeev I.I. Planigrafiya i hronologiya drevnejshih etapov zhizni Ryurikova gorodishcha po materialam issledovanij 2013-2016 gg. [Planography and chronology of the oldest stages of the life of the Rurik settlement based on research materials 2013-2016], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2019, № 2 (26), pp. 67-92 [in Russian].
- Fasmer I-IV - Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka / Perevod s nemeckogo i dopolneniya O.N. Trubacheva. Izdanie vtoroe, stereotipnoe. V chetyryoh tomah. T. I-IV [Etymological dictionary of the Russian language / Translated from German and supplemented by O.N. Trubachev. The second edition, stereotypical. In four volumes], Moscow, Progress Publ., 1986-1987 [in Russian].**
- Fetisov, SHCHHavelev 2017** - Fetisov A.A., SHCHHavelev A.S. Vikingi. Mezhdru Skandinaviej i Rus'yu [Vikings. Between Scandinavia and Russia], Moscow, Veche Publ., 2017, 320 p. [in Russian].
- Flerova 2001** - Flerova V.E. Obrazy i syuzhety mifologii Hazarii [Images and plots of Khazarian mythology], Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2001, 160 p. [in Russian].
- Franklin, SHepard 2009** - Franklin S., SHepard D. Nachalo Rusi. 750-1200 / Avtorizovannyj perevod s anglijskogo D.M. Bulanin, N.L. Luzhetskaya [The beginning of Russia. 750-1200 / Authorized translation from English by D.M. Bulanin, N.L. Luzhetskaya], Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2009, 672 p. [in Russian].
- Froyanov 2015** - Froyanov I.YA. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaya Rus' [Lectures on Russian history. Kievan Rus], Saint-Petersburg, Russkaya kollekcija Publ., 2015, 1048 p. [in Russian].
- Gadlo 1979** - Gadlo A.V. Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV-X vv. [Ethnic history of the North Caucasus IV-X centuries], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1979, 216 p. [in Russian].
- Galkina 2002** - Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian Kaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].
- Galkina 2010** - Galkina E.S. Etnosy Vostochnoj Evropy v cikle «O tyurkah» arabskoj geograficheskoj literatury [Ethnic groups of Eastern Europe in the cycle "About the Turks" of Arabic geographical literature], in: Rossica antiqua, 2010, № 1, pp. 54-98 [in Russian].

- Galkina 2012** - Galkina E.S. Russkij kaganat. Bez hazar i normannov [The Russian kaganate. Without Khazars and Normans], Moscow, Algoritm Publ., 2012, 336 p. [in Russian].
- Garipzanov 2006** - Garipzanov I. The annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos, in: *Ruthenica*, 2006, № 5, pp. 7-11 [in English].
- Garkavi 1870** - Garkavi A.YA. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih [The tales of Muslim writers about Slavs and Russians], Saint-Petersburg, 1870, 315 p. [in Russian].
- Gedeonov 2004** - Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. V dvuh chastyah / Avtor predisloviya, kommentarijev, biograficheskogo ocherka – V.V. Fomin. Vtoroe izdanie, kommentirovanoe [Varangians and Rus. In two parts / Author of the preface, comments, biographical essay – V.V. Fomin. Second edition, commented], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2004, 656 p. [in Russian].
- Gerodot 1972** - Gerodot. Istoriya v devyati knigah / Perevod i primechaniya G.A. Stratanovskogo [History in Nine Books / Translation and notes by G.A. Stratanovsky], Leningrad, Nauka Publ., 1972, 600 p. [in Russian].
- Göckenjan, Zimonyi 2001** - Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī) / Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Bd. 54 [Oriental accounts of the peoples of Eastern Europe and Central Asia in the Middle Ages: The Ġayhānī Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-Ālam, al-Bakrī and al-Marwazī) / Publications of the Societas Uralo-Altaica. Vol. 54], Wiesbaden, 2001, 351 p. [in German].
- Golubev 2018** - Golubev A.M. Hronologiya saltovskih pamyatnikov Verhnego Podoncov'ya v kontekste vengerskoj problematiki [Chronology of the Saltovo monuments of the Upper Donets region in the context of Hungarian issues], in: Tretij Mezhdunarodnyj mad'yarskij simpozium [The Third International Magyar Symposium], Budapesht, 2018, pp. 367-400 [in Russian].
- Gomzin 2013** - Gomzin A.A. Vostochnoe monetnoe srebro IX – nachala XI v. v Srednem i Nizhnem Pooch'e. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Eastern coin silver of the IX – beginning of the XI century. in the Middle and Lower Poochye. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Moscow, 2013, 26 p. [in Russian].
- Gomzin 2017** - Gomzin A.A. Dirhamy Ka'usidov Tabaristana v Pooch'e [Dirhams of the Ka'usids of Tabaristan in Poochye], in: *Arheologiya evrazijskikh stepej* [Archaeology of the Eurasian Steppes], 2017, № 6, pp. 45-50 [in Russian].
- Gorskij 2004** - Gorskij A.A. Rus': Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo carstva [Rus: From the Slavic Settlement to the Muscovite Kingdom], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 392 p. [in Russian].
- Grigor'ev 2005** - Grigor'ev A.V. Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v konce I – nachale II tys. n.e. [Slavic population of the Oka and Don watershed in the late I – early II millennium AD.], Tula, Gosudarstvennyj muzej-zapovednik «Kulikovo pole» Publ., 2005, 207 p. [in Russian].
- Grigor'ev 2012** - Grigor'ev A.V. Naselenie mezhdurech'ya Dnepra i Dona v VIII – pervoj polovine XI v. [The population of the Dnieper and Don rivers in the VIII – first half of the XI century], in: *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2010. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [The oldest states of Eastern Europe. 2010. Prerequisites and ways of formation of the Ancient Russian state], Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke Publ., 2012, pp. 94-127 [in Russian].
- Hedenstierna-Jonson 2006** - Hedenstierna-Jonson Ch. The Birka Warrior. The material culture of a martial society, in: *Theses and Papers in Scientific Archaeology*, Vol. 8, Stockholm, 2006, 120 p. [in English].
- Ibn Hordadbekh 1986** - Ibn Hordadbekh. Kniga putej i stran / Perevod s arabskogo, kommentarii, issledovaniya, ukazateli i karty N. Velihanovoj [The Book of Ways and Countries / Translated from Arabic, comments, studies, pointers and maps by N. Velikhanova], Baku, Elm Publ., 1986, 428 p. [in Russian].
- Ibn Ruste 1869** - Abu-Ali Ahmed Ben Omar Ibn-Dasta. Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah / Perevod s arabskogo, kommentarii D.A. Hvol'sona [News about the Khozars, Burtas, Bulgarians, Magyars, Slavs and Russians / Translated from Arabic, comments by D.A. Khvolson], Saint-Petersburg, 1869, 200 p. [in Russian].
- Ievlev i dr. 2014** - Ievlev M.M., Kozlovskij A.A., Minaeva N.I. Rasprostranenie vliyanija Hazarskogo kaganata v Srednem Podneprov'e (k voprosu sushchestvovaniya «zhidovskogo goroda» na territorii drevnego Kiev) [The spread of the influence of the Khazar Khaganate in the Middle Dnieper region (on the question of the existence of a "Jewish city" on the territory of ancient Kiev)], in: *Hazarskij al'manah* [The Khazar Almanac], Vol. 12, Kharkiv, 2014, pp. 69-90 [in Russian].
- Ivakin 2011** - Ivakin V.G. Kievskie pogrebeniya X veka [Kiev burials of the X century], in: *Stratum plus*, 2011, № 5, pp. 243-286 [in Russian].
- Kainov 2011** - Kainov S.YU. Novye dannye o meche s Sarskogo gorodishcha [New information about the sword from the Sarsky settlement], in: *Voennaya arheologiya* [Military archaeology], Vol. 2, Moscow, 2011, pp. 147-152 [in Russian].
- Kainov 2018** - Kainov S.YU. Pogrebeniya s predmetami vooruzheniya Gnyozdovskogo nekropolya [Burials with items of armament of the Gnezdovsky necropolis], in: *Gnyozdovskij arheologicheskij kompleks. Materialy i issledovaniya* [Gnezdovsky archaeological complex. Materials and research], Vol. 1, Moscow, 2018, pp. 212-241 [in Russian].
- Kainov 2020** - Kainov S.YU. Oruzhie Gnezdova i slozhenie drevnerusskogo kompleksa vooruzhenij [Gnezdov's weapons and the addition of the Old Russian weapons complex], 2020, Electronic resource: <http://www.rus-druzhina.ru/advice/gnezdova.php> (Date of access - 12.11.2020) [in Russian].
- Kalinina 2003** - Kalinina T.M. Interpretaciya nekotoryh izvestij o slavyanah v «Anonimnoj zapiske» [Interpretation of some news about the Slavs in the "Anonymous Note"], in: *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2001. Istoricheskaya pamyat' i formy ee voploshcheniya [The oldest states of Eastern Europe. 2001. Historical memory and forms of its embodiment], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 204-216 [in Russian].
- Kalinina 2011** - Kalinina T.M. Strana Hazariya, kakoj ona predstavlyaetsya po arabo-persidskim istochnikam [The country of Khazaria, as it appears according to Arab-Persian sources], 2011, Electronic resource: <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=12867> Date of access - 12.11.2020) [in Russian].
- Karpenko 2016** - Karpenko A.A. Rus' severyan Veshchego Olega [Russia Prophetic Oleg's northerners], Rostov-on-Don, Kniga Publ., 2016, 272 p. [in Russian].

- Kazanskij 2017** - Kazanskij M.M. Priazovskie hunugury, mekhovaya trgovlya i vodnye puti [Azov hunugurs, fur trade and waterways], in: XVIII Bosporskie chteniya [XVIII Bosporan readings], Simferopol; Kerch, 2017, pp. 218-229 [in Russian].
- Kirpichnikov 1973** - Kirpichnikov A.N. Snaryazhenie vsadnika i verhovogo konya na Rusi IX-XIII vv. / Svod arheologicheskikh istochnikov. Vyp. E1-36 [Equipment of a rider and a riding horse in Russia of the IX-XIII centuries. / Code of archaeological sources. Issue E1-36], Leningrad, Nauka Publ., 1973, 138 p. [in Russian].
- Kirpichnikov 1998** - Kirpichnikov A.N. O nachale proizvodstva mechej na Rusi [About the beginning of the production of swords in Russia], in: Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoj arheologii [Proceedings of the VI International Congress of Slavic Archaeology], Vol. 4, Moscow, 1998, pp. 246-251 [in Russian].
- Kirpichnikov 2010** - Kirpichnikov A.N. Staraya Ladoga – drevnyaya stolica Rossii [Staraya Ladoga – the ancient capital of Russia], 2010, Electronic resource: http://voopik.ru/doc/region/leningradskoe_otdelenie/02.pdf (Date of access - 12.11.2020) [in Russian].
- Kirpichnikov, Kurbatov 2014** - Kirpichnikov A.N., Kurbatov A.V. Novye dannye o proiskhozhdenii Ladozhskogo poseleniya i o poyavlenii slavyan v Povolhov'e [New data on the origin of the Ladoga settlement and the appearance of the Slavs in the Volga region], in: Stratum plus, 2014, № 5, pp. 129-136 [in Russian].
- Kokovcov 1932** - Kokovcov P.K. Evrejsko-hazarskaya perepiska v X v. [Jewish-Khazar correspondence in the tenth century], Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1932, 140 p. [in Russian].
- Koloda 2009** - Koloda V.V. Problemy gradoobrazovaniya v rannesrednevekovykh kontaktnykh zonah (na primere lesostepnogo regiona Severskogo Donca) [Problems of town formation in early medieval contact zones (on the example of the forest-steppe region of the Seversky Donets)], in: Srednevekovyj gorod YUgo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyuciya, material'naya kul'tura [Medieval city of the South-East of Russia: prerequisites for the emergence, evolution, material culture], Kursk, 2009, pp. 35-43 [in Russian].
- Koloda, Gorbanenko 2010** - Koloda V.V., Gorbanenko S.A. Sel'skoe hozyajstvo nositelej saltovskoj kul'tury v lesostepnoj zone [Agriculture of the Saltovo culture carriers in the forest-steppe zone], Kiev, Institut arheologii NAN Ukrainy Publ., 2010, 216 p. [in Russian].
- Komar 2005** - Komar A.V. K diskussii o proiskhozhdenii i rannih fazah istorii Kieva [To the discussion about the origin and early phases of the history of Kiev], in: Ruthenica, 2005, № 4, pp. 115-137 [in Russian].
- Komar 2011** - Komar A.V. Drevnie mad'yary Etel'keza: perspektivy issledovanij [The ancient Magyars of Etelkesa: prospects for research], in: Arheologiya i davnya istoriya Ukraini [Archeology and ancient history of Ukraine], 2011, № 7, pp. 55-69 [in Russian].
- Komar 2012** - Komar A.V. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kiev and the Right-Bank Dnieper], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the IX-XI centuries: An archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 300-333 [in Russian].
- Komar, Suhobokov 2000** - Komar A.V., Suhobokov O.V. Vooruzhenie i voennoe delo Hazarskogo Kaganata [Armament and military affairs of the Khazar Khaganate], 2000, Elektronnyj resurs: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_suhobokov.htm (Date of access - 12.11.2020) [in Russian].
- Konovalova 2001** - Konovalova I.G. Sostav rasskaza ob «ostrove rusov» v sochineniyah arabo-persidskikh avtorov X-XVI vv. [The composition of the story about the "island of Rus" in the works of Arab-Persian authors of the X-XVI centuries], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1999. Vostochnaya i Severnaya Evropa v Srednevekov'e [The oldest states of Eastern Europe. 1999. Eastern and Northern Europe in the Middle Ages], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, pp. 169-189 [in Russian].
- Konovalova 2001a** - Konovalova I.G. O vozmozhnykh istochnikah zaimstvovaniya titula «kagan» v Drevnej Rusi [About possible sources of borrowing the title "Kagan" in Ancient Russia], in: Slavyane i ih sosedi [Slavs and their neighbors], Vol. 10, Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 108-135 [in Russian].
- Konstantin Bagryanorodnyj 1991** - Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej / Teksty, perevod, kommentarij; pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'tseva [On the management of the Empire / Texts, translation, commentary; edited by G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].
- Korol' 2005** - Korol' D.A. Motiv 'vsadnika' i 'vstrechayushchej bogini' na pogrebal'nykh kamnyah Skandinavii i Severnogo Prichernomor'ya [The motif of the 'horseman' and the 'meeting goddess' on the burial stones of Scandinavia and the Northern Black Sea region], in: Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arheologii [Structural and semiotic studies in archaeology], Vol. 2, Donetsk, 2005, pp. 341-344 [in Russian].
- Kovalevskij 1956** - Kovalevskij A.P. Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii [The book of Ahmed Ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921-922. Articles, translations and comments], Kharkiv, Izdatel'stvo Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1956, 348 p. [in Russian].
- Kozhinov 2001** - Kozhinov V.V. Istoriya Rusi i russkogo slova. Opyt bespristrastnogo issledovaniya [The history of Russia and the Russian word. Experience of impartial research], Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001, 512 p. [in Russian].
- Kravchenko 2004** - Kravchenko E.E. Gorodishcha srednego techeniya Severskogo Donca [Settlements of the middle reaches of the Seversky Donets], in: Hazars'kij Al'manah [Khazar Almanac], Vol. 3, Kharkiv, 2004, pp. 242-276 [in Russian].
- Kravchenko 2005** - Kravchenko E.E. Musul'manskoe naselenie srednego techeniya Severskogo Donca i rasprostranenie islama v Vostochnoj Evrope v Hazarskoe vremya [The Muslim population of the Middle reaches of the Seversky Donets and the spread of Islam in Eastern Europe during the Khazar Period], in: Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya [Steppes of Europe in the Middle Ages], Vol. 4, Donetsk, 2005, pp. 153-186 [in Russian].
- Kryganov 1989** - Kryganov A.V. Vooruzhenie i vojsko naseleniya saltovo-mayackoj kul'tury (po materialam mogil'nikov s obryadom truposozhzheniya) [Armament and army of the population of the Saltovo-Mayak culture (based on the materials of burial grounds with the rite of corpse-burning)], in: Problemy arheologii Podneprov'ya [Problems of archeology of the Dnieper], Dnepropetrovsk, 1989, pp. 98-114 [in Russian].
- Kryganov 1993** - Kryganov A.V. Vijs'kova sprava rann'oseredn'ovichnih alaniv Podonnya [Military affairs of the early medieval Ales of the Don region], in: Arheologiya [Archaeology], 1993, № 2, pp. 52-62 [in Ukrainian].
- Kuleshov 2008** - Kuleshov V.S. «Runicheskij dirham»: novyj istochnik dlya istorii hazarskoj geraldiki? ["Runic Dirhams": a new source for the history of Khazar heraldry?], Saint-Petersburg, 2009, 8 p. [in Russian].

- Kuleshov 2018 - Kuleshov V.S.** Numizmaticheskaya hronologiya epohi vikingov: opyt, sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy [Numismatic chronology of the Viking Age: experience, current state, problems and prospects], in: Arheologiya Drevnej Rusi: problemy i otkrytiya. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina [Archeology of Ancient Russia: problems and discoveries. Materials of the international conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of D.A. Avdusin], Moscow, 2018, pp. 97-102 [in Russian].
- Kuleshov 2019 - Kuleshov V.S.** Pis'mennye i numizmaticheskie istochniki po istorii denezhnogo obrashcheniya v Vostochnoj Evrope v IX-XI vv. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Written and numismatic sources on the history of monetary circulation in Eastern Europe in the IX-XI centuries. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Moscow, 2019, 35 p. [in Russian].
- Kuleshov 2021 - Kuleshov V.S.** Svedeniya o evropejskikh i russkikh mechah v pamyatnikah arabskoj literatury IX-XI vekov [Information about European and Russian swords in the monuments of Arabic literature of the IX-XI centuries], in: Oruzhejnij sbornik [Weapons Collection], Vol. 1, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2021, pp. 89-99 [in Russian].
- Kuzenkov 2003 - Kuzenkov P.V.** Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh [The campaign of 860 against Constantinople and the first baptism of Russia in medieval written sources], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [The oldest states of Eastern Europe. 2000. Problems of source studies], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 3-172 [in Russian].
- Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G.** Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].
- Kuz'min 2008 - Kuz'min S.L.** Ladoga v epohu rannego srednevekov'ya (seredina VIII – nachalo XII v.) [Ladoga in the Early Middle Ages (mid-VIII – early XII century)], in: Issledovanie pamyatnikov epohi srednevekov'ya [Research of monuments of the Middle Ages], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2008, pp. 69-94 [in Russian].
- Kuz'min, Volkovickij 2003 - Kuz'min S.L., Volkovickij A.I.** Pozhary i katastrofy v Ladoge: 250 let nepreryvnoj zhizni? [Fires and disasters in Ladoga: 250 years of continuous life?], in: Ladoga – pervaya stolica Rusi. 1250 let nepreryvnoj zhizni [Ladoga is the first capital of Russia. 1250 years of continuous life], Saint-Petersburg, 2003, pp. 45-57 [in Russian].
- Latyshev 1890 - Latyshev V.V.** Izvestiya drevnih pisatelej grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. T. I. Grecheskie pisateli [News of ancient Greek and Latin writers about Scythia and the Caucasus. Volume I. Greek writers], Saint-Petersburg, 1890, 946 p. [in Russian].
- Lebedev 2005 - Lebedev G.S.** Epoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi [The Viking Age in Northern Europe and Russia], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2005, 640 p. [in Russian].
- Leont'ev 2012 - Leont'ev A.E.** Na beregah ozyor Nero i Pleshcheevo [On the shores of Lakes Nero and Pleshcheyevo], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the IX-XI centuries: An archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 162-177 [in Russian].
- Lev Diakon 1988 - Lev Diakon.** Istoriya / Perevod M.M. Kopylenko; stat'ya M.YA. Syuzumova; kommentarij M.YA. Syuzumova, S.A. Ivanova [History / Translation by M.M. Kopylenko; article by M.Y. Syuzumov; commentary by M.Y. Syuzumov, S.A. Ivanov], Moscow, Nauka Publ., 1988, 240 p. [in Russian].
- Machinskij 2009 - Machinskij D.A.** Nekotorye predposylki, dvizhushchie sily i istoricheskij kontekst slozheniya russkogo gosudarstva v seredine VIII – seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and historical context of the formation of the Russian state in the middle of the VIII – middle of the XI century], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Works of the State Hermitage Museum], Vol. 49, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 460-538 [in Russian].
- Machinskij, Gubchevskaya 2007 - Machinskij D.A., Gubchevskaya L.A.** O pervonachal'noj Rusi [About the original Russia], Staraya Ladoga, 2007, 113 p. [in Russian].
- Makarov 2012 - Makarov N.A.** Istoricheskie svidetel'stva i arheologicheskie realii: v poiskah sootvetstvij [Historical evidence and archaeological realities: in search of correspondences], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the IX-XI centuries: An archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 448-459 [in Russian].
- Matuzova 1979 - Matuzova V.I.** Anglijskie srednevekovye istochniki IX-XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij [English medieval sources of the IX-XIII centuries. Texts, translation, commentary], Moscow, Nauka Publ., 1979, 268 p. [in Russian].
- Mavrodin 1945 - Mavrodin V.V.** Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 427 p. [in Russian].
- Mel'nikova 2011 - Mel'nikova E.A.** Drevnyaya Rus' i Skandaviya: Izbrannye trudy [Ancient Russia and Scandinavia: Selected works], Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke Publ., 2011, 476 p.
- Mihajlov 2005 - Mihajlov K.A.** Drevnerusskie kaftany «vostochnogo tipa» (moda, proiskhozhdenie, hronologiya) [Old Russian caftans of the "oriental type" (fashion, origin, chronology)], in: Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Istoricheskie nauki [Bulletin of Young Scientists. Series: Historical Sciences], 2005, № 1, pp. 56-65 [in Russian].
- Mihajlov 2011 - Mihajlov K.A.** Nahodka rannesrednevekovoj odezhdy «vostochnogo» tipa iz Staroj Ladogi [The discovery of early medieval clothing of the "oriental" type from Staraya Ladoga], in: Novgorod i Novgorodskaya zemlya [Novgorod and the Novgorod land], Vol. 25, Veliky Novgorod, 2011, pp. 166-177 [in Russian].
- Mihajlov 2016 - Mihajlov K.A.** Elitarnyj pogrebal'nyj obryad Drevnej Rusi: kamernye pogrebeniya IX – nachala XI veka v kontekste severoevropskikh analogij [Elite funeral rite of Ancient Russia: chamber burials of the IX – early XI century in the context of Northern European analogies], Saint-Petersburg, Branko Publ., 2016, 272 p. [in Russian].
- Minorskij 1963 - Minorskij V.F.** Istoriya Shirvana i Derbenda X-XI vekov [The history of Shirvan and Derbend of the X-XI centuries], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1963, 265 p. [in Russian].
- Mocya 1987 - Mocya A.P.** Naselenie Srednego Podneprov'ya IX-XIII vv. (po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov) [The population of the Middle Dnieper IX-XIII centuries. (according to funerary monuments)], Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 164 p. [in Russian].
- Murashyova 2020 - Murashyova V.V.** Neobychnaya podveska s gorodishcha Supruty [An unusual pendant from the settlement of Supruta], in: Hazarskij al'manah [The Khazar Almanac], Vol. 17, Moscow, Indrik Publ., 2020, pp. 144-150 [in Russian].

- Musin 2000** - Musin A.E. O rasprostraneni hristianstva v drevnej Rusi IX-XIV vekov na osnove dannyh arheologii i pis'mennyh istochnikov [On the spread of Christianity in ancient Russia of the IX-XIV centuries based on archaeological data and written sources], in: Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin], 2000, № 2 (6), pp. 176-188 [in Russian].
- Nazarenko 2001** - Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazey IX-XII vv. [Ancient Russia on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Ties of the IX-XII centuries], Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].
- Nazarenko 2012** - Nazarenko A.V. Rus' IX veka: obzor pis'mennyh istochnikov [Russia of the IX century: a review of written sources], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the IX-XI centuries: An archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 12-36 [in Russian].
- Nikolaenko 1991** - Nikolaenko A.G. Severo-Zapadnaya Hazariya ili Donskaya Rus'? Drevnosti Prioskol'skoj lesostepi v zametkah kraevedy [Northwest Khazaria or Don Rus? Antiquities of the Prioskolskaya forest-steppe in the notes of a local historian], Volokonovka, 1991, 132 p. [in Russian].
- Nikon 1989** - Ierodiakon Nikon (Lysenko). «Fotievo» kreshchenie slavyano-rossov i ego znachenie v predystorii Kreshcheniya Rusi [The "Fotievo" baptism of the Slavs-Rosses and its significance in the prehistory of the Baptism of Rus], in: Bogoslovskie trudy [Theological works], Vol. 29, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii Publ., 1989, pp. 27-40 [in Russian].
- Nosov 2012** - Nosov E.N. Novgorodskaya zemlya: Severnoe Priil'men'e i Povolhov'e [Novgorod land: Northern Priilmenye and Povolkhovye], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the IX-XI centuries: An archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 92-121 [in Russian].
- Nosov 2017** - Nosov E.N. Ryurikovo gorodishche – rezidenciya novgorodskih knyazey i ego rol' v stanovlenii Novgoroda [Rurikovo settlement – the residence of the Novgorod princes and its role in the formation of Novgorod], in: Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovaniy [Rurikovo settlement. New stages of research], Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2017, pp. 18-33 [in Russian].
- Novikova 1992** - Novikova G.L. Skandinavskie yazycheskie kul'ty na territorii Drevnej Rusi. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchynonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Scandinavian pagan cults on the territory of Ancient Russia. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Moscow, 1992, 25 p. [in Russian].
- Novoe v arheologii 2018** - Novoe v arheologii Staroj Ladogi: materialy i issledovaniya [New in the archeology of Staraya Ladoga: materials and research], Saint-Petersburg, Nevskaya knizhnaya tipografiya Publ., 2018, 536 p. [in Russian].
- Novosel'cev 1965** - Novosel'cev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI-IX vv. [Eastern sources about the Eastern Slavs and Russia of the VI-IX centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [The Ancient Russian State and its international significance], Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 355-419 [in Russian].
- Novosel'cev 2000** - Novosel'cev A.P. K voprosu ob odnom iz drevnejshih titulov russkogo knyazya [On the question of one of the oldest titles of the Russian Prince], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998. Pamyati chlena-korrespondenta RAN Anatoliya Petrovicha Novosel'ceva [The oldest states of Eastern Europe. 1998. In memory of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Anatoly Petrovich Novosel'tsev], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 367-379 [in Russian].
- Parhomenko 1924** - Parhomenko V.A. U istokov russkoj gosudarstvennosti (VIII-XI vv.) [At the origins of Russian statehood (VIII-XI centuries)], Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1924, 118 p. [in Russian].
- Petruhin 1995** - Petruhin V.YA. Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX-XI vekov [The beginning of the ethnocultural history of Russia of the IX-XI centuries], Smolensk, Rusich Publ.; Moscow, Gnozis Publ., 1995, 320 p. [in Russian].
- Petruhin 2001** - Petruhin V.YA. «Russkij kaganat», skandinavyy i yuzhnaya Rus': srednevekovaya tradiciya i stereotipy sovremennoj istoriografii ["Russian Kaganate", Scandinavians and Southern Russia: Medieval Tradition and Stereotypes of Modern Historiography], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1999. Vostochnaya i Severnaya Evropa [The oldest states of Eastern Europe. 1999. Eastern and Northern Europe], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, pp. 127-142 [in Russian].
- Petruhin 2004** - Petruhin V.YA. «Provody Peruna»: drevnerusskij «fol'klor» i vizantijskaya tradiciya ["Seeing off Perun": ancient Russian "folklore" and the Byzantine tradition], in: YAzyk kul'tury: semantika i grammatika [The language of culture: semantics and grammar], Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 248-255 [in Russian].
- Petruhin 2014** - Petruhin V.YA. Rus' v IX-X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Russia in the IX-X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith. Second edition, revised and expanded], Moscow, FORUM Publ.; NEOLIT Publ., 2014, 464 p. [in Russian].
- Petruhin 2019** - Petruhin V.YA. Rus' hristianskaya i yazycheskaya: Istoriko-arheologicheskie ocherki [Christian and Pagan Russia: Historical and Archaeological Essays], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2019, 608 p. [in Russian].
- Pigulevskaya 2011** - Pigulevskaya N.V. Sirijskaya srednevekovaya istoriografiya: issledovaniya i perevody. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe / Sostavitel' N.A. Meshcherskaya [Syriac Medieval Historiography: Studies and Translations. The second edition, corrected and supplemented / Compiled by N.A. Meshcherskaya], Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2011, 832 p. [in Russian].
- Pletnyova 1967** - Pletnyova S.A. Ot kochevij k gorodam. Saltovo-mayackaya kul'tura / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Vyp. 142 [From nomads to cities. Saltovo-Mayak culture / Materials and research on the archeology of the USSR. Vol. 142], Moscow, Nauka Publ., 1967, 209 p. [in Russian].
- Pletnyova 1989** - Pletnyova S.A. Na slavyano-hazarskom pogranich'e (Dmitrievskij arheologicheskij kompleks) [On the Slavic-Khazar borderland (Dmitrievsky Archaeological Complex)], Moscow, Nauka Publ., 1989, 288 p. [in Russian].
- Pohlebkin 1992** - Pohlebkin V.V. Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenah, datah i faktah. Vyp. 1. Vedomstva vneshnej politiki i ih rukovoditeli [The foreign policy of Russia, Russia and the USSR for 1000 years in names, dates and facts. Issue 1. Foreign policy departments and their leaders], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1992, 285 p. [in Russian].
- Polyak 2001** - Polyak A.N. Vostochnaya Evropa v IX-X vekov v predstavlenii Vostoka [Eastern Europe in the IX-X centuries in the representation of the East], in: Slavyane i ih sosedi. Slavyane i kochevoj mir [Slavs and their neighbors. Slavs and the nomadic world], Vol. 10, Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 79-107 [in Russian].

- Potjomkina 1998** - Potjomkina T.M. O terminologii i otlichitel'nyh chertah nekotoryh vidov rannesrednevekovogo klinkovogo oruzhiya [About terminology and distinctive features of some types of early medieval bladed weapons], in: Voennaya arheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoy i social'noj perspektive [Military archaeology. Weapons and military affairs in historical and social perspective], Saint-Petersburg, 1998, pp. 289-290 [in Russian].
- PSRL. I - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I.** Lavrent'evskaya letopis' [The complete collection of Russian Chronicles. Volume I. The Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].
- PSRL. III - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. III.** Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov [The complete collection of Russian Chronicles. Volume III. The Novgorod first Chronicle of the elder and younger izvodov], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].
- Radomskij 2004** - Radomskij YA.L. Etnicheskij sostav Prichernomorskoj Rusi. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The ethnic composition of the Black Sea Rus. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Moscow, 2004, 321 p. [in Russian].
- Raevskij 1995** - Raevskij D.S. Skifo-sarmatskaya mifologiya [Scythian-Sarmatian mythology], in: Mify narodov mira. Enciklopediya v dvuh tomah. Vtoroe izdanie / Glavnyj redaktor S.A. Tokarev [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in two volumes. Second edition / Editor-in-Chief S.A. Tokarev], Minsk, Diler Publ.; Smolensk, Rusich Publ., 1995, pp. 445-450 [in Russian].
- Rapov 1998** - Rapov O.M. Russkaya cerkov' v IX – pervoj treti XII v. Prinyatie hristianstva. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe [The Russian Church in the IX – first third of the XII century. Adoption of Christianity. Second edition, revised and expanded], Moscow, Russkaya panorama Publ., 1998, 416 p. [in Russian].
- Ryabinin 2003** - Ryabinin E.A. U istokov Severnoj Rusi. Novye otkrytiya [At the origins of Northern Russia. New discoveries], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2003, 224 p. [in Russian].
- Ryabinin, Dubashinskij 2002** - Ryabinin E.A., Dubashinskij A.V. Lyubshanskoe gorodishche v Nizhnem Povolhove (predvaritel'noe soobshchenie) [Lyubshanskoye settlement in the Lower Volga region (preliminary report)], in: Ladoga i ee sosedi v epohu Srednevekov'ya [Ladoga and its neighbors in the Middle Ages], Saint-Petersburg, Institut istorii material'noj kul'tury RAN Publ., 2002, pp. 196-203 [in Russian].
- Rybakov 1982** - Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 590 p. [in Russian].
- Rydzevskaya 1945** - Rydzevskaya E.A. Svedeniya o Staroj Ladoge v drevnesevernoj literature [Information about Staraya Ladoga in Ancient Northern literature], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture], Vol. 11, Moscow, 1945, pp. 51-65 [in Russian].
- Saharov 1980** - Saharov A.N. Diplomatiya Drevnej Rusi. IX – pervaya polovina X v. [Diplomacy of Ancient Russia. IX – the first half of the X century], Moscow, Mysl' Publ., 1980, 360 p. [in Russian].
- Sedov 1998** - Sedov V.V. Russkij kaganat IX veka [The Russian Khaganate of the IX century], in: Otechestvennaya istoriya [Domestic history], 1998, № 4, pp. 3-14 [in Russian].
- Sedov 1999** - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 320 p. [in Russian].
- SHaskol'skij 1981** - SHaskol'skij I.P. Izvestie Bertinskih annalov v svete dannyh sovremennoj nauki [The News of the Bertin Annals in the light of the data of modern science], in: Letopisi i hroniki. 1980. V.N. Tatishchev i izuchenie russkogo letopisaniya [Chronicles and chronicles. 1980. V.N. Tatishchev and the study of Russian chronicles], Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 43-54 [in Russian].
- SHCHavelev 2014** - SHCHavelev A.S. Plemya severyan i hazarskie kreposti: eshche raz o geopolitike yuga Vostochnoj Evropy pervoj poloviny IX veka [The tribe of the Northerners and the Khazar fortresses: once again about the geopolitics of the South of Eastern Europe in the first half of the IX century], in: Kniga Kartiny zemli. Sbornik v chest' I.G. Konovalovoj [A Picture book of the earth. Collection in honor of I.G. Konovalova], Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 323-329 [in Russian].
- SHCHavelev 2016** - SHCHavelev A.S. Izvestie o «severnnyh skifakh» («rosah») v traktate «Taktika» vizantijskogo imperatora L'va VI Mudrogo [The news about the "Northern Scythians" ("roses") in the treatise "Tactics" of the Byzantine Emperor Leo VI the Wise], in: Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Vol. 3, Moscow, Akvilon Publ., 2016, pp. 236-250 [in Russian].
- SHCHavelev 2019** - SHCHavelev A.S. «Korabli» i voenno-morskoe delo naroda rus' IX – serediny X v. (po osnovnym sinhronnym pis'mennym istochnikam) ["Ships" and the naval affairs of the Rus people of the IX – mid-X century. (according to the main synchronous written sources)], in: Stratum plus, 2019, № 5, pp. 123-132 [in Russian].
- SHCHavelev, Fetisov 2014** - SHCHavelev A.S., Fetisov A.A. K istoricheskoy geografii Vostochnoj Evropy IX – nachala X veka: Karta kladov i konfiguraciya torgovyh putej [On the Historical Geography of Eastern Europe of the IX – early X century: Treasure map and configuration of trade routes], in: Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Vol. 2, Moscow, Akvilon Publ., 2014, pp. 7-53 [in Russian].
- SHCHavelev, Fetisov 2015** - SHCHavelev A.S., Fetisov A.A. K istoricheskoy geografii Vostochnoj Evropy IX v. 2. Karta skandinavskih kompleksov i artefaktov [On the historical geography of Eastern Europe in the IX century. 2. Map of Scandinavian complexes and artifacts], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2015. Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e [The oldest states of Eastern Europe. 2015. The economic systems of Eurasia in the Early Middle Ages], Moscow, Russkij fond soedjstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2017, pp. 278-328 [in Russian].
- SHCHeglova 1987** - SHCHeglova O.A. Saltovskie veshchi na pamyatnikah volyncevskogo tipa [Saltovo items on monuments of the Volyntsevo type], in: Arheologicheskie pamyatniki epohi zheleza Vostochnoevropskoj lesostepi [Archaeological monuments of the Iron Age of the Eastern European forest-steppe], Voronezh, 1987, pp. 77-85 [in Russian].
- Shevchenko 2011** - Shevchenko YU.YU. Peshchernye hramy Podon'ya: Istoricheskie sud'by v epohu «Imperii CHingisidov» ["Cave temples of the Underworld: Historical destinies in the era of the "Genghisid Empire"], in: Sibirskij sbornik. T. 3. Narody Evrazii v sostave dvuh imperij: Rossijskoj i Mongol'skoj [Siberian collection. Volume 3. The peoples of Eurasia as part of two empires: Russian and Mongolian], Saint-Petersburg, 2011, pp. 272-290 [in Russian].
- SHpilev 2009** - SHpilev A.G. O sootnesenii «strany slavyan» Ibn Ruste s Severskoj zemlej [On the correlation of the "country of the Slavs" by Ibn Rust with the Seversk land], in: Srednevekovyj gorod YUgo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyuciya, material'naya kul'tura [Medieval city of the South-East of Russia: prerequisites for the emergence, evolution, material culture], Kursk, 2009, pp. 52-69 [in Russian].

Smirnov 1928 - Smirnov P.P. Volz'kij shlyah i starodavni Rusi (Narisi z rus'koi istorii VI-IX vv.) [The Volga Way and the Ancient Russ (Essays on Russian History of the VI-IX centuries)], Kiev, Drukarnya Ukraïns'koï Akademii nauk Publ., 1928, 230 p. [in Ukrainian].

Solov'ev 1985 - Solov'ev A.I. O nekotorykh karakteristikakh klinkovogo oruzhiya [About some characteristics of bladed weapons], in: Problemy rekonstrukcij v arheologii [Problems of reconstructions in archaeology], Novosibirsk, 1985, pp. 147-154 [in Russian].

Stepovoj 2011 - Stepovoj A.V. Metallurgicheskoe proizvodstvo naseleniya lesostepnogo varianta saltovo-mayackoj kul'tury (Yutanovskij arheologicheskij kompleks). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Metallurgical production of the population of the forest-steppe variant of the Saltovo-Mayak culture (Yutanovsky archaeological complex). Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Voronezh, 2011, 22 p. [in Russian].

Sverdlov 2003 - Sverdlov M.B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Pre-Mongol Russia. Prince and princely power in Russia VI – the first third of the XIII century], Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].

Sverdlov 2017 - Sverdlov M.B. Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnej Rusi IX-XIII vv. Germaniya. «Pravda Russkaya». Istoriya teksta. Izbrannye stat'i [Sources in Latin on stories of Ancient Russia IX–XIII centuries. Germany. "Russkaya Pravda". Text history. Chosen articles], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 592 p. [in Russian].

Svistun 2012 - Svistun G.E. Transformaciya vzglyadov v ocenke social'noj i strategicheskoj roli lesostepnyh gorodishch saltovo-mayackoj kul'tury [Transformation of views in assessing the social and strategic role of forest-steppe settlements of the Saltovo-Mayak culture], in: Vostochnoevropejskie drevnosti [Eastern European Antiquities], Vol. 2, Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2012, pp. 189-208 [in Russian].

Svistun 2018 - Svistun G.E. K diskussii o napravlenosti fronta saltovo-mayackih lesostepnyh gorodishch [To the discussion about the direction of the front of the Saltovo-Mayak forest-steppe settlements], in: Arheologiya vostochnoevropejskoj lesostepi [Archaeology of the Eastern European forest-steppe], Belgorod, 2018, pp. 332-346 [in Russian].

Talis 1973 - Talis D.L. Toponimy Kryma s kornem «ros» [Toponyms of Crimea with the root "ros"], in: Antichnaya drevnost' i srednie veka [Ancient Antiquity and the Middle Ages], Vol. 10, Sverdlovsk, 1973, pp. 229-234 [in Russian].

Talis 1974 - Talis D.L. Rosy v Krymu [Russians in the Crimea], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1974, № 3, pp. 87-99 [in Russian].

Tolmachova 2000 - Tolmachova M.M. Tekhnologiya vigofovleniya saltivs'kih shabel' [Technology of manufacture of Saltov sabers], 2000, Electronic resource: <https://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Sci/Archeology/Archeometry/Applied/SaltovoSabres.html> (Date of access - 12.11.2018) [in Ukrainian].

Tolochko 1987 - Tolochko P.P. Drevnyaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoi istorii [Ancient Russia. Essays on socio-political history], Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 247 p. [in Russian].

Tolochko 2013 - Tolochko P.P. Rannyya Rus': istoriya i arheologiya [Early Russia: history and Archeology], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2013, 208 p. [in Russian].

Tolochko 2015 - Tolochko A.P. Ocherki nachal'noj rusi [Essays of primary Russia], Kiev; Saint-Petersburg, Laurus Publ., 2015, 336 p. [in Russian].

Tortika 2006 - Tortika A.A. Severo-Zapadnaya Hazariya v kontekste istorii Vostochnoj Evropy [Northwest Khazaria in the context of the History of Eastern Europe], Kharkiv, HGAK Publ., 2006, 554 p. [in Russian].

Tortika 2007 - Tortika A.A. Voenno-politicheskaya i social'naya struktura alano-bolgarskogo naseleniya lesostepnogo Podon'ya-Pridonech'ya v Hazarskoe vremya (konec VIII – nachalo X vv.) [Military-political and social structure of the Alano-Bulgarian population of the forest-steppe Podonye-Pridonechye in the Khazar period (late VIII – early X centuries)], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Politicheskie instituty i verhovnaya vlast': XIX CHteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Political Institutions and Supreme Power: XIX Readings in Memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto], Moscow, 2007, pp. 267-273 [in Russian].

Tortika 2013 - Tortika A.A. Geografiya i topografiya gorodishch saltovo-mayackoj kul'tury Verhnego Podoncov'ya v kontekste istoricheskikh rekonstrukcij [Geography and topography of the settlements of the Saltovo-Mayak culture of the Upper Donets region in the context of historical reconstructions], in: II Bahchisarajskie chteniya pamyati E.V. Vejmarina. Tezisy dokladov i soobshchenij [The second Bakhchisarai readings in memory of E.V. Weimarn. Abstracts of reports and messages], Simferopol, Antikva Publ., 2013, pp. 44-45 [in Russian].

Tortika 2013a - Tortika A.A. Strategiya oborony ili napadeniya? Gorodishcha lesostepnogo varianta SMK VIII-X vv. i ih rol' sisteme hazarskogo vlianiya v regione [Strategy of defense or attack? Settlements of the forest-steppe variant of the QMS of the VIII-X centuries and their role in the system of Khazar influence in the region], in: Pamyati N.V. CHernigovoj: k 10-letiyu so dnya smerti. Sbornik nauchnyh statej [In memory of N.V. Chernigova: to the 10th anniversary of her death. Collection of scientific articles], H.-Bogoduhov, 2013, pp. 91-105 [in Russian].

Trubachev 2005 - Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of Unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].

Vasil'ev 1998 - Vasil'ev M.A. YAzychestvo vostochnykh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi: Religiozno-mifologicheskoe vzaimodejstvie s iranskim mirom. YAzycheskaya reforma knyazya Vladimira [Paganism of the Eastern Slavs on the eve of the Baptism of Rus: Religious and mythological interaction with the Iranian world. Pagan reform of Prince Vladimir], Moscow, Indrik Publ., 1998, 328 p. [in Russian].

Vasil'ev 2000 - Vasil'ev M.A. Osobennosti formirovaniya i razvitiya vostochnoslavyanskogo yazychestva: bogi iranskogo proiskhozhdeniya Semargl i Hors kievskogo panteona knyazya Vladimira. «Pervaya religioznaya reforma». Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoy stepeni doktora istoricheskikh nauk [Features of the formation and development of East Slavic paganism: The gods of Iranian origin are Semargl and Horse of the Kiev pantheon of Prince Vladimir. "The first religious reform". Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences], Moscow, 2000, 52 p. [in Russian].

Vasil'evskij 1915 - Vasil'evskij V.G. Trudy [Works], Vol. III, Petrograd, 1915, 416 p. [in Russian].

Vernadskij 1996 - Vernadskij G.V. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ., 1996, 448 p. [in Russian].

- Vinnikov 1995 - Vinnikov A.Z.** Slavyane lesostepnogo Dona v rannem srednevekov'e (VIII – nachalo XI veka) [Slavs of the forest–steppe Don in the early Middle Ages (VIII - early XI century)], Voronezh, Izdatel'stvo VGU Publ., 1995, 161 p. [in Russian].
- Vinnikov, Pletnyova 1998 - Vinnikov A.Z., Pletnyova S.A.** Na severnyh rubezhah Hazarskogo kaganata. Mayackoe poselenie [On the northern borders of the Khazar Khaganate. Mayak settlement], Voronezh, Izdatel'stvo VGU Publ., 1998 [in Russian].
- Vladimirov 2017 - Vladimirov S.I.** Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Dono-Donetskoj lesostepi vo vtoroj polovine VIII – nachale X vv. (saltovo-mayackaya kul'tura). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Armament and military affairs of the population of the Don-Donetsk forest-steppe in the second half of the VIII – early X centuries (Saltovo-Mayak culture). Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Voronezh, 2017, 24 p. [in Russian].
- Voronyatov 2012 - Voronyatov S.V.** Cherta osedlosti rusov konca VIII – pervoj poloviny IX v. [The pale of settlement of the Rus of the end of the VIII – first half of the IX century], in: Istoki slavyanstva i Rusi: sbornik statej po materialam X chtenij pamyati Anny Machinskoj [The Origins of Slavs and Rus: a collection of articles based on the materials of the X readings in memory of Anna Machinskaya], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 221-245 [in Russian].
- YAcenko 2001 - YAcenko S.A.** Znaki-tamgi iranoyazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya [Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, 190 p. [in Russian].
- YAnin 2009 - YAnin V.L.** Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoj Rusi i ocherki istorii denezhnoj sistemy srednevekovogo Novgoroda [Monetary and Weight systems of Pre-Mongol Russia and essays on the history of the monetary system of medieval Novgorod], Moscow, YAzyki slavyanskih kul'tur Publ., 2009, 416 p. [in Russian].
- YUshkov 1940 - YUshkov S.V.** K voprosu o proiskhozhdenii Russkogo gosudarstva [On the question of the origin of the Russian State], in: Uchenye zapiski Moskovskogo yuridicheskogo instituta [Scientific notes of the Moscow Law Institute], 1940, Vol. II, pp. 37-59 [in Russian].
- Zahoder 1967 - Zahoder B.N.** Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. II. Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane [The Caspian summary of information about Eastern Europe. Volume II. Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Russ, Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1967, 213 p. [in Russian].
- Zaliznyak 1962 - Zaliznyak A.A.** Problemy slavyano-iranskih yazykovyh otnoshenij drevnejshego perioda [Problems of Slavic-Iranian language relations of the most ancient period], in: Voprosy slavyanskogo yazykoznanija [Questions of Slavic linguistics], Vol. 6, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, pp. 28-45 [in Russian].
- ZHih 2009 - ZHih M.I.** K probleme Russkogo kaganata: Drevnyaya Rus' i ee stepnye sosedi [On the Problem of the Russian Kaganate: Ancient Rus and its Steppe Neighbors], in: Rusin, 2009, № 3 (17), pp. 147-157 [in Russian].
- ZHih 2018 - ZHih M.I.** Raboty Dmitriya Tarasovicha Berezovca i problema lokalizacii Russkogo kaganata [Works of Dmitry Tarasovich Berezovets and the problem of localization of the Rus' khaganate], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 176-245 [in Russian].
- ZHih 2020 - ZHih M.I.** Vostochnye slavyane nakanune gosudarstvennosti [Eastern Slavs on the eve of statehood], Moscow, Veche Publ., 2020, 448 p. [in Russian].
- Zorin 2002 - Zorin A.V.** Rusy i severjane: iz istorii voennogo protivostoyaniya [Russ and Severians: from the history of military confrontation], 2002, Electronic resource: <http://xlegio.ru/ancient-armies/armament/ruses-northerners-military-confrontation/> (Date of access - 12.11.2020) [in Russian].

Беззаконов Сергей Николаевич

– Независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия).

Sergey Bezzakonov

– Independent Researcher (Rostov-on-Don, Russia).

bezzakonov@mail.ru

Жих Максим Иванович

– Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh

– The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru